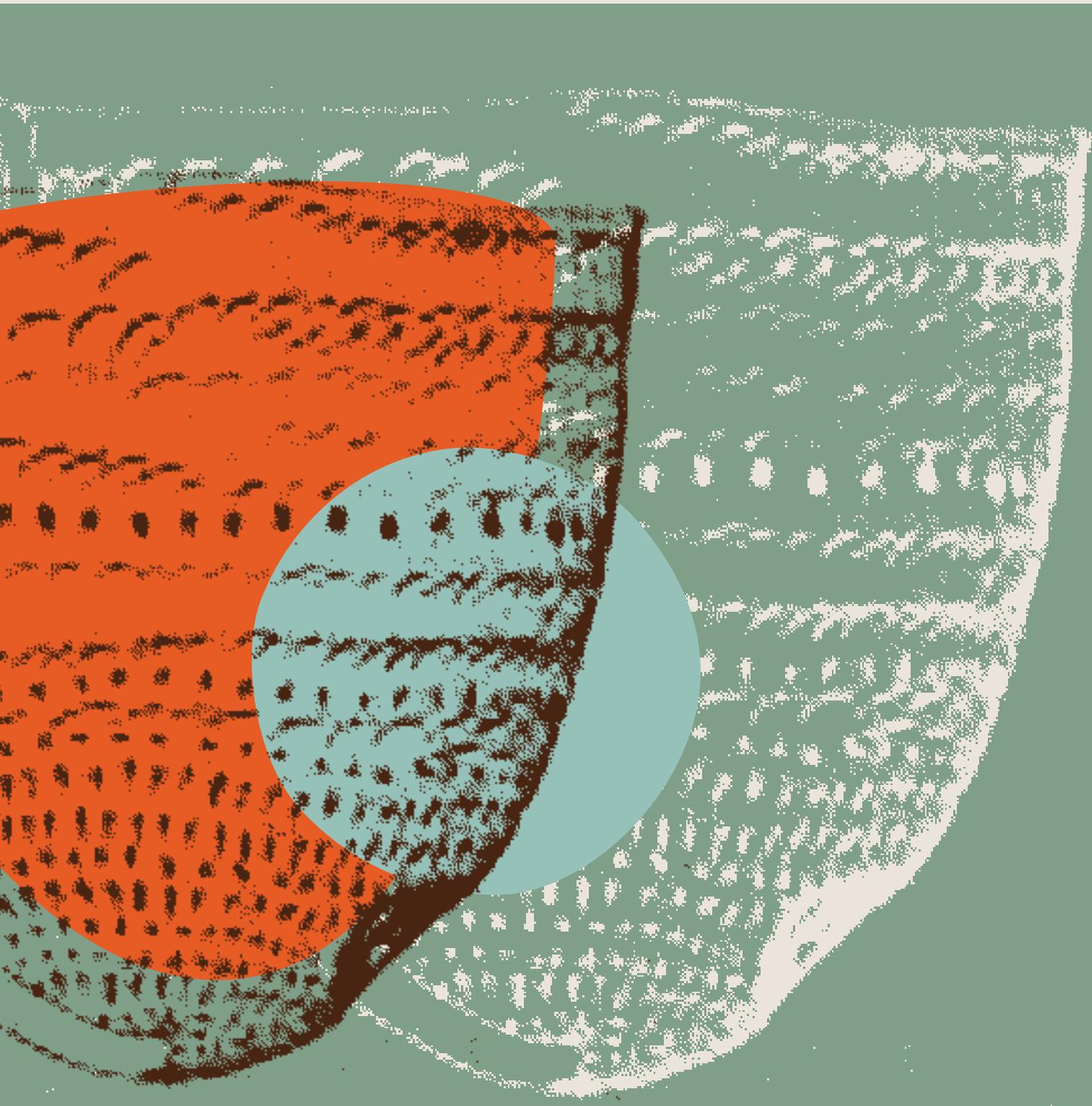

ДРЕВНЯЯ КЕРАМИКА ЕВРАЗИИ: от сосуда к культуре

Санкт-Петербург, 2024

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

THE STATE HERMITAGE MUSEUM

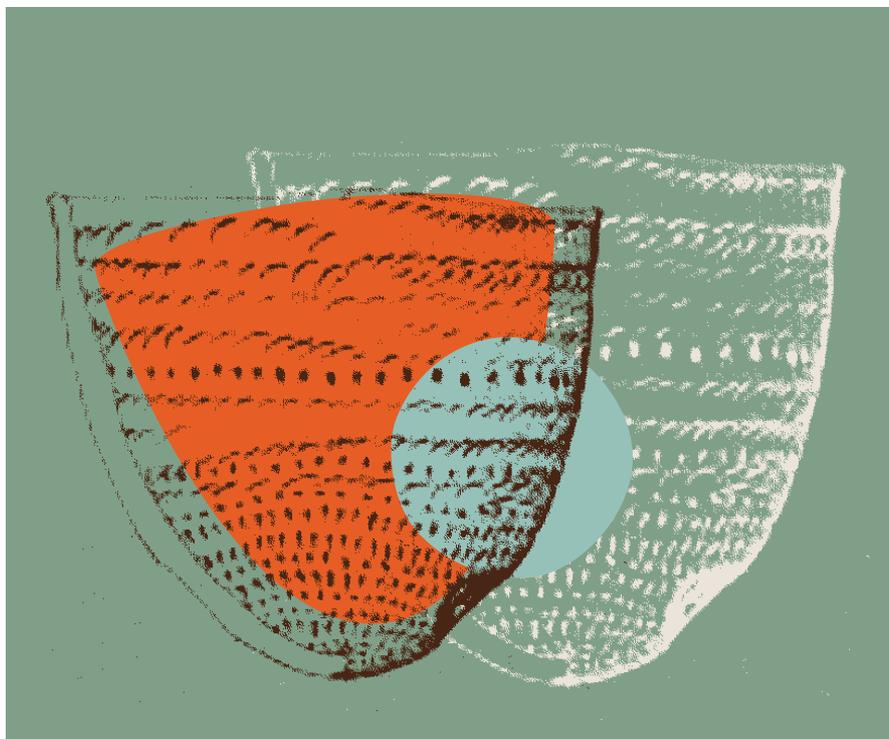
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY RAS

PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA) RAS

SAMARA STATE UNIVERSITY OF SOCIAL SCIENCES AND EDUCATION

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

ANCIENT POTTERY OF EURASIA: from vessel to culture

Saint Petersburg
2024

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

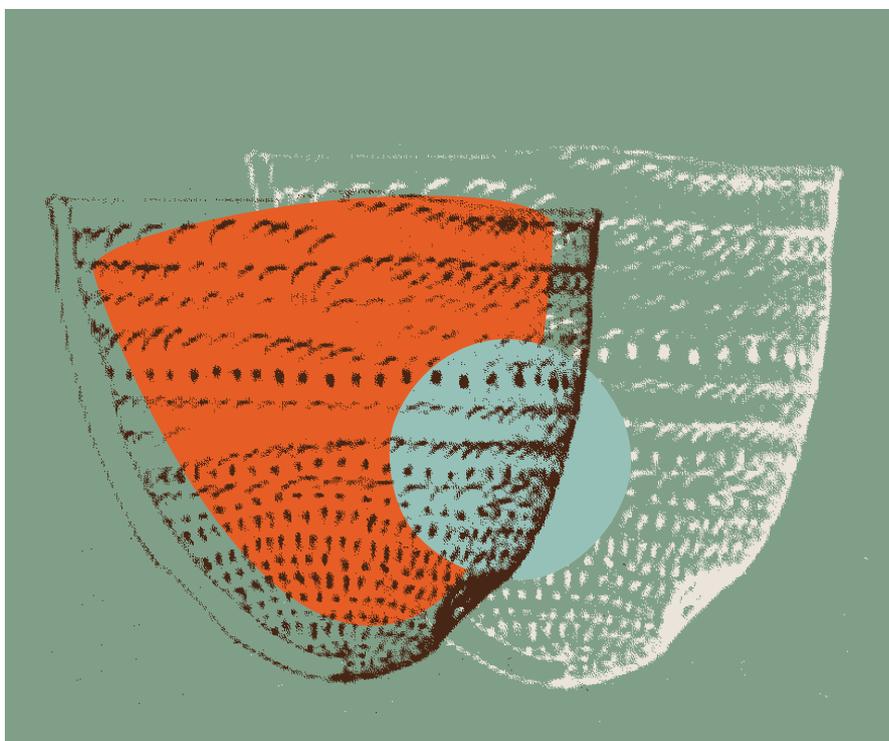
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНЯЯ КЕРАМИКА ЕВРАЗИИ: от сосуда к культуре

Санкт-Петербург
2024

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Ответственные редакторы: д.и.н. А. А. Выборнов, к.и.н. Е. С. Ткач
Executive Editors: Aleksandr Vybornov, Dr. of History; Evgenia Tkach, Candidate of History

Редакционная коллегия: к.и.н. Д. В. Герасимов, к.и.н. Е. В. Долбунова, д.и.н. Е. М. Колпаков, А. Н. Мазуркевич,
к.и.н. М. А. Холкина, д.и.н. Ю. Б. Цетлин

Editorial Board: Dmitriy Gerasimov, Candidate of History; Ekaterina Dolbunova, Candidate of History;
Eugeniу Kolpakov, Dr. of History; Andrey Mazurkevich; Margarita Kholkina, Candidate of History; Yuriy Tsetlin, Dr. of History

Рецензенты: д.и.н. А. Ю. Тарасов (ИЯЛИ КарНЦ РАН), к.и.н. В. Я. Шумкин (ИИМК РАН)
Reviewers: Aleksey Tarasov, Dr. of History (ILLH KarSc.Center RAS);
Vladimir Shumkin (IHMC RAS), Candidate of History

Д73 **Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре** : Материалы конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2024 г.). — СПб. : ИИМК РАН, 2024. — 164 с.

Сборник содержит материалы докладов, представленных на конференции «Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре» (13–15 мая 2024 г.). Публикуются работы по изучению влияния различных факторов на формирование технологических традиций в изготовлении древней посуды, исследуются место сосуда в культуре древнего населения, пути и скорость распространения традиций изготовления глиняной посуды и ее роль как культурно-определяющего фактора.

Книга рассчитана на представителей гуманитарных наук (археологов, историков, этнографов и др.) и специалистов смежных дисциплин, студентов гуманитарных факультетов вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся гуманитарным знанием.

The collection contains materials of reports presented at the conference “Ancient Pottery of Eurasia: from vessel to culture” (May 13–15, 2024). Materials on the study of the influence of various factors on the formation of technological traditions in the manufacture of prehistoric pottery, the place of the vessel in the culture of the ancient population, the ways and speed of spread of traditions of making pottery and its role as a cultural-determining factor are published.

The book is designed for a wide range of researchers in the humanities (archaeologists, historians, ethnographers) and experts in allied subjects, humanities degree students, and all readers interested in humanitarian knowledge in general.

ISBN: 978-5-6050962-5-2

doi.org/10.31600/978-5-6050962-5-2

ISBN 978-5-6050962-5-2

9 785605 096252 >

© Институт истории материальной культуры РАН, 2024
© Государственный Эрмитаж, 2024
© Институт археологии РАН, 2024
© Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2024
© Самарский государственный социально-педагогический университет, 2024
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИКИ

<i>Бабенко А. Н., Лопатина О. А.</i> Влияние органических веществ, используемых для производства сосудов, на изотопный состав нагаров (по данным эксперимента)	11
<i>Бердников И. М.</i> О роли системного подхода в изучении гончарства неолитических охотников-собирателей	13
<i>Герасимова В. В., Ильяхенко С. М., Ключко А. А., Митрохина К. Л.</i> Регионально-геологический подход к локализации районов древнего керамического производства (на примере анализа материала коричневоглиняных («колхидских») амфор)	15
<i>Дмитренко Л. М.</i> К вопросу о методике изучения раннеземледельческой керамики Старого и Нового Света (опыт работы с коллекциями МАЭ (Кунсткамеры) РАН)	18
<i>Кулькова М. А.</i> Археометрический подход к изучению древней керамики	20
<i>Соколова Н. Ю., Шегутов И. С., Бердников И. М.</i> Методические аспекты рентгенофлуоресцентного анализа археологической керамики при помощи портативного спектрометра (по материалам среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири)	22
<i>Ставицкий В. В.</i> Неолитическая керамика и археологическая культура: проблема соотношения	25
<i>Цетлин Ю. Б.</i> Археология и этнография: врозь или вместе?	27

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ: ОТ ВЫБОРА ИСТОЧНИКОВ СЫРЬЯ ДО СОЗДАНИЯ СОСУДА

<i>Андреева О. В.</i> Сравнительный анализ посуды ранней волосовской культуры лесного Среднего Поволжья и гаринской культуры Среднего и Верхнего Прикамья	31
<i>Гусенцова Т. М., Кулькова М. А.</i> Керамика энеолита стоянок Подолье 3 и Падань 1: технологический и культурно-хронологический аспекты	33
<i>Дога Н. С., Кулькова М. А., Выборнов А. А.</i> Первые результаты петрографического анализа керамики неолита — энеолита Северного Прикаспия	35
<i>Долбунова Е. В., Кулькова М. А., Мазуркевич А. Н., Кульков А. М., Александровский А. Л.</i> Раннеэнеолитический керамический комплекс п. Ракушечный Яр (по материалам новых раскопок)	37
<i>Желудков А. С., Куличков А. А., Акимова Е. Н.</i> Технико-технологический анализ керамики эпохи средней бронзы из кургана Волхонские Выселки 1 на Верхнем Дону	39
<i>Киселёва А. М., Кулькова М. А.</i> Технология изготовления раннеэнеолитической керамики Кольского Севера по данным петрографии	41
<i>Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Кулькова М. А.</i> Керамические комплексы охотников-собирателей неолита Северо-Запада России: петрографические анализы, реконструкция цепочек технологических операций и форм сосудов	43

<i>Малярова А. Д., Кулькова М. А., Холкина М. А., Кульков А. М.</i> Об использовании талька в качестве примеси в неолите Карельского перешейка	45
<i>Молодин В. И., Мыльникова Л. Н.</i> Керамика раннего и позднего неолита Барабинской лесостепи: преемственность или различные традиции?	47
<i>Недомолкина Н. Г., Кулькова М. А., Пьецонка Х.</i> Петрографические исследования неолитической керамики поселения Вёкса 3	49
<i>Петрова Н. Ю., Бабенко А. Н., Якушев А. И., Чернобахтова Е. В.</i> Гипс в гончарной технологии неолита Северной Месопотамии	52
<i>Салугина Н. П., Моргунова Н. Л.</i> Новый керамический комплекс ямной культуры из курганного могильника Каликино-2 в Южном Приуралье: морфология и технология изготовления	54
<i>Селин Д. В., Чемякин Ю. П.</i> Гончарное производство у носителей белоярской и калининской культур Барсовой Горы: технологические особенности	57
<i>Ткач Е. С., Кулькова М. А.</i> Посуда цедмарской культуры: результаты петрографического анализа (по материалам стоянок Цедмар А и Цедмар Д)	59
<i>Яковлева Е. С., Гладышева Е. В.</i> Керамический комплекс стоянки Кошкино V (раскопки 2022 г.)	61
<i>Юракова А. Ю.</i> Технологические традиции в гончарстве неолит-энеолитического населения юга Нижнего Притомья	63

ОРНАМЕНТАЦИЯ ПОСУДЫ: ТЕХНИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

<i>Андреев К. М.</i> Проблема культурной атрибуции посуды, орнаментированной наколами, из керамических комплексов Среднего Поволжья, Прикамья и некоторых сопредельных регионов	67
<i>Васильева Т. А.</i> Круговые развертки как метод изучения орнамента неолитической керамики на территории Карелии	69
<i>Дубовцева Е. Н.</i> Изучение симметрии при структурном анализе неолитической керамики таежной зоны Западной Сибири	72
<i>Жульников А. М.</i> О причинах изменений в плоскостных изображениях на керамической посуде рубежа энеолита — эпохи бронзы лесной полосы Восточной Европы	74
<i>Кашина Е. А., Герман К. Э.</i> Орнаментация керамики каргопольского типа и связи неолитического населения озерных котловин таежной зоны Европейской России	77
<i>Колпаков Е. М.</i> Керамика и петроглифы: три черепка и лодочки	79
<i>Муравьев Р. И., Холкина М. А., Радаева Ю. Д.</i> Кружковый орнамент на неолитической керамике Карельского перешейка	81

<i>Палагута И. В., Старкова Е. Г.</i> Орнаменты керамики культуры Кукутень-Триполье: связь формы, декора и его технологий в эволюционной перспективе	83
<i>Файферт А. В.</i> Подходы к интерпретации орнамента керамики раннего бронзового века	85
<i>Шалахов Е. Г.</i> Антропоморфные изображения на керамике «лесного» неолита Среднего Поволжья: к проблеме интерпретации	87
<i>Юдин А. И.</i> Орнаментация керамики орловской и прикаспийской культур: традиции и инновации	89

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КЕРАМИКИ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ:
ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМЫ ДО РОЛИ СОСУДА
В КУЛЬТУРЕ**

<i>Выборнов А. А., Васильева И. Н., Кулькова М. А.</i> Пространственно-временное распределение керамики в жилищах неолита Северного Прикаспия	93
<i>Герасимов Д. В., Жульников А. М., Васильева Т. А., Холкина М. А.</i> Предварительные результаты пространственно-временного анализа распространения доисторической асбестовой керамики Восточной и Северной Европы	95
<i>Королёв А. И., Шалапинин А. А.</i> Распределение энеолитической керамики на поселении Лебяжинка VI в Самарском Заволжье	97
<i>Мурашкин А. И.</i> Керамические сосуды в жилищах позднего неолита Кольского полуострова	99
<i>Раззак М. А., Городилов А. Ю.</i> Пространственное распределение сетчатой керамики на поселении Галик 11	101
<i>Яковлева Е. С.</i> Пространственный анализ керамики каменного века на многослойных памятниках Южного Зауралья	103
<i>Янишина О. В.</i> Дуалистические инсталляции с сосудами в раннеолитических памятниках Дальнего Востока: проблемы интерпретации	105

**КЕРАМИКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
В ПЕРВОБЫТНОСТИ**

<i>Белова И. В., Ключев Н. А.</i> Керамика юго-восточного варианта зайсановской культуры в Приморье (по материалам поселения Водопадное-7)	109
<i>Васильева И. Н., Мосин В. С.</i> Керамика раннего неолита лесостепного Зауралья: своеобразие хронологии и технологии	112
<i>Волкова Е. В.</i> Фатьяновская культура или фатьяновско-балановская культурная общность?	114
<i>Гилязов Ф. Ф., Выборнов А. А., Васильева И. Н., Кулькова М. А.</i> Керамика позднего этапа орловской культуры по материалам стоянки Алгай: типология, технология, хронология	116
<i>Гусенцова Т. М.</i> Керамика с «текстильными отпечатками» и сетчатым орнаментом III–II тыс. до н. э. в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье	118

<i>Дьякова О. В.</i> Гончарное ремесло в судьбе лепной керамики (по материалам хуннской посуды)	121
<i>Езепенко И. Н., Вороненко О. В.</i> Керамика с гребенчатой орнаментацией в неолитических культурах бассейна верхнего Днепра	123
<i>Еньшин Д. Н.</i> Феномен комплексов с плоскодонными сосудами в неолите лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири	125
<i>Иванищева М. В., Иванищева Е. А.</i> Березовослободские археологические комплексы на нижней Сухоне в кругу культур раннего неолита	127
<i>Клементьева Т. Ю., Дубовцева Е. Н.</i> О преемственности традиций керамического производства в бассейне р. Конды (Западная Сибирь) от раннего неолита до позднего бронзового века	130
<i>Косорукова Н. В., Лукинцева В. А., Гринина Т. С.</i> Раннеолитическая керамика на стоянке Караваиха 4 в бассейне оз. Воже	132
<i>Кудашов А. С.</i> Группы раннеолитической керамики на стоянках Марийского Поволжья	135
<i>Лычагина Е. Л., Батуева Н. С., Демаков Д. А.</i> Керамика камской неолитической культуры: основные характеристики в прошлом и настоящем	137
<i>Медведев В. Е.</i> Осиповская культура — из мезолита в неолит, или Керамика, сменившая статус	139
<i>Синицына Г. В.</i> Усть-бельская керамика среднего неолита в Байкальской Сибири	142
<i>Смольянинов Р. В., Куличков А. А., Юркина Е. С.</i> Керамика раннего (архаичного) этапа ляльвовской культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону	145
<i>Смольянинов Р. В., Куличков А. А., Юркина Е. С.</i> Материалы раннего неолита с поселения и могильника Ксизово 6 на Верхнем Дону	148
<i>Степанов М. В.</i> Сыалахская культура в контексте историко-культурных связей Средней Сибири	150
<i>Сомов А. В., Андреев К. М., Андреева О. В.</i> Неолитическая керамика стоянки Лужки II лесостепного Поволжья	152
<i>Тупахина О. С., Тупахин Д. С.</i> Керамический комплекс эпохи неолита стоянки Йоркутинской (полуостров Ямал)	154
<i>Уланов И. В.</i> Сетчатая и хайтинская керамика раннего неолита Южного Приангарья: родственники или просто соседи?	157
<i>Холкина М. А., Муравьев Р. И.</i> Раннеолитическая керамика из коллекции А. А. Иностранцева	159
<i>Шорин А. Ф., Шорина А. А.</i> О неолитизации Зауральско-Приобского региона	161
Сокращения	163

CONTENTS

METHODOLOGICAL APPROACHES TO POTTERY STUDIES

<i>Babenko A. N., Lopatina O. A.</i> The effect of organic matter used in pottery production on the isotopic composition of food residues (according to experimental data)	11
<i>Berdnikov I. M.</i> Systems approach in studying the pottery of Neolithic hunter-gatherers	13
<i>Gerasimova V. V., Ilyashenko S. M., Klotchko A. A., Mitrokhina K. L.</i> Regional-geological approach to the localization of ancient pottery production areas (on the example of the analysis of brown-clay ("Kolkhian") amphorae)	15
<i>Dmitrenko L. M.</i> Revisiting the methodology for studying early agricultural ceramics of the New and Old Worlds (the experience of working with the collections of the MAE (Kunstkamera) RAS).....	18
<i>Kulkova M. A.</i> Archaeometric approach to study of ancient ceramics	20
<i>Sokolova N. B., Shegutov I. S., Berdnikov I. M.</i> Methodological aspects of X-ray fluorescence analysis of archaeological ceramics using a portable spectrometer (based on Middle Neolithic assemblages of Baikal-Yenisei Siberia)	22
<i>Stavitskiy V. V.</i> Neolithic pottery and archaeological culture: the problem of correlation.....	25
<i>Tsetlin Yu. B.</i> Archaeology and ethnography: apart or together?	27

TECHNOLOGY OF POTTERY: FROM SOURCES OF RAW MATERIALS TO CONSTRUCTION OF A VESSEL

<i>Andreeva O. V.</i> Comparative analysis of the vessels of the Early Volosovo culture (middle Volga forest region) and the Garin culture (middle and upper Kama region).....	31
<i>Gusentsova T. M., Kulkova M. A.</i> The Eneolithic ceramics from the Podolie 3 and Padan' 1 sites: technological and cultural-chronological aspects.....	33
<i>Doga N. S., Kulkova M. A., Vybornov A. A.</i> First results of petrographic analysis of Neolithic — Eneolithic ceramics of the Northern Caspian region	35
<i>Dolbunova E. V., Kulkova M. A., Mazurkevich A. N., Kulkov A. M., Alexandrovsky A. L.</i> Early Neolithic ceramic complex of the Rakushechny Yar site (based on the materials of new excavations)	37
<i>Zheludkov A. S., Kulichkov A. A., Akimova E. N.</i> Technical and technological analysis of ceramics of the Middle Bronze Age from the kurgan Volkhonskiye Vyselki 1 on the Upper Don.....	39
<i>Kiseleva A. M., Kulkova M. A.</i> Production technology of early Neolithic pottery of the Kola North according to petrographic analysis.....	41
<i>Mazurkevich A. N., Dolbunova E. V., Kulkova M. A.</i> Neolithic hunter-gatherers' ceramic complexes of North-West Russia: paste recipes, chaînes opératoires and vessel forms	43

<i>Malyarova A. D., Kulkova M. A., Kholkina M. A., Kulkov A. M.</i> On the use of talc as a pottery temper in the Neolithic on the Karelian Isthmus.....	45
<i>Molodin V. I., Mylnikova L. N.</i> Early and Late Neolithic ceramics of Barabinsk forest-steppe: succession or different traditions?.....	47
<i>Nedomolkina N. G., Kulkova M. A., Piezonka H.</i> Petrographic studies of Neolithic ceramics from the Veksa 3 site	49
<i>Petrova N. Yu., Babenko A. N., Yakushev A. I., Chernobakhtova E. V.</i> Gypsum in Neolithic pottery technology of Northern Mesopotamia	52
<i>Salugina N. P., Morgunova N. L.</i> New ceramic complex of the Yamnaya culture from the Kalikino-2 burial mound in the Southern Urals: morphology and pottery-making technology	54
<i>Selin D. V., Chemyakin Yu. P.</i> Pottery production in the <i>Beloyarskaya</i> and <i>Kalinkinskaya</i> cultures of Barsova Gora: technological peculiarities	57
<i>Tkach E. S., Kulkova M. A.</i> Zedmar culture vessels: results of the petrographic analyses (Zedmar A and Zedmar D sites)	59
<i>Yakovleva E. S., Gladysheva E. V.</i> The ceramic complex of the Koshkino V site (excavations in 2022)	61
<i>Yurakova A. Yu.</i> Technological traditions of Neolithic-Eneolithic pottery in the South of the Lower Tom River.....	63

POTTERY ORNAMENTATION: TECHNIQUE AND INTERPRETATION

<i>Andreev K. M.</i> The problem of cultural attribution of ceramic complexes decorated with imprints of the Middle Volga region, the Kama region and some adjacent regions	67
<i>Vasilyeva T. A.</i> Circular scans as a method of studying the ornamentation of Neolithic ceramics in Karelia	69
<i>Dubovtseva E. N.</i> Application of study of symmetry to structural analysis of Neolithic ceramics in the Western Siberia taiga zone	72
<i>Zhulnikov A. M.</i> On the causes of changes in flat images on pottery at the Eneolithic to the Bronze Age turn in the Eastern Europe forest zone	74
<i>Kashina E. A., German K. E.</i> Decoration of pottery of the Kargopol type and communications between Neolithic population of the lake lowlands in the European Russia taiga zone.....	77
<i>Kolpakov E. M.</i> Ceramic and rock carvings: three sherds and boats	79
<i>Muravev R. I., Kholkina M. A., Radaeva Yu. D.</i> Hollow round tube ornamentation of Neolithic ceramics on the Karelian Isthmus.....	81
<i>Palaguta I. V., Starkova E. G.</i> Ornaments of the Cucuteni-Trypillia ceramics: the relationship between form, decoration and its technologies in an evolutionary perspective.....	83

<i>Faifert A. V.</i> Approaches to the interpretation of the ornament of ceramics of the Early Bronze age.....	85	<i>Ezепенko I. N., Voronenko O. V.</i> Ceramics with comb ornamentation in the Neolithic cultures of the Upper Dnieper basin.....	123
<i>Shalakhov E. G.</i> Anthropomorphic images on ceramics of the “forest” Neolithic of the Middle Volga region: on the problem of interpretation.....	87	<i>Enshin D. N.</i> The phenomenon of complexes with flat-bottomed vessels in the Neolithic of the forest-steppe zone of the Trans-Urals and Western Siberia	125
<i>Yudin A. I.</i> Ornamentation of ceramics in the Orlovka and Precaspian cultures: traditions and innovations	89	<i>Ivanishcheva M. V., Ivanishcheva E. A.</i> Berezovoslobodsky archaeological complexes on the Nizhnaya Sukhona River within the circle of Early Neolithic cultures.....	127
SPATIAL ANALYSIS OF DISTRIBUTION OF POTTERY IN CULTURAL LAYER: FROM RECONSTRUCTION OF SHAPE TO CULTURAL MEANING OF A VESSEL			
<i>Vybornov A. A., Vasilieva I. N., Kulkova M. A.</i> Spatiotemporal distribution of ceramics in the Neolithic dwellings of the Northern Cis-Caspian region.....	93	<i>Klement'eva T. Yu., Dubovtseva E. N.</i> On the continuity of ceramic production traditions in the Konda River basin (Western Siberia) from the Early Neolithic to the Late Bronze Age	130
<i>Gerasimov D. V., Zhulnikov A. M., Vasilyeva T. A., Kholkina M. A.</i> Preliminary results of analyses of spatial-temporal distribution of the prehistoric Asbestos Ware in the Eastern and Northern Europe.....	95	<i>Kosorukova N. V., Lykintseva V. A., Grinina T. S.</i> Early Neolithic pottery of the site Karavaikha 4 in the lake Vozhe basin	132
<i>Korolev A. I., Shalapinin A. A.</i> Distribution of Eneolithic pottery at the Lebyazhinka VI site in the Samara Volga region	97	<i>Kudashov A. S.</i> Groups of Early Neolithic ceramics from the sites in the Mari Volga region.....	135
<i>Murashkin A. I.</i> Ceramic vessels in the Late Neolithic dwellings of the Kola Peninsula	99	<i>Lychagina E. L., Batueva N. S., Demakov D. A.</i> Ceramics of the Kama Neolithic culture: main characteristics in the past and present.....	137
<i>Razzak M. A., Gorodilov A. Yu.</i> Spatial distribution of Textile pottery at the settlement of Galik 11	101	<i>Medvedev V. E.</i> Osipovka culture — from Mesolithic to Neolithic, or Ceramics that changed its status.....	139
<i>Yakovleva E. S.</i> Spatial analysis of Stone Age ceramics at multi-layered sites of the Southern Trans-Urals.....	103	<i>Sinitsyna G. V.</i> Ust-Belsky ceramics of the Middle Neolithic in Baikal Siberia	142
<i>Yanshina O. V.</i> Early Holocene pairwise installations with vessels in the Far East: problems of interpretation	105	<i>Smol'yaninov R. V., Kulichkov A. A., Yurkina E. S.</i> Ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture from the Dobroye 9 settlement in the upper course of the Don River	145
POTTERY AND ARCHAEOLOGICAL CULTURES IN PREHISTORY			
<i>Belova I. V., Kluyev N. A.</i> Ceramics of the southeastern variant of the <i>Zaisanovskaya</i> culture in Primorye region (based on materials from the settlement Vodopadnoe-7).....	109	<i>Smol'yaninov R. V., Kulichkov A. A., Yurkina E. S.</i> Early Neolithic materials from the Ksizovo 6 settlement and burial ground in the upper course of the Don River.....	148
<i>Vasilyeva I. N., Mosin V. S.</i> Early Neolithic ceramics of the forest-steppe Trans-Urals: originality of chronology and technology.....	112	<i>Stepanov M. V.</i> Syalakh culture in the context of historical and cultural relations of the Middle Siberia.....	150
<i>Volkova E. V.</i> The Fatyanovo culture or the Fatyanovo and Balanovo related cultures?	114	<i>Somov A. V., Andreev K. M., Andreeva O. V.</i> Neolithic ceramics of the Luzhki II site of the forest-steppe Volga region	152
<i>Gilyazov F. F., Vybornov A. A., Vasilieva I. N., Kulkova M. A.</i> Ceramics of the late stage of the Oryol culture according to materials from the Algai site: typology, technology, chronology.....	116	<i>Tupakhina O. S., Tupakhin D. S.</i> Neolithic ceramic complex of the Yorkutinskaya site (Yamal peninsula).....	154
<i>Gusentsova T. M.</i> The ceramics with “textile imprints” and net decoration in the region of St. Petersburg and Southern Ladoga Lake basin.....	118	<i>Ulanov I. V.</i> The Early Neolithic net-impressed and Khaita ceramics of the Southern Angara region: relatives or just neighbors?.....	157
<i>Dyakova O. V.</i> Pottery in the fate of stucco ceramics (based on the materials of the Hunnic ware).....	121	<i>Kholkina M. A., Muravev R. I.</i> Early Neolithic pottery from the A. A. Inostrantsev's collection	159
		<i>Shorin A. F., Shorina A. A.</i> The Neolithization of the Trans-Ural and Priob regions.....	161
		List of abbreviations	163

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИКИ**

**METHODOLOGICAL APPROACHES
TO POTTERY STUDIES**

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СОСУДОВ, НА ИЗОТОПНЫЙ СОСТАВ НАГАРОВ (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

А. Н. Бабенко, О. А. Лопатина

Институт археологии, Москва, Россия

Данная работа знакомит с результатами экспериментов, целью которых являлось изучение возможностей и ограничений изотопного анализа для реконструкции пищи по нагарам на сосудах. В России работ по исследованию карбонизированных органических остатков проводится крайне мало. За рубежом изотопный метод для изучения нагаров применяется с 1980-х гг., однако основная часть работ посвящена исследованию изотопного сигнала липидов, сохранившихся в порах керамики, а не самих нагаров (Evershed, 2008; Craig et al., 2020). Ограниченное использование липидного анализа в России заставляет уделить более пристальное внимание анализу изотопного состава нагаров.

Основным аспектом данной работы являлся методический. Во избежание некорректной интерпретации результатов изотопного анализа нагаров для экспериментальных исследований были выбраны технологические приемы, которые с наибольшей вероятностью могут влиять на изотопный сигнал нагаров: добавление органики в формовочную массу сосудов и использование органических веществ при посттермической обработке.

Наиболее изученной на сегодняшний день по археологическим и этнографическим данным органической примесью является навоз травоядных домашних животных (Бобринский, 1999. С. 14–47; Цетлин, 1999). В эксперименте № 1 было изготовлено 24 сосуда, из которых 14 — по рецепту глина + навоз (сухой или влажный, добавленный в разных пропорциях) и 10 — из одной глины без добавок.

Под посттермической обработкой подразумеваются приемы, используемые для устранения влагонепроницаемости стенок сосудов: обваривание и обработка различными органическими составами (жиры, молоко, смола и др.). Обваривание, наиболее распространенный прием в этнографическом гончарстве Восточной Европы, осуществлялось в водно-мучнистых смесях на основе злаков (рожь, пшеница, овес, ячмень). Для второго

эксперимента изготовлено 15 сосудов. В качестве формовочной массы использовалась глина без специальных примесей. Пять сосудов были подвергнуты обвариванию (обвара приготавливалась из ржаной муки грубого помола), а десять обрабатывались жиром (бараний и свиной).

В качестве приготовляемого содержимого использовалось в основном дробленое просо, которое варилось на костре с добавлением воды, затем выдерживалось на углях до образования нагара. Из каждого сосуда с помощью металлического скальпеля отбирались две пробы нагара: внешняя (сам нагар, не затрагивая стенок) и внутренняя (непосредственно под первой, соскребая со стенок).

Результаты исследований показали, что значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ внешних проб практически во всех исследованных сосудах совпадают с сигналом приготавливаемой пищи. Исключение составляют образцы из сосудов, подвергшихся обвариванию. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ внутренних проб варьируют в большом диапазоне.

Таким образом установлено, что органические вещества, которые используются в процессе изготовления сосудов, способны менять изотопный состав нагаров. При соблюдении правил пробоотбора этого влияния можно избежать. Соскабливая только сам нагар, избегая попадания частиц черепка в пробу, можно минимизировать влияние, которое оказывает добавление органических веществ в формовочную массу и посттермическая обработка жиром. Данные эксперимента по обвариванию указывают на то, что даже при послыном отборе образцов из нагара изотопные сигналы внешней пробы сильно варьируют по сравнению с приготовленной пищей — избежать влияния сигнала самой обвары не получается.

Полученные результаты указывают на необходимость проведения предварительных технологических исследований, позволяющих судить о приемах, которые использовались при производстве сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Цетлин Ю. Б. Основные направления и подходы в изучении органических примесей в древней керамике // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы

изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ, 1999. С. 110–140.

Craig O., Saul H., Spiteri C. Residue Analysis // Archaeological Science: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 70–98.

Evershed R. P. Organic residue analysis in archaeology: the archaeological biomarker revolution // Archaeometry. 2008. Vol. 50, no. 6. P. 895–924.

THE EFFECT OF ORGANIC MATTER USED IN POTTERY PRODUCTION ON THE ISOTOPIC COMPOSITION OF FOOD RESIDUES (ACCORDING TO EXPERIMENTAL DATA)

A. N. Babenko, O. A. Lopatina

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

The work is devoted to the experimental study of the influence of organic substances, which could be used at different stages of pottery production, on the isotopic composition of food carbonized residues. Two experiments were carried out.

Experiments involved the addition of dung to the pottery paste and post-thermal treatment of the vessels with

a water-flour (rye) mixture (*obvara*) and fats. Mainly crushed millet was used as a cooking product. The samples of food residues were removed layer by layer (top and bottom).

It was found that organic matter used in the process of pottery production is able to influence the isotopic composition of the food residues. In part this influence can be avoided by proper sampling.

О РОЛИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ГОНЧАРСТВА НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ

И. М. Бердников

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Системный подход, который прочно вошел в практику мировой археологии во второй половине прошлого века (Клейн, 2011. С. 272), зарекомендовал себя и в керамологии, где гончарство рассматривается как целостная и гибкая система со сложной структурой, в основе которой лежит технологическая традиция. Большинство подходов к изучению гончарства, в том числе получивший признание в отечественной археологии историко-культурный подход (Цетлин, 2012), по сути являются системными. Но далеко не все они позволяют исследователю переходить от объяснительных моделей технологических процессов к историческому моделированию, особенно когда речь идет о древних охотниках-собирателях, образ жизни которых подразумевал высокую степень кочевой мобильности и перманентную адаптацию к условиям окружающей среды.

В исследованиях неолитических культур с присваивающим типом экономики важную роль играет понимание взаимоотношений человека и окружающей среды, которые во многом определяли поведенческие модели и непосредственно влияли на динамику расселения, сырьевые стратегии, развитие технологий и формирование социальной структуры. Поэтому системный подход к изучению гончарства древних охотников-собираателей должен уделять значительное внимание экологическим условиям, как справедливо отмечала И. С. Жущиховская (Жущиховская, 1996), так как традиции технико-технологических приемов определялись во многом доступностью и качеством исходного пластичного сырья (ИПС).

Проблемы улучшения ИПС решались на разных территориях неодинаково: при помощи особых приемов конструирования и/или путем введения в формовочную массу примесей в зависимости от характеристик ИПС. При этом особенности конструирования в некоторых случаях становились феноменами регионального порядка (как, например, выбивание сосудов с использованием форм-основ в Средней Сибири, практиковавшееся местными охотниками-собираателями с раннего неолита до раннего средневековья), а тип искусственной примеси, во-первых, зависел от требований к улучшению ИПС (повышение или понижение

пластичности), а во-вторых, определялся культурной традицией (конкретный вид минеральной или органической добавки). Вариативность рецептов несмешанных формовочных масс в типологически однородном керамическом комплексе в свою очередь может свидетельствовать не о смешении культурных традиций, а об адаптации к доступным источникам ИПС и особенностях социальной структуры высокоподвижных групп, принадлежащих к единой культурной общности. Ввиду данного обстоятельства на первый план в выявлении критериев культурно-технологических традиций выходят способы и приемы конструирования (но далеко не во всех случаях), морфология и декор.

В современной археологии системный подход в изучении древнего гончарства предъявляет более строгие требования к инструментарию и квалификации исследователя, нежели 20–30 лет назад. Набор методов весьма широк, но в первую очередь необходимы надежные хронологические модели на основе данных по закрытым комплексам и многослойным местонахождениям с четкой стратиграфией («прямые» даты по органике с керамических сосудов, как показывает опыт, для этого не всегда пригодны). В последнем случае корректные данные можно получить, лишь обладая опытом изучения стратифицированных объектов и профессиональной подготовкой в интерпретации геоархеологического контекста. Широкие возможности сегодня также предоставляет относительно новый для российской археологии метод рентгенофлуоресцентного анализа с использованием портативного прибора, который позволяет в сжатые сроки обрабатывать большие коллекции и получать сведения о химическом составе ИПС. Особую эффективность он показывает в исследованиях керамики с несмешанным составом формовочных масс, характерным для неолитических охотников-собираателей.

Резюмируя, можно сказать, что системный подход в изучении гончарства охотников-собираателей должен основываться на достижениях мировой керамологии с особым вниманием к экологическому компоненту и современным естественно-научным методам. И если исследования, помимо элементарного раскрытия механизмов технологических традиций, преследуют конкретные цели по реконструкции исторических

процессов, то гончарство следует рассматривать в контексте социокультурной динамики — региональной или глобальной, в зависимости от решаемых задач.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № FZZE-2023-0007.

ЛИТЕРАТУРА

Жущиховская И. С. Системный подход в изучении древнего гончарства // Глушков И. Г. (ред.). *Керамика как исторический источник*. Tobolsk: Изд-во ТГПИ, 1996.

Клейн Л. С. *История археологической мысли*. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

Цетлин Ю. Б. *Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода*. М.: ИА РАН, 2012.

SYSTEMS APPROACH IN STUDYING THE POTTERY OF NEOLITHIC HUNTER-GATHERERS

I. M. Berdnikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

A systems approach in studying the pottery of the Neolithic hunter-gatherers is based on the achievements of world archaeology with special attention to the ecological component and recent natural scientific methods. If research, in addition to the interpretation of

the mechanisms of technological traditions, pursues specific goals of reconstructing historical processes, then pottery should be considered in social and cultural dynamics — regional or global, depending on the tasks being solved.

РЕГИОНАЛЬНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЛОКАЛИЗАЦИИ РАЙОНОВ ДРЕВНЕГО КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛА КОРИЧНЕВОГЛИНЯНЫХ («КОЛХИДСКИХ») АМФОР)

В. В. Герасимова¹, С. М. Ильяшенко², А. А. Клочко¹, К. Л. Митрохина¹

¹ Высшая школа экономики, Москва, Россия

² Институт археологии РАН, Москва, Россия

Проблема изучения состава материала древней керамики рассматривается в связи с поиском областей древнего керамического производства.

В настоящее время широко распространен формально-статистический описательный подход, основанный на характеристике петрографических особенностей керамической массы, в ряде случаев дополняемый аналитическими данными (Растегаева, 2022).

Накопление значительного количества материалов описательной петрографии не приводит, как правило, к выявлению принципиальных устойчивых закономерностей, позволяющих говорить о возможности уверенной локализации глиняных карьеров и керамических производств.

Решение этой проблемы находится за пределами компетенции и археологов, и сотрудничающих с ними петрографов. Предлагается рассмотрение проблемы с точки зрения регионально-геологического (тектонно-седиментационного) анализа — современного направления, объединяющего данные литологии, седиментологии и тектоники для определения закономерностей формирования осадочных пород.

Регионально-геологический подход к рассмотрению минерального состава древней керамики основывается на закономерных связях: глины — геологические обстановки (тектонно-седиментационные условия формирования глин в пределах региона) и глины — керамика (закономерные фазовые минеральные переходы при обжиге).

Первые, весьма обнадеживающие результаты в этом направлении получены для коричневоглиняной керамики «колхидского круга производства» из нескольких районов Восточного Причерноморья (Горгипсия, Танаис и Абхазия).

С 1950-х гг. исследователи выделяют коричневоглиняные (или «колхидские») амфоры в комплексах IV в. до н.э. — III в.н.э. на памятниках Северного и Восточного Причерноморья как отдельную группу керамической тары. Места их производства локализовали в различных регионах южной и восточной частей Причерноморья (Цецхладзе, 1992; Алексеева, 2008; Ефремов, 2011). Ближе всех к решению вопроса о месте производства этого

типа амфор подошел С. Ю. Внуков, выделив два возможных производственных региона: Восточное и Юго-Восточное Причерноморье (Внуков, 2012).

Объект исследования — керамические изделия и природная глина из регионов предполагаемой локализации производств. При этом именно глинистая фракция терригенных отложений наиболее информативна для реконструкции условий и обстановки формирования осадочной породы.

К керамике — материалу, литифицированному в результате обжига, применимы методы исследования геологических материалов (Салахов, 2016). Образцы природных глин из Восточного и Северного Причерноморья были сданы на анализ необожженными и обожженными на 950 °С, вместе с археологическими образцами изделий. Применяется рентгенофазовый анализ (РФА), позволяющий диагностировать минеральный состав кристаллической фазы породы и керамики.

Основное содержание нашего подхода (см. рис.):

1. Анализ минерального состава керамики и природных глин с учетом преобразования минеральной фазы при обжиге.
2. Определение минерального состава глинистых отложений. Выделение типоморфных минералов — индикаторов геологических условий и седиментационных обстановок формирования определенного генетического типа глинистых отложений.
3. Регионально-геологический анализ тектоно-седиментационных условий формирования минеральных ассоциаций глинистых пород.
4. Экспериментальный обжиг глин из областей вероятного керамического производства, позволяющий сопоставление «природная глина — обожженная природная глина — материал отобранных образцов керамики».

Парагенез природных кристаллических фаз глин, происходящих из районов предполагаемой локализации карьеров и образцов керамики, выявляемый на основе предложенной методики, позволяет достаточно надежно локализовать места добычи глин, входящих в состав керамической массы изделий.

Для образцов керамики из Северного Причерноморья установлены типоморфные минералы: брукит

и диопсид. Оба они — новообразованные при обжиге и связаны с геохимическими особенностями исходных карбонат-сметкитовых глин, распространенных в пределах северо-западной части Предкавказского прогиба.

Использование регионально-геологического подхода для решения вопросов локализации регионов производства древней керамики представляется перспективным и дает основание надеяться на получение принципиально новых данных о региональных особенностях

состава керамических масс изделий, относящихся к различным историческим периодам.

Материалы подготовлены в ходе проведения исследования (№ 24-00-048 «Междисциплинарное исследование торгово-экономических связей античных городов Северного Причерноморья и Колхиды в III в. до н.э. — II в. н.э.») в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М. Горгиппия. Коричневоглиняные амфоры из комплексов первых веков нашей эры // Древности Боспора. 2008. Т. 12. С. 14–43.

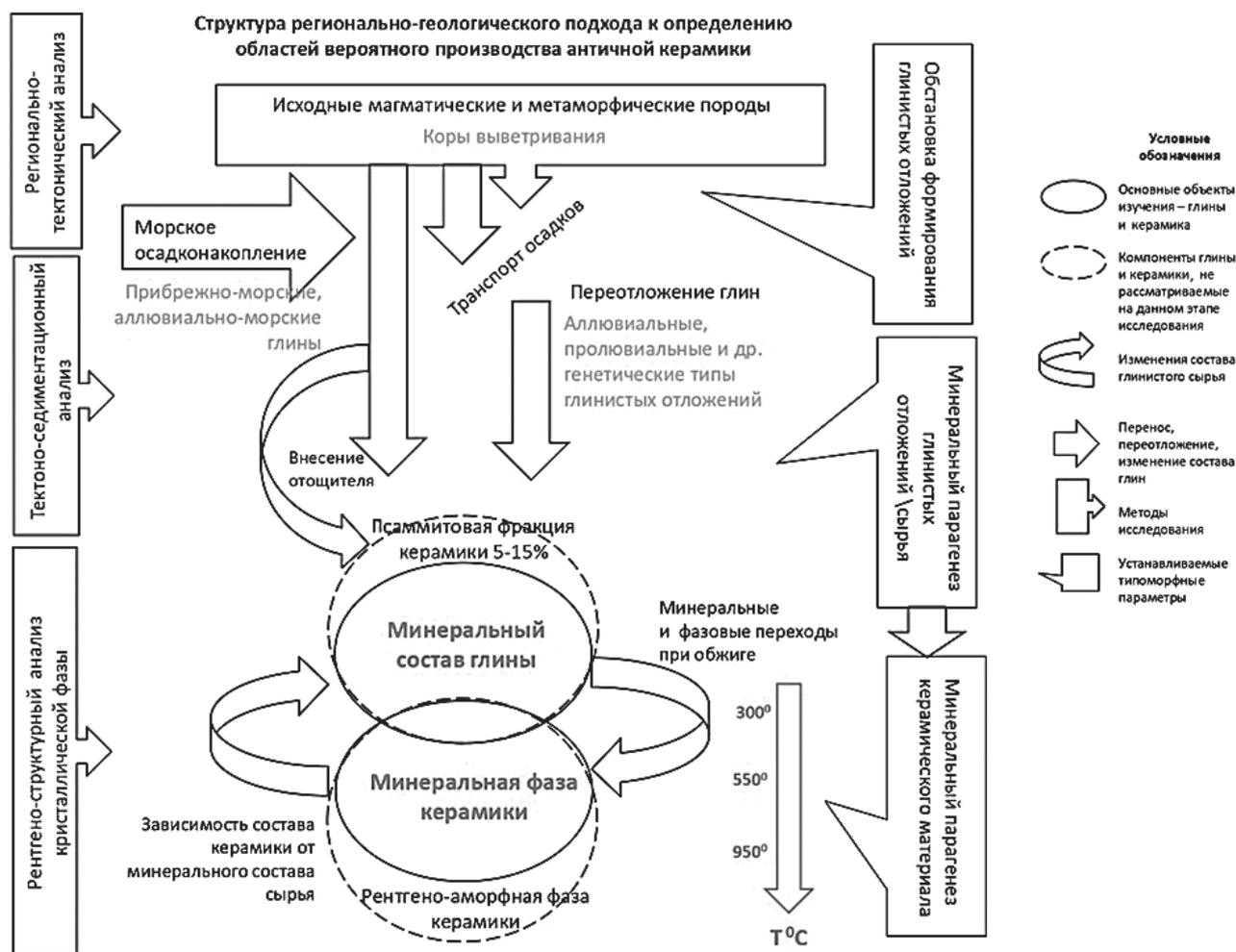
Внуков С. Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // Российская археология. 2012. № 4. С. 5–15.

Ефремов Н. В. Некоторые вопросы экономической истории Юго-Восточного Причерноморья (к проблеме локализации коричневоглиняных амфор) // Античный мир и археология. Вып. 15. Саратов: Научная книга, 2011. С. 284–331.

Растегаева М. Н. Керамическая петрография: история метода и современное состояние // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 51. С. 110–128.

Салахов А. М. Современные керамические материалы. Казань: КФУ, 2016.

Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Кац В. И., Монахов С. Ю. (ред.). Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. С. 90–110.

Рис. Структура регионально-геологического подхода к определению вероятного места производства античной керамики

Fig. The structure of the regional-geological approach to defining a possible production area of antic pottery

REGIONAL-GEOLOGICAL APPROACH TO THE LOCALIZATION OF ANCIENT POTTERY PRODUCTION AREAS (ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF BROWN-CLAY ("KOLKHIAN") AMPHORAE)

V. V. Gerasimova¹, S. M. Ilyashenko², A. A. Klotchko¹, K. L. Mitrokhina¹

¹ *HSE University, Moscow, Russia*

² *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

The regional-geological approach to the consideration of the mineral composition of ancient ceramics is based on regular relations: clays—geological conditions (tectonic-sedimentary conditions of clay formation within the region) and clays—ceramics (regular phase mineral transitions during firing). The application of the me-

thod for solving the problems of localization of the regions of ancient pottery production seems to be a promising approach, which in turn gives reason to hope for obtaining fundamentally new data on regional peculiarities of the composition of ceramic masses of wares belonging to different historical periods.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ НОВОГО И СТАРОГО СВЕТА (ОПЫТ РАБОТЫ С КОЛЛЕКЦИЯМИ МАЭ (КУНСТКАМЕРЫ) РАН)

Л. М. Дмитренко

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Музейные собрания нередко включают в себя достаточно «старые» коллекции керамики, которые имеют самый разнообразный характер и качество сопутствующей документации, комплектацию и сохранность сосудов. В этих случаях возникает вопрос, что может дать исследование таких коллекций и какие методы могут быть для этого использованы. Могут ли они в дальнейшем быть использованы для изучения отдельных аспектов древнего гончарства? Эти и некоторые другие вопросы возникли в ходе работы с керамическими материалами двух коллекций, принадлежащих культурам диагита-кальчаки и омагуакаса, обитавшим на территории Северо-Западной Аргентины (период Регионального развития, 900–1430/90 гг.). Хронологическая шкала Нового Света в значительной степени отличается от привычной нам евразийской. Тем не менее, несмотря на позднюю абсолютную датировку, по характеру производящего хозяйства кальчаки и омагуакасы были в значительной степени близки к некоторым раннеземледельческим культурам Юго-Восточной Европы. Их основными занятиями были земледелие и скотоводство. Наиболее распространенными агрокультурами были маис, бобы, тыква и некоторые виды корнеплодов (картофель, ока, улююко). Другим источником продуктов питания и сырья стали разведение и выпас ламы. В комплексах этих культур в большом количестве были обнаружены сосуды, орудия и детали упряжи ламы, вырезанные из дерева. Для них характерно большое разнообразие орудий и предметов, вырезанных из кости ламы и рога южноандского оленя. Для измельчения продуктов питания и минералов использовались терочные плиты, терочки и ступы. Обсидиан в сравнительно малом объеме использовался для изготовления различных орудий и наконечников стрел (Otero, 2013; Sprovieri, 2013). Начиная с 1493 г. территория Северо-Западной Аргентины была завоевана инками и вошла в состав провинции Кольясуйю. В этот период распространяется использование инструментов и украшений, изготовленных как из меди, так и из оловянистой бронзы (González, 2004). Однако

наиболее характерной чертой этих культур является в значительной степени развитый керамический комплекс. Он имеет черты, аналогичные тем, что наблюдаются в керамике некоторых европейских раннеземледельческих культур, таких как Триполье-Кукутени и Гумельница. В их числе можно отметить: морфологический набор сосудов (большое количество мисок разнообразных форм, в том числе аналогичных; наличие форм сосудов, отличающихся большими габаритами; выделение форм сосудов, имеющих следы бытового использования); устойчивое разделение сосудов внутри комплекса по характеру обработки поверхности (ангобирование и лощение) и по характеру декорирования поверхности (расписной и углубленный орнамент); характер и расположение расписного орнамента на поверхности сосудов. Такие аналогии ни в коем случае не говорят о каких-либо прямых связях или преемственности, но скорее наводят на мысль о том, что процессы, связанные в первую очередь с технологией изготовления раннеземледельческой керамики в различных культурах, могли развиваться аналогичными способами. Для создания более фундаментальной основы для таких предположений необходимо накопление технологических характеристик, которые можно зафиксировать для этих керамических материалов.

Изучение коллекций керамики кальчаки и омагуакаса было связано с несколькими методическими аспектами.

Отрицательные:

1. Наличие только отреставрированных целых форм сосудов;
2. Наличие негативных последствий реставрационного вмешательства;
3. Невозможность использования естественно-научных методов, связанных с изменением сохранности образцов.

Положительные:

1. Относительно полная сопровождающая документация;
2. Возможность изучения поверхности сосудов с помощью бинокля;

3. Наличие в комплексе артефактов из органических материалов, использовавшихся в процессе изготовления керамических сосудов (фрагменты корзин);
4. Наличие этнографических аналогий и их относительная близость в хронологическом отношении (сохранение в отдельных районах Северо-Западной Аргентины традиции плетения корзин в техниках, аналогичных археологическим образцам);
5. Возможность проведения экспериментов на основании информации из пунктов 3 и 4.

ЛИТЕРАТУРА

González L. Bronces sin nombre. La metalurgia prehistórica en el Noroeste Argentino. Buenos Aires: Ediciones Fundación CEPPA, 2004.

Otero C. El Pucará de Tilcara desde una nueva perspectiva arqueológica: tesis doctoral. Buenos Aires, 2013.

Sprovieri M. El mundo en movimiento: Circulación de bienes, recursos e ideas en el valle Calchaquí, Salta (Noroeste Argentino). Una vision desde La Paya. Oxford: British Archaeological Reports, International Series, 2013.

REVISITING THE METHODOLOGY FOR STUDYING EARLY AGRICULTURAL CERAMICS OF THE NEW AND OLD WORLDS (THE EXPERIENCE OF WORKING WITH THE COLLECTIONS OF THE MAE (KUNSTKAMERA) RAS)

L. M. Dmitrenko

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russia

---

Two collections of Diaguita-calchaqui and Omaguacas ceramics from Northwestern Argentina (the Desarrollo regional period, 900–1430/90 AD) were analyzed. Subsistence of the Calchaquis and Omaguacas were really close to some of the early agricultural cultures of South-Eastern Europe.

It has features similar to ceramics of some European early agricultural cultures, such as Cucuteni-Trypillia or Gumelnița.

Such analogies certainly do not indicate any direct connections or continuity, but just suggest that processes of producing of early agricultural ceramics could develop in similar ways in different cultures and regions.

АРХЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

М. А. Кулькова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Исследование древней керамики с использованием естественно-научных методов включает два основных направления: 1) технология изготовления глиняной посуды; 2) анализ источников сырья, из которых изготавливалась глиняная посуда.

В этой связи определение минералогического и геохимического состава керамики играет важную роль.

Одним из наиболее широко используемых методов являются петрографические исследования, которые применяются для определения структуры глинистых материалов, исследуя ее в тонких срезах под микроскопом. Поляризационный микроскоп пропускает поляризованный свет через тонкий срез керамики, что позволяет оценить два главных компонента: пластичную (глинистую) составляющую и непластичную составляющую. В шлифах могут быть определены следующие характеристики керамического материала:

1. Природа и характеристики непластичных включений (минеральный состав, процентное содержание, размеры, форма, распределение и ориентация отдельных частиц);
2. Текстуры и оптические характеристики глинистой матрицы (двулучепреломление, цвет);
3. Форма, количество и ориентация пустот;
4. Особенности обработки поверхности, декорация.

Минералы глины и включения в формовочной массе керамики можно определить по их оптическим характеристикам в поляризованном и проходящем свете, включающим прозрачность, цвет, морфологию кристаллов, двулучепреломление, изотропию или анизотропию. В большинстве случаев можно определить, являлись ли непластичные включения природными или были добавлены искусственно как отощитель. Пластичное вещество в керамике представляет собой глинистую матрицу. Глинистая матрица в формовочной массе состоит из глинистых минералов и других минеральных зерен, размер которых меньше 2 микрон в диаметре.

Для более точного определения минерального состава глины и отощителей используется порошковый рентгенофазовый дифракционный анализ вещества (XRD). В основе данного метода лежит явление дифракции рентгеновских лучей на трехмерной кристаллической решетке, что позволяет точно отличить один минерал от другого в смеси разных веществ. Применение данного метода позволяет установить не только мине-

ральный состав глины, но и состав аксессуарных минералов в класическом материале.

Минералогический состав керамики и его изменения при нагревании могут быть использованы для определения условий и температуры обжига. Наряду с петрографическим анализом для этой цели может применяться дифференциально-термический анализ с термогравиметрией (ДТА-ТГ). При нагревании происходит разложение или фазовые переходы различных минералов, по температурам которых можно установить температуру обжига. Минералы группы карбонатов разлагаются при температурах 700–800 °С. Когда происходит нагрев при температуре выше 780 °С, карбонат кальция начинает разрушаться на CO_2 и CaO . Кварц подвергается кристаллической инверсии при 573 °С, меняет свою структуру и увеличивает размер кристаллов, это проявляется в растрескивании зерен. При 800 °С начинают разрушаться каолинит и кальцит в глинах, богатых известью, могут появиться новообразования геленита. При 850 °С начинают изменяться гидрослюды, могут появиться образования волластонита в глинах, богатых известью. Выше 950 °С происходит переход метакаолина в муллит.

Важными характеристиками керамики является оценка степени пористости, размер, форма пор. Определение пористости керамики можно изучать в шлифах методом петрографии. Применение метода компьютерной микротомографии (mCT) позволяет установить не только объем закрытых и открытых пор, но также провести 3D-визуализацию порового пространства и реконструировать выгоревшие и разложившиеся включения внутри керамики (раковины, остатки растений, зерен и др.).

Применение геохимических методов исследования керамики дает возможность установить возможные источники глинистого сырья и минерального отощителя, которые использовались для изготовления керамики. В этом направлении используются такие методы исследования, как рентгеноспектральный флуоресцентный анализ (XRF), метод индуктивно связанной плазмы (ICP-MS) и другие спектральные методы исследования вещества. Полученные результаты химического элементного анализа обрабатываются методами математической статистики для выявления групп химических элементов, по которым можно определить аналогичные по составу образцы керамики. Сравнение

с отобранными источниками сырья позволяет делать выводы о местном или импортном производстве сосудов. Применение микронзондового анализа (SEM-EDX) дает возможность уточнить минералого-геохимический состав керамики в отдельных точках образца. С помощью этого метода можно определять минеральный состав глин, микровключений и фазовых минеральных переходов.

Комплексное использование археометрических методов дает наиболее полную информацию о минералого-геохимическом составе формовочных масс керамики, что важно для реконструкций древних гончарных технологий и источников сырья, которые использова-

лись гончарами. Такие исследования проводились для керамики неолита, энеолита, эпох бронзы, раннего железного века из памятников на территории Восточной Европы (Охта 1, Подолье, Сертея, Ракушечный Яр, Алгай, Бай-Кият, Долгий Бугор, Сахарна-Марэ, Глинжены, Немиров и др.).

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00065 «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход»; <https://rscf.ru/project/22-18-00065/>) в РГПУ им. А. И. Герцена.

ARCHAEOLOGICAL APPROACH TO STUDY OF ANCIENT CERAMICS

M. A. Kulkova

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

Investigations of ancient ceramics by means of analytic methods include two main aims: 1) reconstruction of pottery technology; 2) analysis of raw sources for pottery making. One of the widely used methods is thin section analysis of ceramics. This analysis allows us to determine the paste composition, conditions and temperature of firing. For more precise mineralogical determinations XRD and SEM-EDX methods can be applied. The conditions and temperature of firing ceramics can be reconstructed with

DTA-TG analysis. Assessment of porosity, character of open and closed pores, size, and shape can be study with m-CT analysis. This method gives possibility to reconstruct temper (shell, plant, grains etc.) based on 3D pore visualization. Complex investigations using these methods were conducted for ceramics of Neolithic, Eneolithic, and Bronze — Early Iron Age from sites of Eastern Europe (Okhta 1, Podolye, Rakushechny Yar, Algay, Bay-Kiyat, Dolgii Bugor, Saharna Mare, Glinjeni 2, Nemirov etc.).

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ПРИ ПОМОЩИ ПОРТАТИВНОГО СПЕКТРОМЕТРА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ)

Н. Б. Соколова, И. С. Шегутов, И. М. Бердников

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

В последние годы в российской археологии каменного века набирает популярность метод анализа химического состава каменных и керамических артефактов с использованием портативного рентгенофлуоресцентного прибора (ПРФА) с целью изучения стратегий адаптации и расселения охотников-собирателей. В исследованиях древнего гончарства общепринятой методики не существует, поэтому любые разработки в этой области расширяют наши представления о возможностях данного аналитического метода.

В настоящем исследовании использовался портативный анализатор Olympus Vanta M с рентгеновской трубкой 4 Вт и родиевым (Rh) анодом, режим калибровки Geochem. Выборка представлена фрагментами 53 сосудов среднего неолита (~6,7–6,3 тыс. кал.л.н.) усть-бельского (38 ед.) и посольского (15 ед.) типов с пяти местонахождений Приангарья и Верхней Лены. Для каждого фрагмента делалось три измерения: одно с внешней поверхности и два с внутренней, где в одном случае удален поверхностный слой, чтобы исключить влияние химического «загрязнения». Сравнительный анализ показал, что результаты измерений одного фрагмента могут варьировать, поэтому для дальнейшего анализа были взяты данные по «сердцевине» черепка. Анализируя полученные данные, мы опробовали различные варианты их межтерриториальной дифференциации с использованием как классических петрохимических модулей (гидролизатного — ГМ, алюмокремниевое — АМ и др.), так и различных индикаторов, сравнивая результаты с конструктивными и декоративными особенностями сосудов. В итоге выявлено, что для решения этой задачи наилучшие возможности демонстрируют диаграммы отношений значений модулей АМ и ГМ к содержанию оксида кальция и стронция (см. рис.).

Для дифференциации на локальном уровне высокую степень информативности также показывают отношения и других элементов. В частности, образцы посольской керамики со стоянки Генералова хорошо группируются на диаграммах Ca/Sr, Ca/Rb, Rb/Sr и Ba/

Sr, причем кластеры соответствуют вариациям в декоре и морфологии сосудов, среди которых выделяются минимум две группы с налепными валиками в устьевой части и минимум две без таковых.

Усть-бельская керамика стоянки Деревня Мартынова в целом довольно плотно группируется, что, видимо, объясняется близкими характеристиками сырья с одной территории. Для внутренней кластеризации комплекса показательны индикаторы Ca/Sr, Rb/Sr, Ba/(Rb/Sr) и Ba/Sr, хотя в зависимости от индикаторов состав кластеров несколько варьирует. Тем не менее некоторые закономерности удалось проследить. Например, сосуды с оттисками сетки на поверхности (всего четыре) в ряде случаев попадают в один крупный кластер, при этом в нем преобладают сосуды, украшенные отступающими наколами. Также часто группируются два сосуда с орнаментом, сочетающим горизонтальные и зигзагообразные мотивы. Еще два образца (один с гребенчатым штампом, другой с отступающими наколами) практически на всех диаграммах позиционируются на значительном удалении от основных кластеров, что указывает на серьезные отличия их химического состава.

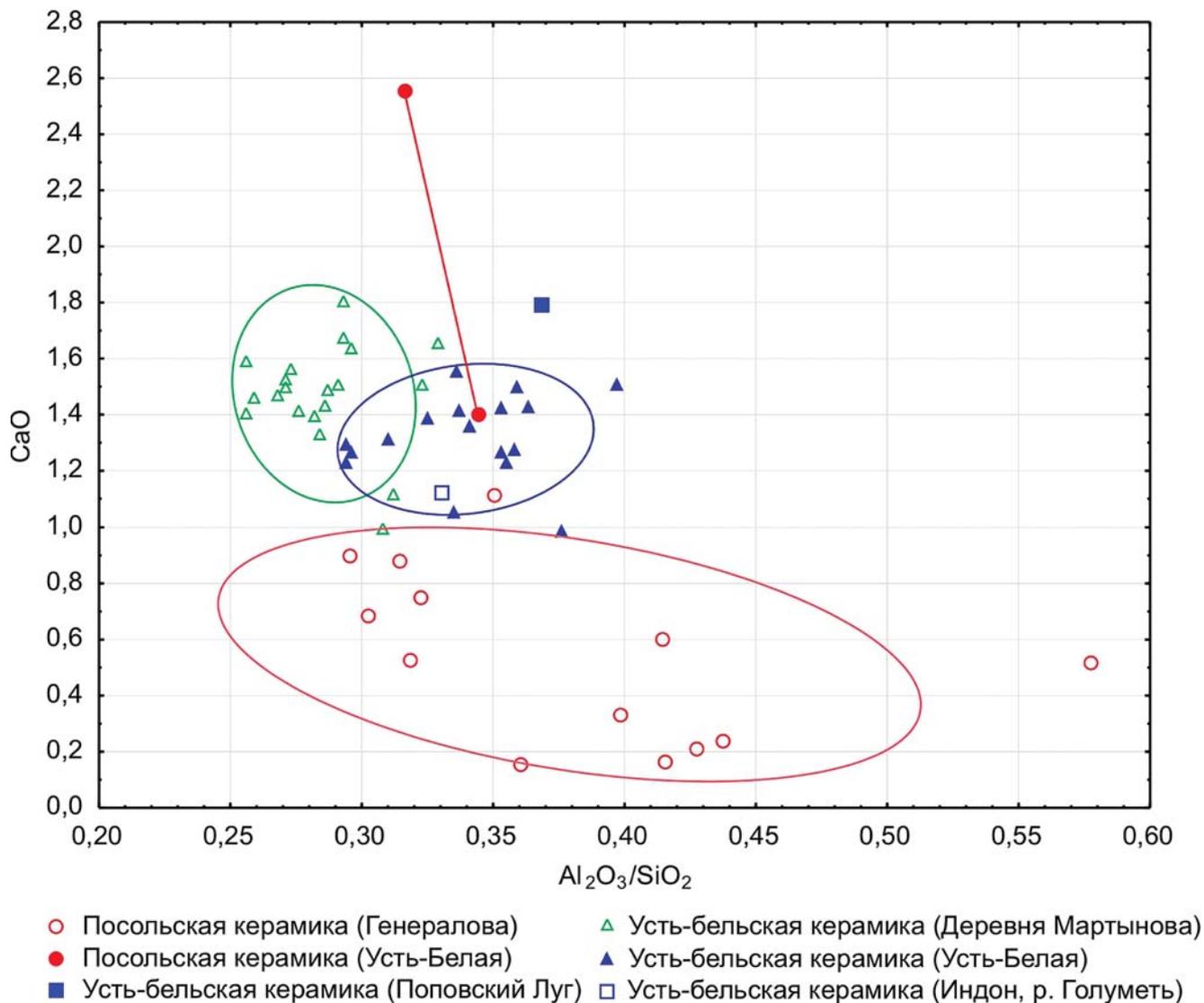
Для усть-бельской керамики также достаточно информативны диаграммы Ca/Sr, Rb/Sr, Ba/(Rb/Sr) и Ba/Sr. Выделяются два крупных кластера, в одном из которых почти все сосуды полностью декорированы гребенчатым штампом или эпифизом мелкой кости. К ним близок образец со стоянки Индон, который соседствует с одним из образцов с Усть-Белой (оба с отступающими наколами). Другой кластер (с большей дисперсией) объединяет сосуды преимущественно с отступающими наколами. Отдельно от основных кластеров на большинстве диаграмм позиционируются один образец с Усть-Белой с зигзагообразными мотивами и сосуд с Поповского Луга. Из двух посольских сосудов только один близок по химическому составу к местным усть-бельским.

Проведенный анализ показывает перспективность ПРФА в дифференциации неолитических сосудов

с разных территорий, а его достоверность повышается, если измерения проводить на участках фрагментов с удаленным поверхностным слоем. Хорошие возможности при анализе однотипной керамики демонстрируют индикаторные отношения с кальцием, стронцием, рубидием и в ряде случаев с барием. Для выявления межтерриториальных связей анализ должен включать

как можно большее число атрибутированных сосудов с максимальным территориальным охватом для одной культурной традиции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 24-28-01421.

Рис. Пример дифференциации химического состава средненеолитической керамики с разных местонахождений Приангарья и Верхней Лены на диаграмме отношения значений алюмокремниевого модуля к содержанию оксида кальция

Fig. Example of differentiation of the chemical composition of the Middle Neolithic ceramics from different sites of the Angara and Upper Lena on the diagram of the ratio of aluminosilicon module values to calcium oxide content

METHODOLOGICAL ASPECTS OF X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF ARCHAEOLOGICAL CERAMICS USING A PORTABLE SPECTROMETER (BASED ON MIDDLE NEOLITHIC ASSEMBLAGES OF BAIKAL-YENISEI SIBERIA)

N. B. Sokolova, I. S. Shegutov, I. M. Berdnikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Using the PXRF method, 53 Middle Neolithic ceramic vessels of Baikal-Yenisei Siberia were analyzed. The results show the promise of this method for separating ceramics from different areas, and its reliability increases if measurements of the chemical com-

position are carried out after removing the surface layer on the fragment. Possibilities for analyzing ceramics of the same type are demonstrated by indicator relationships with calcium, strontium, rubidium and, in some cases, barium.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

В. В. Ставицкий

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Согласно определению И. С. Каменецкого, археологическая культура — это группа археологических памятников, занимающих сплошную территорию и обладающих сходством признаков, которые образуют внутренне связанную систему, единообразно меняющуюся во времени и ограниченно варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от других археологических культур (Каменецкий, 1970). Как известно, для эпохи неолита главным признаком, определяющим своеобразие археологической культуры, является керамика, а остальные признаки носят факультативный характер. Поэтому при выделении неолитической культуры основное внимание уделяется керамике и, по существу, большинство исследователей ставят между ними знак равенства. Как следствие, в названии ряда культур присутствуют названия какой-то конкретной керамической традиции. Альтернативная точка зрения высказывалась А. Ф. Гореликом и В. А. Манько для ранне-неолитических культур Приазовья на стадии появления керамических традиций, когда различные мезолитические культуры могли получить керамику из одного источника (Горелик, 1997; Манько, 2006). Однако если исходить из представления о том, что археологическая культура отражает жизнедеятельность группы древнего населения, связанной общностью производственных навыков, норм и традиций, то распространение единой керамической традиции должно было происходить в тех границах, в которых имела место активная циркуляция информации. То есть распространение керамики очерчивало те границы, которые ранее нельзя было выявить по комплексам кремневых орудий. Поэтому нередко на территории, где фиксируются две-три мезолитические культуры, для раннего неолита выделяется только одна. Впрочем, возможна и иная интерпретация данного факта, согласно которой керамические традиции имеют надкультурный характер, а реальные археологические культуры следует фиксировать по особенностям кремневого инвентаря с учетом всех имеющихся в нашем распоряжении признаков.

При выборе вариантов решения данного вопроса следует исходить из предположения о том, какой конкретной общностью первобытного населения оставлена группа памятников, обладающих определенным

сходством признаков и согласованно изменяющихся во времени. В советской историографии неолитическую культуру обычно соотносили с группой племен, говорящих на одном языке и родственных по происхождению (Гурина, 1973. С. 16). Однако данная точка зрения противоречит представлениям этнографов, которые отмечают: то, что устанавливается археологами в результате изучения материальных останков, т.е. археологическая культура, соответствует этнографической историко-культурной области, которая нередко имеет неоднородную этническую структуру, а составляющие ее компоненты не обязательно связаны общностью происхождения (Левин, Чебоксаров, 1955. С. 16). Этнографические исследования последних десятилетий свидетельствуют о том, что племенная структура — это достаточно позднее явление, получившее достаточно широкое распространение только на грани перехода к классовому обществу. Исследования австралийских аборигенов показали, что наличие брачных классов обязательно ведет к появлению дуально-родовой структуры, лежащей в основе первобытного племени. Каждая локальная группа находится в центре своих брачных и социальных связей, что в итоге приводит к появлению первобытной непрерывности материальной культуры, границы распространения которой определяются только наличием преград естественно-географического характера. Следовательно, археологическая культура представляет собой своеобразный сгусток сходных признаков материальной культуры, не имеющих при отсутствии географических препятствий четко очерченных границ. Контуры данных границ определяются периферийными территориями, менее благоприятными для ведения конкретного вида хозяйственной деятельности.

Таким образом, генезис неолитической культуры представляет собой процесс распространения керамической традиции, которая занимает ландшафтную зону, в границах которой преобладает определенный хозяйственно-культурный тип. Согласованные изменения данных традиций, видимо, обеспечиваются наличием регулярных брачных контактов патрилокального либо уксорилокального характера. Смена культурных традиций может произойти как в результате внутреннего развития, так и в результате внешнего импульса.

Причин для масштабных миграций на территории лесной зоны до появления новых (производящих) способов хозяйства, по-видимому, не было, как не было для

них и объективных условий. Подобная устойчивость этнокультурных границ сохраняется вплоть до эпохи бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Горелик А. Ф. Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы «неолитизации» мезолитических культур // Манько В. А. (ред.). Древности Подонцовья. № 6. Луганск: Осирис, 1997. С. 32–37.

Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Гурина Н. Н. (ред.). Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973. (МИА; № 172). С. 7–24.

Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // Советская археология. 1970. № 2. С. 18–36.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.

Манько В. О. Неоліт Південно-Східної України. Київ: Шлях, 2006.

NEOLITHIC POTTERY AND ARCHAEOLOGICAL CULTURE: THE PROBLEM OF CORRELATION

V. V. Stavitskiy

Penza State University, Penza, Russia

For the Neolithic era, the main feature that determines the archaeological culture is ceramics, whereas other features are optional. In Soviet historiography, the Neolithic culture was correlated with a group of tribes speaking the same language and related in origin, but according to ethnographical studies, it corresponds rather to

a historical and cultural area. The genesis of the Neolithic culture is a process of spreading the ceramic tradition, which occupies a landscape zone, within the boundaries of which a certain economic-cultural type prevails. The coordinated change of these traditions is ensured by the presence of regular marriage contacts of patrilocal or matrilineal character.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ: ВРОЗЬ ИЛИ ВМЕСТЕ?

Ю. Б. Цетлин

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Цель моего доклада состоит в том, чтобы взглянуть на археологический материал как объект научного исследования с двух позиций: во-первых, с позиций собственно археологии и, во-вторых, с позиций союза археологии и этнографии. Рассмотрение этих вопросов базируется на древней керамике как источнике исторической информации.

Традиционный путь исследования керамики в археологии включает три этапа: описание материала, его классификацию и историческую интерпретацию. Все эти этапы исследования базируются на личном опыте, интуиции исследователя и отчасти на естественно-научных данных.

Однако еще в начале XX столетия американский исследователь Д. У. Фьюкс первым употребил термин «этноархеолог» и высказал пожелание, чтобы археологи использовали этнографические данные для более глубокого понимания археологического материала (Fewkes, 1901. P. 579).

Связь археологии и этнографии на разных этапах развития нашей науки была различной. В эпоху эмоционально-описательного подхода имело место естественное единство археологии и этнографии. Постепенно, с накоплением археологического материала, эта связь ослабевала. Обращение исследователей к формально-классификационному подходу отражало практически полный отрыв археологии от этнографии. Позднее, с развитием этноархеологии и формированием историко-культурного подхода к изучению древней керамики, вновь складывается органическое единство этих двух наук, но уже на совершенно новом качественном уровне. Ход развития по спирали в данном случае служит дополнительным доказательством того, что такой процесс развития был не случайным, а глубоко закономерным (Цетлин, 2012. С. 18–38).

Основная задача археологии — реконструкция истории людей, для чего служат материальные остатки их деятельности (Бобринский, 1978). Однако любая трудовая деятельность, чтобы быть успешной, должна быть системно организованной, т.е. выполняться по определенным правилам. В человеческом обществе такая деятельность существует в форме различных культурных традиций. В гончарстве такие традиции имеют постоянную структуру и включают четыре элемента: действия людей, материалы, на которые направлены эти действия, приспособления, с помощью которых эти действия осуществляются, и конечный результат — готовые сосуды.

Гончарные традиции разделяются на традиции внешней и внутренней культуры. Первые касаются формы и внешнего облика посуды, вторые — техники и технологии ее создания. Кроме того, гончарные традиции могут находиться в двух состояниях: *несмешанном* и *смешанном*. В зависимости от конкретно-исторической ситуации, в которой находится тот или иной человеческий коллектив, гончарные традиции могут находиться в состоянии большей или меньшей однородности. Основной причиной нарушения культурной однородности населения являются различные контакты между носителями разных гончарных традиций. Поэтому, изучая по керамике культурные традиции древнего населения и то, как они меняются во времени и пространстве, возможно изучать и причины этих изменений, т.е. историю древнего населения (Бобринский, 1999).

В заключительной части доклада приводятся несколько примеров, показывающих роль изучения этнографии гончарства для более глубокой интерпретации археологических данных.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012.

Fewkes J. Tusayan Migration Traditions. Washington: Washington Government Printing Office, 1901.

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY: APART OR TOGETHER?

Yu. B. Tsetlin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

The author considers the relationship between archaeology and ethnography at different stages of the development of archaeological science. In recent decades, this connection has been strengthening, which is reflected in the emergence of a special scientific direction — ethnoar-

chaeology. It will be shown on the base of a few examples the importance of using ethnographic data for a deeper understanding of archaeological ceramics as one of the most important sources for the reconstruction of the history of ancient population.

**ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ:
ОТ ВЫБОРА ИСТОЧНИКОВ СЫРЬЯ
ДО СОЗДАНИЯ СОСУДА**

**TECHNOLOGY OF POTTERY:
FROM SOURCES OF RAW MATERIALS
TO CONSTRUCTION OF A VESSEL**

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСУДЫ РАННЕЙ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

О. В. Андреева

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Волосовскую и гаринскую культуры исследователи относят к периоду раннего энеолита на территории их бытования. Результаты радиоуглеродного датирования волосовской керамики укладываются в интервал последней четверти V — второй половины IV тыс. до н.э. (Королёв, Шалапинин, 2010. С. 258–259), гаринские древности существовали в период второй половины IV тыс. — первой половины III тыс. до н.э. (Лычагина и др., 2023. С. 12, табл. 2).

Посуда волосовской культуры на раннем этапе представлена полуяйцевидными формами с прямым, прикрытым или слегка отогнутым венчиком, толщина сосудов варьирует от 0,6 до 1,0 см, поверхность стенок часто имеет следы заглаживания зубчатым штампом. Преобладает орнаментация гребенчатым штампом, встречаются оттиски гладкого штампа, веревочки и ямочные вдавления разных форм (Шалапинин, Андреева, 2021. С. 395–396).

Для керамики гаринской культуры характерны прямостенные сосуды с прямым или слабо прикрытым венчиком и плоским дном. Толщина стенок от 0,5 до 1,2 см, внутренняя поверхность сосуда часто заглажена гребенчатым штампом. Основные элементы орнамента: гребенчатый штамп, гладкий штамп и круглые ямочные вдавления.

Технология изготовления посуды волосовской и гаринской культуры изучалась в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским на основе применения методики бинокулярной микроскопии (Бобринский, 1999).

Был проведен технико-технологический анализ 121 сосуда ранней волосовской керамики (Шалапинин, Андреева, 2021) и 182 сосудов со стоянок, относящихся к гаринской культуре (Андреева, Батуева, 2020).

При отборе исходного пластичного сырья (ИПС) для изготовления волосовской керамики гончары использовали преимущественно илестую глину, предпочтение отдавалось не запесоченному сырью. Для изготовления гаринской посуды применяли илестую глину в 64 %, а в 36 % случаев использовали глину, также в основном выбирали не запесоченное сырье.

При подготовке формовочной массы (ФМ) в качестве примеси использовали дробленую раковину, органический раствор, шамот и пух птицы. Для создания волосовской посуды преимущественно использовали ФМ, состоящую из ИПС + органический раствор + пух птицы. Превалирующим рецептом ФМ для гаринской посуды был: ИПС + дробленая раковина. Стоит отметить, что в гаринской посуде нами не отмечена примесь пуха птицы, при этом в тесте наблюдается большое количество дробленой раковины. В составе ФМ волосовской керамики дробленая раковина встречается лишь в 11 % изученных сосудов.

Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ (проект № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»).

ЛИТЕРАТУРА

Андреева О. В., Батуева Н. С. Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения верхнего и среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского университета. 2020. № 48. С. 5–18.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.).

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Королёв А. И., Шалапинин А. А. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // ИСНЦ РАН. 2010. Т. 12, № 2. С. 256–259.

Лычагина Е. Л., Выборнов А. А., Кулькова М. А. Новые данные о хронологии энеолитических памятников Камы и Камско-Вятского междуречья // Вестник Пермского университета. 2023. № 60. С. 5–18.

Шалапинин А. А., Андреева О. В. Типологическая и технико-технологическая характеристика ранней волосовской керамики Марийского Поволжья // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 394–408.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VESSELS OF THE EARLY VOLOSOVO CULTURE (MIDDLE VOLGA FOREST REGION) AND THE GARIN CULTURE (MIDDLE AND UPPER KAMA REGION)

O. V. Andreeva

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

---

Volosovo and Garin cultures were attributed to Early Eneolithic period. A technical and technological analysis of 121 vessels of the early Volosovo culture and 182 vessels of Garin culture was carried out. Silty clay was mainly used for the manufacture of Volosovo and

Garin vessels. Paste recipes of Volosovo vessels consisted of plastic raw materials + organic solution + bird down, Garin vessels were made from initial plastic raw materials tempered with crushed shell.

КЕРАМИКА ЭНЕОЛИТА СТОЯНОК ПОДОЛЬЕ 3 И ПАДАНЫ 1: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Т. М. Гусенцова¹, М. А. Кулькова²

¹ НИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербург, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Памятники расположены в регионе юго-западного (Подолье 3) и юго-восточного Приладожья (Падань 1). Культурные слои стоянок содержат материалы различных культурно-хронологических групп от неолита и раннего металла до эпохи средневековья. Посуда эпохи энеолита представлена несколькими культурными группами керамики с различными вариантами орнаментации и отошителями в глиняном тесте: ямочно-гребенчатой и ромбоямочной с минеральными добавками; пористой (органической) и асбестовой, датированных серединой IV — началом III тыс. до н.э.

Для посуды стоянок Подолье 3 (18 обр.) и Падань 1 (15 обр.) выполнен анализ минералогического и химического составов формовочной массы, определены условия обжига древней керамики. Анализ керамики проводился различными аналитическими методами: РСФА, сканирующая электронная микроскопия с микрозондом, петрографический анализ, микрофотография, определение стабильных изотопов ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) в пищевом нагаре и определение возраста нагара методом радиоуглеродного датирования. В петрографических шлифах определялись различные характеристики керамического материала — природа и характеристики непластичных включений. Минеральный состав керамической пасты (термические переходы различных минеральных фаз) также позволяет определить примерную температуру и условия обжига глиняного изделия (Кулькова и др., 2021).

Стоянка Подолье 3. В составе глиняного теста одного из сосудов с гребенчатым орнаментом стоянки определена дресва магматических пород: плагиограниты. Посуда с органическими добавками изготовлена частично из смектитовой глины, жирной, отошитель — дробленая раковина, 45 %, размеры фрагментов 2–5 мм. Температура обжига 600–650 °С, восстановительная атмосфера, кратковременный обжиг. В других образцах глина гидрослюдистая, жирная. В качестве отошителя была определена измельченная растительность — 35 %, размеры пор 0,8–1,5 мм. Обжиг в окислительной, долго-

временной атмосфере, при температуре 600–650 °С. Посуда с примесью асбеста изготовлена из жирных хлоритовых глин; гидрослюдистой глины, тощей; смектитовой жирной глины. Температура обжига около 750 °С. Для керамики с асбестом был определен минеральный состав асбеста и по композиционному составу отошителей было выделено шесть групп: преобладают сосуды, в качестве отошителя в которых использовался амфибол, вермикулит (10), другие группы включают: шамот (1); пух + амфибол, вермикулит (1); тальк (1); измельченная растительность + амфибол, вермикулит (2); измельченная растительность + шамот + амфибол и тальк (1).

Стоянка Падань 1. По составу формовочной массы 15 сосудов выделено три группы. Преобладает керамика группы 1 (10 обр.), в качестве отошителя в которой использовался асбест: амфибол, вермикулит от 12 до 18 %. Половина сосудов изготовлена из смектит-хлоритовых глин, тощих с включениями остатков растительности; четыре сосуда — из каолинит-смектитовой глины, тощей, кластического материала — 24 %, с включениями органики водного генезиса (водоросли), один образец изготовлен из хлоритовой глины, жирной, с редкими включениями ожелезненных глинистых оолитов. Температура обжига в зависимости от глины составляет 650–800 °С, в окислительной долговременной и кратковременной атмосферах. В группе 2 в качестве отошителя использовалась дресва метаморфических пород: амфибол, вермикулит + пух-перо (4). Керамика изготовлена из смектит-хлоритовой глины, жирной, кластического материала — 12 %. Отошитель: амфибол, вермикулит — 10 %, пух-перо (27 %). Температура обжига 750–800 °С, в условиях окислительной атмосферы и долговременного обжига. В качестве отошителя группы 3 (1) использовалась измельченная растительность. Керамика изготовлена из хлоритовой глины, жирной, кластического материала — 2 %, отдельные включения ожелезненных глинистых оолитов, отошитель — измельченная растительность (трава) — 34 %. Температура обжига 750–800 °С, окислительная атмосфера, долговременный обжиг.

Сосуды обеих стоянок с примесью асбеста и органики сходны с энеолитической керамикой типа войнаволок и оровнаволок Карелии (Жульников, 1999).

Комплексные исследования керамики эпохи энеолита на стоянках Подолье 3 и Падань 1 дают возможность оценить изменения, которые происходили в технологиях изготовления керамики в связи с изменениями культурных традиций и появлением нового населения. Традиция из-

готовления керамики с примесью асбеста связана со стоянками Карелии. Это влияние отражается в технологии изготовления керамики со стоянок южного Приладожья, которая имеет сложные рецептуры формовочной массы, включающие помимо асбеста раковину, пух, перо. Значительное сходство орнаментации сосудов указывает, что добавление в формовочную массу асбеста стало компонентом местной керамической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Жульников А. М. Энеолит Карелии: (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КНЦ ИЯЛИ РАН, 1999.

Кулькова М. А., Гусенцова Т. М., Кульков А. М., Стрельцов М. А. Глиняная посуда неолита — эпохи раннего металла Южного Приладожья: минералого-

геохимические характеристики, технология изготовления и функциональные особенности использования // Юминов А. М., Анкушева Н. Н. (отв. ред.). Геоархеология и археологическая минералогия — 2021. Миасс; Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2021. С. 87–92.

THE ENEOLITHIC CERAMICS FROM THE PODOLIE 3 AND PADAN' 1 SITES: TECHNOLOGICAL AND CULTURAL-CHRONOLOGICAL ASPECTS

T. M. Gusentsova¹, M. A. Kulkova²

¹ *Scientific and Research Institute for Cultural and Natural Heritage, St. Petersburg, Russia*

² *Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

In the article the results of mineralogical and chemical compositions of ceramic pastes, firing conditions for Eneolithic ceramics from the Podolie 3 and Padan' 1 sites in the Southern Ladoga Lake region are represented. Different paste recipes for pottery manufacture can be distinguished: single-component (asbestos as a temper) and multicomponent (tempered

with asbestos, shell, feather, down, and plant). The shapes and decorations of pottery are close to the Eneolithic pottery of Voinavolok and Orovnavolok types of Karelia. The multidisciplinary investigations allowed us to consider the technological changes in pottery vs. cultural processes and arrival of new cultural traditions in the region under consideration.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ НЕОЛИТА — ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Н. С. Дога¹, М. А. Кулькова², А. А. Выборнов¹

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Керамическая традиция неолита Северного Прикаспия является одной из древнейших в Восточной Европе. В результате технико-технологического анализа сосудов исследователи определили характерные признаки сырья: использование озерных илов с естественной примесью раковин пресноводных моллюсков и водной растительности (Васильева, 1999). Дальнейшие разработки показали, что в формовочные массы вводился органический раствор, а соотношение жирных и тощих илов на различных памятниках варьирует (Выборнов и др., 2022). Таким образом, есть основания продолжить всестороннее изучение керамического материала данного региона. Одним из вариантов может быть петрографический анализ, который весьма распространен при изучении неолитической посуды.

Для анализа были выбраны фрагменты от сосудов стоянок позднего этапа неолита Тентексор I (4 экз.) и Таскудук (3 экз.), а также образцы с памятников переходного от неолита к раннему энеолиту периода Курпеже-молла (4 экз.), Буровая 41 (2 экз.), Истай II (3 экз.), 35 км (2 экз.). Первые относятся к тентексорскому типу, а вторые — к прикаспийской культуре. Вопрос об их соотношении до сих пор остается дискуссионным. Так, в переходных комплексах на венчиках появляется воротничковое утолщение, а в орнаментации — сочетание прочерченных линий и зубчатого штампа. Что касается технологии, то установлено сочетание жирных илов и жирных илистых глин и разные приемы составления формовочных масс (органический раствор, примесь дробленой раковины и пр.).

В результате петрографического анализа было выделено несколько групп формовочных масс:

1. Глины смектит-гидрослюдистого состава, тощие. Поры от включений водной растительности с остатками невыгоревшей растительности (15%). Отощитель: дробленая раковина и песок. Она выделена только для неолитической посуды;
2. Глины смектит-карбонатного состава или хлорит-гидрослюдистого/смектитового состава, тощие. Отощитель — дробленая раковина. Она присуща тентексорским сосудам и фрагментам стоянки 35 км;
3. Глины хлорит-гидрослюдистого состава, тощие. Поры от включений водной растительности, остатки невыгоревшей растительности, включения раковин. Отощителя нет. Эта группа выявлена только на стоянке тентексорского типа Таскудук;
4. Глины смектит-гидрослюдистого состава, тощие. Поры от включений водной растительности. Отощитель: дробленая раковина, песок, шамот. Она обнаружена только в керамике прикаспийской культуры стоянки Курпеже-молла;
5. Глины смектит-гидрослюдистого/карбонатного состава, тощие. Поры от включений водной растительности, включения глинистых пеллитов. Отощитель: дробленая раковина, шамот. Эта группа характерна только для посуды прикаспийской культуры всех проанализированных памятников.

Таким образом, результаты петрографического анализа посуды неолита-энеолита расширяют наши представления об их характерных и своеобразных признаках.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-28-00103 «Трансформация культур позднего неолита — энеолита Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход».

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И. Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Выборнов А. А. (ред.). Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 72–96.

Выборнов А. А., Васильева И. Н., Дога Н. С., Кулькова М. А. Новые данные о стоянке Курпеже-молла в Северном Прикаспии // *Oriental Studies*. 2022. № 3. С. 572–590.

FIRST RESULTS OF PETROGRAPHIC ANALYSIS OF NEOLITHIC — ENEOLITHIC CERAMICS OF THE NORTHERN CASPIAN REGION

N. S. Doga¹, M. A. Kulkova², A. A. Vybornov¹

¹ *Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia*

² *Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

The article presents preliminary results of a petrographic analysis of ceramics from the Late Neolithic sites Tenteksor and Taskuduk I attributed to Tenteksor type, and Kurpezhe-molla, Burovaya 41, Istai II and

35 km sites attributed to Caspiyskaya culture and dated to transition Neolithic—Eneolithic period. The results of petrographic analysis improve our knowledge of their typical and unique features.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС п. РАКУШЕЧНЫЙ ЯР (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЫХ РАСКОПОК)

Е. В. Долбунова¹, М. А. Кулькова², А. Н. Мазуркевич¹, А. М. Кульков³,
А. Л. Александровский⁴

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

⁴ Институт географии РАН, Москва, Россия

На юге Восточной Европы, в Нижнем Подонье, Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии известны несколько раннеолитических культур, отдельные этапы которых существуют синхронно. Для Нижнего Подонья эталонным памятником с раннеолитическими керамическими комплексами является п. Ракушечный Яр. Многолетние полевые исследования на нем, создание единого стратиграфического разреза, связавшего отдельные участки и слои поселения, позволили получить новые материалы и уточнить их хронологию. Новая серия АМС радиоуглеродных датировок для отдельных слоев из новых раскопов и раскопов 1 и 2 Т. Д. Белановской ложится в интервал 5600–5500 гг. до н.э. для самых ранних неолитических слоев (Мазуркевич и др., 2021; Долбунова и др., 2022).

В докладе будут представлены результаты исследований керамических комплексов раннего неолита из новых раскопов, в ходе которых были проведены работы по ремонту фрагментов сосудов, петрографические и геохимические анализы отдельных сосудов, микротомография, описание макроследов с реконструкцией цепочек технологических операций. Для установления источников сырья были проведены геохимические анализы фрагментов сосудов и отложений, выполнены геоморфологические работы, описание свиты слоев, для реконструкции рецептуры формовочной массы — петрографические анализы. Для проведения геохимических (146 обр.) и петрографических анализов (всего 174 обр.) были отобраны сосуды, представляющие типичные и «импортные» образцы глиняных изделий. Были применены геохимические методы исследования фрагментов (XRF), и с помощью портативного спектрометра Bruker — неразрушающий метод с последующим сравнением результатов, полученных различной приборной базой. По композиционному составу глин и отощителей можно выделить несколько рецептов керамического теста и предпо-

ложить источники его минерального сырья. По данным корреляционного анализа было выявлено несколько групп химических элементов с наиболее высокими корреляционными связями. Данные геохимического анализа позволили установить, что фрагменты керамики из выборки образцов из нижних неолитических слоев были изготовлены из местных источников сырья, которыми являлись глинистые отложения, богатые органикой, образовавшиеся в пойме р. Дон: отложения из береговой зоны, содержащие прибрежную водную растительность; тощие карбонатные илы с раковинами и фито- и зоопланктоном из прибрежной зоны, жирные илы с раковинами и зоопланктоном, сформированные в глубоководной зоне, в пойме или на участке реки, затопляемой в половодье; тощие глины с раковинами и фитопланктоном (прибрежные), смешанные глины с раковинами и фитопланктоном, тощие карбонатные глины с остатками прибрежной растительности, которые формируются в неглубоком речном водоеме в береговой части. Также выделяется несколько образцов, которые были сделаны из сырья, происходящего за пределами этого микрорегиона.

Реконструкция сосудов из новых раскопов позволила дополнить морфологические группы, а также более четко проследить связь между отдельными комплексами. Реконструированные формы сосудов укладываются в рамки предложенной ранее морфологической классификации глиняных сосудов. В ходе работ было выявлено несколько развалов сосудов. Основываясь на особенностях собранных частей сосудов, можно предположить наличие нескольких закрытых контекстов — возможно, ям, откуда происходят крупные части сосудов. Наличие серии замкнутых мелких фрагментов керамики может маркировать отдельные горизонты эрозии и разрушения культурного слоя. Были выявлены новые виды сосудов со сложной геометрической орнаментацией, которая находит аналогии в материалах Нижней Волги.

Монолитность этого комплекса хорошо прослеживается на всех этапах цепочек технологических операций, в особенностях использования сосудов (Bondetti et al., 2021), паттернах пространственного распределения. Во многом это обусловлено кратковременностью его существования и производством на узкоспециализированном памятнике. Датировки, полученные из отдель-

ных ранненеолитических слоев, указывают на узкий хронологический интервал существования и создания керамической коллекции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ФДНЧ в рамках научного проекта № 21-59-22008.

ЛИТЕРАТУРА

Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Цыбрий В. В., Цыбрий А. В., Шманда Я., Александровский А. Л., Киттель П. Результаты новых исследований раннеолитических слоев п. Ракушечный Яр (Ростовская обл.) // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 27–43.

Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Амон К. Новые данные по хронологии и стратиграфии памятника Ракушечный Яр // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Гео-

археология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 42. С. 106–122.

Bondetti M., González Carretero L., Dolbunova E., McGrath K., Presslee S., Lucquin A., Tsybriy V., Mazurkevich A., Tsybriy A., Jordan P., Heron C., Meadows J., Craig O. E. Neolithic farmers or Neolithic foragers? Organic residue analysis of early pottery from Rakushechny Yar on the Lower Don (Russia) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13 (8). P. 141–157.

EARLY NEOLITHIC CERAMIC COMPLEX OF THE RAKUSHECHNY YAR SITE (BASED ON THE MATERIALS OF NEW EXCAVATIONS)

E. V. Dolbunova¹, M. A. Kulkova², A. N. Mazurkevich¹, A. M. Kulkov³,
A. L. Alexandrovsky⁴

¹ *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

² *Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

³ *Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

⁴ *Institute of Geography RAS, Moscow, Russia*

New archaeological excavations at the Rakushechny Yar site, a reference site for the Early Neolithic of the south of Eastern Europe, have allowed us to considerably improve our knowledge about the ceramic complex of the middle of the 6th millennium BC, which was known from the excavations of

the 1960s by T. D. Belanovskaya. The monolithic nature of this complex can be clearly traced at all stages of the *chaînes opératoires*, in the patterns of vessel use and spatial distribution. This was largely due to the short period of its existence and production at a highly specialized site.

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАНА ВОЛХОНСКИЕ ВЫСЕЛКИ 1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

А. С. Желудков¹, А. А. Куличков², Е. Н. Акимова¹

¹ ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк, Россия

² Межрегиональный центр археологических исследований, Липецк, Россия

В результате раскопок кургана у деревни Волхонские Выселки в Чаплыгинском районе Липецкой области было установлено, что он возведен на позднем этапе существования среднедонской катакомбной культуры (СКК) в XXIII–XXII вв. до н.э. носителями традиции валиковой орнаментации керамики (Гак, Борисов, 2017. С. 20). Всего было исследовано пять погребений эпохи средней бронзы, в том числе два содержащих керамику как СКК, так и фатьяновско-балановской культурно-исторической общности (ФБ КИО).

Нами были изучены две группы керамики, относящиеся к катакомбным (11 обр.) и фатьяновско-балановским древностям (3 обр.). В рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978; Бобринский, 1999) изучался состав формовочной массы (ФМ), приемы конструирования сосудов, способы обработки их поверхностей и условия обжига.

Из интересных наблюдений можно отметить следующее.

Во-первых, наличие в ФМ кальцинированной кости, как у СКК, так и ФБ КИО. При этом, несмотря на значительное число исследованных образцов керамики ФБ КИО (Волкова, 1996; Волкова, 1998а; Волкова, 2010), ранее эта примесь была зафиксирована в ней лишь однажды (Швецова, 2020).

Во-вторых, для одного сосуда облика ФБ КИО была зафиксирована технология конструирования, при которой шея сосуда изготавливалась отдельно

и вставлялась в плечо, о чем свидетельствует отпечаток перевитого шнура, расположенный в месте перехода плеча в шею. Подобные отпечатки были зафиксированы на сосудах из Тургиновского могильника (Гадзяцкая, 1971. С. 70) и одиночного погребения ФБ КИО, исследованного в черте Нижнего Новгорода (Швецова, 2020). Экспериментальное изучение этой технологии проведено Е. В. Волковой (Волкова, 1998б. С. 132).

В-третьих, в составе ФМ одного из сосудов, который мы склонны считать результатом гибридизации гончарных традиций СКК и ФБ КИО, выявлен органический раствор, представленный в изломах пятнами светло-серого и желто-бурого цвета. Ранее эта традиция не фиксировалась для катакомбной керамики, но широко представлена в круге древностей ФБ КИО.

В целом необходимо отметить, что керамика СКК до настоящего момента была исследована в рамках историко-культурного подхода однажды, и лишь для 11 образцов (Гак, 2019) и наше исследование увеличивает эту выборку. Также изучение технологии изготовления керамики из синкретичных погребальных комплексов, содержащих как керамику СКК, так и ФБ КИО, приближает нас к пониманию степени взаимоотношений между племенами леса и степи.

Статья написана при поддержке гранта Фонда Президентских грантов, проект № 23-1-017907 «Хранители древностей».

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996.

Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.: Старый сад, 1998а.

Волкова Е. В. Роль эксперимента в реконструкции фатьяновской гончарной технологии // Черных И. Н. (ред.). Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1998б. С. 125–134.

Волкова Е. В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН, 2010.

Гадзяцкая О. С. Новые раскопки Тургиновского могильника // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 65–71.

Так Е. И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н.э. в лесостепном Подонье. М.: Государственный исторический музей, 2019.

Так Е. И., Борисов А. В. Сезонность поселений среднедонской катакомбной культуры: ландшафтно-экологическая модель // РА. 2017. № 1. С. 19–33.

Швецова А. А. Сосуды из одиночного погребения фатьяновско-балановской культурной общности в черте Нижнего Новгорода // Цетлин Ю. Б. (ред.). Вестник «История керамики». Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. С. 112–125.

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF CERAMICS OF THE MIDDLE BRONZE AGE FROM THE KURGAN VOLKHONSKIYE VYSELKI 1 ON THE UPPER DON

A. S. Zheludkov¹, A. A. Kulichkov², E. N. Akimova¹

¹ *Archeological Research Public Organization, Lipetsk, Russia*

² *Interregional Center for Archaeological Research, Lipetsk, Russia*

This paper presents the results of a technical and technological analysis of ceramics of the Middle Bronze Age (22–23th centuries BC) from a burial

mound near the village of Volkhonskie Vyselki on the Upper Don (Chaplyginsky district, Lipetsk region).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА ПО ДАННЫМ ПЕТРОГРАФИИ

А. М. Киселёва¹, М. А. Кулькова²

¹ *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия*

² *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

В работе представлены результаты петрографического изучения раннеолитической посуды с территории Кольского Севера. По современным представлениям, керамика в этом регионе появляется в последней трети VI тыс. до н.э., традиционно она соотносится с типом Сярайскими 1 (Сяр 1). В результате недавних исследований для материалов Кольского Севера было предложено выделять внутри типа Сяр 1 два варианта — Варзина и Чаваньга. Сосуды первого варианта округлодонные, второго — плоскодонные. При этом с формой дна коррелируют морфологические, орнаментальные и некоторые технологические признаки (Киселёва, Колпаков, 2023).

Петрографический анализ керамики позволяет установить минералогический состав глин и примесей, определить температуру и условия обжига, а также предположить возможные источники сырья. Цель настоящего исследования заключалась в характеристике особенностей отбора глин и отощителей для изготовления рассматриваемой керамики, а также в установлении наличия или отсутствия различий в технологии изготовления посуды разных вариантов.

Для петрографического исследования были отобраны фрагменты от 52 сосудов с 14 памятников региона. Исследования проводились только для тех сосудов, для которых можно уверенно определить принадлежность к одному из двух вариантов типа Сяр 1. Для посуды варианта Чаваньга изучено 17 образцов (12% от всех сосудов региона, отнесенных к данному варианту), варианта Варзина — 35 образцов (также 12% от всех сосудов данного варианта).

В результате проведенных исследований было установлено, что для изготовления посуды использовались преимущественно тощие глины (гидрослюдисто-смет-

итового, смектитового, смектит-гидрослюдистого, единично хлоритового состава), только для трех образцов были определены жирные глины (сметтитового, карбонат-гидрослюдистого, хлорит-сметтитового состава).

Среди примесей определено только минеральное сырье: дресва, песок и редко шамот. Доминирующей примесью является дресва. В качестве единственного отощителя она отмечена в 16 образцах, вместе с другими добавками — в 35 образцах. Песок в качестве единственной примеси зафиксирован только в одном образце, а шамот во всех случаях (8 экз.) встречен с дресвой или с дресвой и песком. Отметим, что состав пород, использовавшихся для получения дресвы, чрезвычайно разнообразен, что, очевидно, обусловлено геологическими особенностями региона. Определена дресва магматических, метаморфических и биогенных карбонатных пород. Возможно, сопоставление петрографических определений по керамике с данными по геологии Кольского Севера в дальнейшем позволит выявить стратегии и особенности отбора этого вида примеси.

В результате сопоставления данных петрографии с типологической принадлежностью сосудов не удалось проследить устойчивых различий по видам используемых глин и отощителей среди двух групп керамики. На данном этапе исследования можно заключить, что оба варианта посуды, несмотря на целый набор существенных различий, обнаруживают близкое сходство по технологии составления керамических масс.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0019).

ЛИТЕРАТУРА

Киселёва А. М., Колпаков Е. М. Керамика Сярайскими 1 на Кольском Севере? // Археологические вести. 2023. Вып. 40. С. 44–56.

PRODUCTION TECHNOLOGY OF EARLY NEOLITHIC POTTERY OF THE KOLA NORTH ACCORDING TO PETROGRAPHIC ANALYSIS

A. M. Kiseleva¹, M. A. Kulkova²

¹ *Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia*

² *Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

The study presents the results of petrographic analysis of Early Neolithic ware from the Kola North. Fragments of 52 vessels from 14 sites of the region were selected for the study. It was identified that lean clay was predominantly used for pottery pro-

duction. Only mineral raw materials were recognized as temper, i.e. coarse crushed rocks, sand and rarely chamotte. Vessels of different variants (round-bottomed and flat-bottomed) showed close similarity in paste recipes.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ НЕОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ АНАЛИЗЫ, РЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕПОЧЕК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И ФОРМ СОСУДОВ

А. Н. Мазуркевич¹, Е. В. Долбунова¹, М. А. Кулькова²

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

В бассейне Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепровья выявлено более 200 стоянок каменного века, среди которых сезонные и долговременные поселения охотников-собирателей-рыболовов. К первой половине — середине VI тыс. до н.э. относится появление здесь древнейших керамических комплексов. На протяжении последующих нескольких тысяч лет отмечается кардинальная смена векторов культурных влияний: с юг — север в VI тыс. до н.э. на запад — восток в начале V тыс. до н.э., когда отмечается проникновение носителей нарвской культуры из Прибалтики (Долбунова и др., 2023). В дальнейшем после временного hiatus фиксируется проникновение сообществ из степной и лесостепной зоны в конце V — IV тыс. до н.э. и формирование феномена культур свайных поселений в конце IV — III тыс. до н.э. (усвятская и жижицкая культуры). Они складываются на основе энеолитических культур лесостепной зоны и культур воронковидных кубков, испытывают влияние культуры шаровидных амфор, жуцевской культуры.

Для исследования вклада различных факторов в сложение керамических комплексов были проведены комплексные исследования. Были выполнены геохимические анализы портативным XRF-анализатором отложений скважин и древних глиняных сосудов для выявления источников сырья (всего 260 обр.), использовавшихся для изготовления сосудов. Для реконструкции рецептов формовочной массы были проведены визуальные анализы, для уточнения которых выполнены петрографические исследования комплексов раннего — позднего неолита (всего 372 обр., см.: (Kulkova et al., 2018)). Для реконструкции этапов цепочек технологических операций проведены рентгенографические исследования, изучены технологические макроследы. Для реконструкции последовательности лепки отдельных частей сосудов и форм выполнены работы по ремонту фрагментов сосудов для многослойного п. Сертея II. Далее была проведена пространственная привязка отдельных реконструированных развалов и создание точной хроностратиграфической шкалы для выявления

особенностей и скорости изменений, происходящих в керамических комплексах.

Исследование раннеолитической коллекции позволило сформулировать тезис о различных векторах проникновения новых традиций и о смене как кремневых, так и керамических традиций, что может отражать особенности формирования и распространения сообществ в раннем неолите на территории Восточной Европы. Сопоставление результатов петрографических и геохимических исследований для различных временных срезов, микрорегионов и стоянок позволило выявить изменения в традиции выбора исходного сырья, предположить важную роль этапа выбора источников сырья и создания формовочной массы, которые неизменно меняются с появлением носителей новых культурных традиций, несмотря на доступность разнообразного набора источников сырья. Очевидно и влияние палеоклиматических факторов, изменения доступности сырья, месторасположения стоянок, которые в разной степени оказывали влияние на смену использовавшихся источников сырья.

Способы лепки сосудов уникальны для различных культур, что могло быть обусловлено культурной традицией, в рамках которой существовали сосуды различного объема и форм. Результаты этих анализов совместно с изучением макроследов на реконструированных сосудах позволили описать всю цепочку технологических операций создания глиняных сосудов для отдельных хронологических горизонтов. В докладе поднимаются вопросы культурной принадлежности отдельных керамических комплексов, сравнения цепочек технологических операций сходных, но происходящих с разных памятников керамических групп.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00086) «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7–3 тыс. до н.э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)».

ЛИТЕРАТУРА

Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Мэгро Й., Филиппова В. Л. Днепр-двинское междуречье в конце 6 тыс. до н.э. и ранние керамические традиции циркумбалтийского региона // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 8–26.

Kulkova M., Mazurkevich A., Dolbunova E. Paste recipes and raw material sources for pottery-making in hunter-gatherer communities in the forest zone of Eastern Europe (Dnepr-Dvina region, 7–6th millennia BC) // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. Vol. 21. P. 962–972.

**NEOLITHIC HUNTER-GATHERERS'
CERAMIC COMPLEXES OF NORTH-WEST RUSSIA:
PASTE RECIPES, *CHAÎNES OPÉRATOIRES*
AND VESSEL FORMS**

A. N. Mazurkevich¹, E. V. Dolbunova¹, M. A. Kulkova²

¹ *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

² *Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

More than 200 Stone Age sites have been identified in the Upper Western Dvina and Dnepr basin, including seasonal and long-term settlements of hunter-gatherers-fishermen with ceramic complexes dated to the 6th–3rd millennia BC. Multidisciplinary studies were

carried out to investigate how various factors influenced the creation of ceramic complexes. The paper aims to address questions of cultural attribution of ceramic complexes, comparison of *chaînes opératoires* of similar ceramic groups, but originating from different sites.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАЛЬКА В КАЧЕСТВЕ ПРИМЕСИ В НЕОЛИТЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

А. Д. Малярова¹, М. А. Кулькова², М. А. Холкина¹, А. М. Кульков¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Керамика с примесью асбеста появилась в раннем неолите на территории Восточной Финляндии около 4700 г. до н.э. и широко распространилась в Восточной Фенноскандии и на северо-западе России в позднем неолите — энеолите (Холкина и др., 2020). В коллекциях асбестовой керамики Финляндии и Карелии упоминается некоторый процент сосудов, в которых определяется примесь талька, см., например, (Purhonen, 1973; Pesonen, 1996). На территории Карельского перешейка сосуды с примесью асбеста и талька были впервые выделены на поселении Охта 1 (Кулькова, Гусенцова, 2012). На памятнике Комсомольское 3 (Герасимов, 2015) по данным петрографического анализа М. А. Кульковой также была определена примесь талька и асбеста в нескольких сосудах. На данный момент это второй археологический памятник на Карельском перешейке, где в асбестовой керамике выявлена примесь талька.

Примесь талька характерна для керамики неолита — раннего железного века Урала и Зауралья. Эта добавка к глиняному тесту позволяет сделать формовочную массу более пластичной, препятствует сильной огневой усадке при сушке и обжиге, предотвращает растрескивание сосудов (Краева, 2010. С. 58–62). Керамика с примесью асбеста в регионе тоже известна, но лишь в редких случаях.

Для региона Восточной Фенноскандии на сегодняшний день отсутствуют отдельные исследования, посвященные использованию талька в качестве примеси к сосудам. Учитывая, что в геологических отложениях тальк ассоциирован с асбестом, возникает вопрос, является ли присутствие примеси талька в керамике результатом преднамеренного добавления этого минерала в качестве примеси или он попал в керамическую массу вместе с измельченным асбестом. Аргументом в пользу первого предположения было бы выявление сосудов с примесью талька, но не асбеста.

Обнаружить примесь талька в керамике не всегда возможно визуально, например, если он добавлен в виде очень мелкой фракции или «тальковой» пыли. В таком случае наиболее эффективным способом выявления примеси талька становятся рентгеновские методы, в том числе рентгенофазовый анализ (РФА). Поскольку керамика является многофазным материалом, такие методы позволяют точно определять включения, наблюдаемые в сосуде визуально, следовые примеси и микрочастицы глинистых минералов (идентифицировать фазы, содержание которых не превышает 3–5%), а также рассчитывать их количественное соотношение.

В то же время РФА многофазного материала осложнен разделением близко расположенных или накладываются друг на друга дифракционных максимумов для минералов со схожими параметрами кристаллической решетки, минералов, имеющих общий структурный тип или различные полиморфные модификации (особенно осложнена в определении группа полевых шпатов и т.п.). В качестве критерия достоверности результатов проведенных анализов необходимо использовать дополнительные методы изучения вещества: оптическую микроскопию или химический анализ.

Для освоения РФА в качестве метода определения примеси талька в керамике был проведен слепой тест по исследованию указанным методом образцов керамики с поселения Комсомольское 3, изученных ранее с помощью петрографического анализа. Результаты изучения одного из образцов были интерпретированы как свидетельство примеси талька в керамике, что соответствует результатам проведенного ранее петрографического анализа.

Поверенная интерпретация дифрактограммы позволяет в дальнейшем с большой степенью уверенности определять примесь талька в керамике на основании результатов РФА.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов Д. В. «Мал золотник, да дорог!»: об опорных комплексах каменного века — эпохи раннего металла юго-восточной части региона Финского залива // Хлопачёв Г. А. (ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 192–206.

Краева Л. А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике в южном Приуралье // Цетлин Ю. Б., Салугина Н. П. (ред.). Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 58–66.

Кулькова М. А., Гусенцова Т. М. Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита — раннего металла на поселе-

нии Охта 1 в Санкт-Петербурге // Васильев С. А., Шумкин В. Я. (ред.). Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 200–206.

Холкина М. А., Гусенцова Т. М., Герасимов Д. В. Перофеникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада // Энговатова А. В., Коваль В. Ю. (ред.). Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2020. С. 49–60.

Pesonen P. Early Asbestos Ware // Pithouses and Pot-makers in Eastern Finland. Helsinki, 1996. (HPIA; 9). P. 9–39.

Purhonen P. Rovaniemen Niskanperä 1. Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste 8. Helsinki: Helsingin yliopiston arkeologian laitos, 1973.

ON THE USE OF TALC AS A POTTERY TEMPER IN THE NEOLITHIC ON THE KARELIAN ISTHMUS

A. D. Malyarova¹, M. A. Kulkova², M. A. Kholkina¹, A. M. Kulkov¹

¹ Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

² Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

Asbestos Ware complexes from Finland and Karelia sometimes contain talk-tempered vessels. On the Karelian Isthmus similar vessels were identified at Okhta 1 and Komsomolskoye 3 sites (according to the petro-

graphic analysis of M. A. Kulkova). The results of XRD analysis of one of the samples are consistent with the previous petrographic research. This opens up new possibilities for interpreting the use of talc as a pottery temper on the Karelian Isthmus.

КЕРАМИКА РАННЕГО И ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ РАЗЛИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ?

В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

В настоящий момент на территории Барабинской лесостепи выделены две культуры, относимые к раннему (барабинская) и позднему (артынская) неолиту (Молодин и др., 2017; Бобров, 2008).

Барабинская культура (памятники Тартас-1, Усть-Тартас-1, Венгерovo-2, Автодром-2/2) на сегодняшний день обеспечена поселенческим комплексом с двумя котлованами каркасно-столбовых конструкций (одна — с очагом-копильней), системой довольно глубоких и крупных в диаметре ям, используемых для квашения рыбных запасов и водоплавающей дичи, имеющих еще и сакральный смысл, святилищем и 23 радиоуглеродными датами. Культура датирована в пределах VIII–VII — VI тыс. до н.э.

Керамика немногочисленна, представлена плоскодонными сосудами. Специфическими технологическими чертами изготовления глиняной посуды раннего неолита Барабы являются: техника упорядоченного лоскутного налепа; использование формовочного шнура при изготовлении верхней части сосуда; изготовление на форме-основе (?) с использованием емкостного начина и упорядоченного трехслойного лоскута; наличие валика-наплыва по периметру дна как результат формовки; разнообразие орнаментальных мотивов с отсутствием стандартной композиционной схемы.

В качестве исходного сырья использованы слабозапесоченные ожелезненные суглинки монтмориллонит-гидрослюдистого состава. Редко фиксируется использование смеси двух глин, куда, кроме названного сырья, входили хлорит-гидрослюдистые среднезапесоченные суглинки. Выявлен один рецепт формовочных масс: глина + песок + шамот + органический раствор.

Артынская культура обеспечена погребальными (памятники Венгерovo-2А, Усть-Тартас-2, Автодром-2)

(Молодин и др., 2016), поселенческими (Старый Тартас — 5, Автодром-2) комплексами (Бобров и др., 2010), радиоуглеродными и термолюминесцентными датами (Мосин, 2020; Бобров, Комарова, 2008). Культура датирована в пределах середины — второй половины V тыс. до н.э.

Особенностями керамических комплексов артынского типа являются: округло- и остродонная баночная или горшковидная форма сосудов, жгутовой и ленточный метод формовки, специфичный прием обвязывания устья сосудов шнуром, многообразие состава формовочных масс, мотивы орнамента — монотонные линейные узоры (волна, зигзаг), ямочные наколы, «взаимопроникающие» треугольные зоны, а также принципы организации композиции — заполнение декором всей поверхности сосуда, горизонтальная зональность.

Погребальная и поселенческая керамика артынской культуры различаются рецептами формовочных масс. Первая — изготовлена из слабо- или запесоченного сырья, в котором содержится слюда и бурый железняк, рецепт: глина (Г) + органика (О) + шамот (Ш). Для второй — рецепты отличаются разнообразием: Г разной степени запесоченности + Ш + О; Г + Ш + П + О; Г + органический раствор (ОР); Г + Ш + О + ОР; Г + Ш; Г + ОР (Юракова, 2013).

Гончарные традиции раннего и позднего неолита различаются как по технологии изготовления, так и по морфологическим и орнаментальным признакам. Скорее всего, данное обстоятельство связано со сменой населения в регионе в эпоху позднего неолита.

Работа выполнена в рамках проекта НИР «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (№ FWZG-2022-0006).

ЛИТЕРАТУРА

Бобров В. В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Деревянко А. П., Медведев В. Е. (отв. ред.). Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 110–113.

Бобров В. В., Комарова Я. М. Хронология неолитических комплексов поселения Автодром-2 (по данным термолюминесцентного анализа) // Татауров С. Ф. (отв. ред.). VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 82–86.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Чёрная М. П. (отв. ред.). Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 113–116.

Молодин В. И., Кобелёва Л. С., Мыльникова Л. Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 172–177.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерovo-2а (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 30–46.

Мосин В. С. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите от Дона до Иртыша: хронологический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 7. С. 139–149.

Юракова А. Ю. Орнаментальная традиция артынской поздненеолитической культуры // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55), т. 4. С. 90–95.

EARLY AND LATE NEOLITHIC CERAMICS OF BARABINSK FOREST-STEPPE: SUCCESSION OR DIFFERENT TRADITIONS?

V. I. Molodin, L. N. Mylnikova

Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

In the Barabinsk forest-steppe, two cultures have been identified and attributed to Early (Barabinskaya culture, 8–7th — 6th millennium BC) and Late (Artyn culture, mid-second half of the 5th millennium BC) Neolithic. The

Early and Late Neolithic ceramic traditions differ in morphological, technological and ornamental characteristics. Most likely, this was associated with a population change in the region during the Late Neolithic era.

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА 3

Н. Г. Недомолкина¹, М. А. Кулькова², Х. Пьецонка³

¹ Вологодский государственный музей-заповедник, Вологда, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

³ Институт доисторической археологии, Свободный университет, Берлин, Германия

Петрографический анализ керамики представляет собой широко распространенную практику. Полученные данные позволяют выявить различия составов формовочных масс керамики, способы изготовления сосудов и сопоставить их с материалами других памятников.

В бассейне Верхней Сухоны опорными памятниками являются поселения Вёкса 1 и Вёкса 3, которые образуют комплекс многослойных стоянок. Значимость этих памятников связана с четко стратифицированными археологическими слоями, последовательно отложившимися до глубины 3 м от дневной поверхности, охватывающих все периоды от раннего неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века до средневековья. В большинстве случаев культурные слои разделены стерильными намывными прослойками.

На четвертом участке поселения Вёкса 3 выявлено пять хронологически и культурно различных стратиграфических комплексов, из них четыре комплекса — с неолитической керамикой. Петрографическому исследованию было подвергнуто одиннадцать фрагментов неолитической керамики с поселения Вёкса 3 (см. рис.).

По данным петрографических исследований выделено две группы рецептур формовочной массы:

Группа 1. Отощитель — дресва

1.1. Керамика изготовлена из жирных глин смектитового состава. В качестве отощителя использовалась дресва магматических пород (сиенит) — 12%, размер обломков 1,5–2,0 мм.

Температура обжига 700–800 °С, обжиг в окислительной среде, кратковременный.

1.2. Керамика изготовлена из жирных ожелезненных глин смектитового состава, кластического материала — 2%. Отощитель: дресва магматических пород (сиенит) — 15%, размер обломков 1,0–1,5 мм. Температура обжига 650–750 °С, обжиг в восстановительной атмосфере, долговременный.

1.3. Керамика изготовлена из жирных глин смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала — 3%. Отощитель: дресва магматических пород (сиенит) —

9%, размер обломков 1,5–2,5 мм. Температура обжига 650–750 °С, обжиг в окислительной атмосфере, долговременный или кратковременный.

1.4. Керамика изготовлена из тощих глин смектитового состава, кластического материала — 20%. Отощитель: дресва магматических пород (плагиогранит, сиенит) — 15%. Температура обжига 650–750 °С, обжиг в восстановительной атмосфере, долговременный.

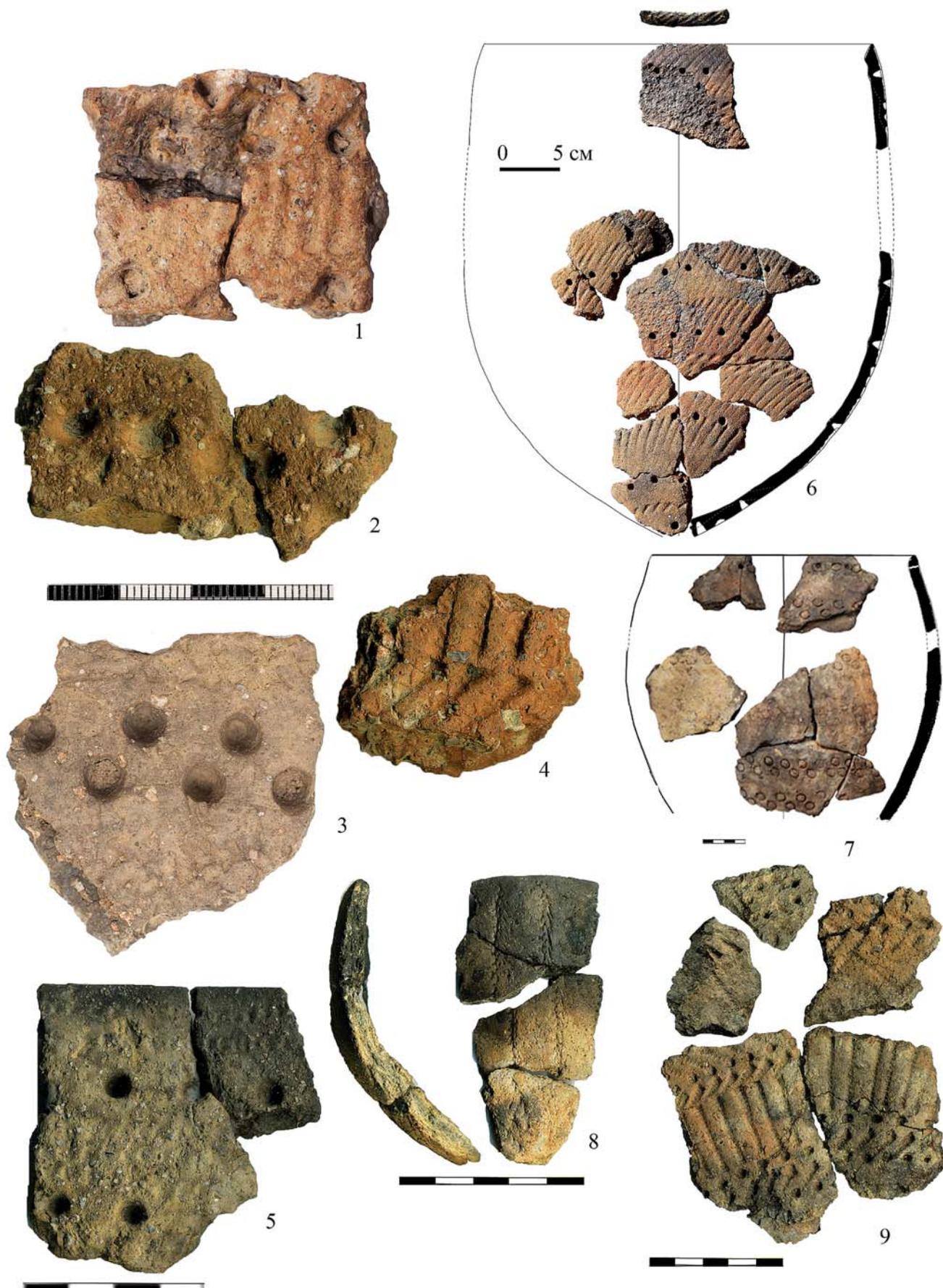
1.5. Керамика изготовлена из тощих глин смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала — 22%. Отощитель: дресва магматических пород (сиенит) — 18%, размер обломков 1,5–3,5 мм. Температура обжига 650–800 °С, обжиг в окислительной атмосфере, кратковременный.

Группа 2. Отощитель — дресва + песок

Керамика изготовлена из тощих глин смектит-гидрослюдистого или смектитового составов. Отощитель: дресва магматических пород (плагиогранит, сиенит) — 7–12%, размер обломков 1,5–2,5 мм + песок (12–15%), размер зерен 0,35–0,5 мм, состав: плагиоклаз. Температура обжига 650–750 °С, обжиг в восстановительной атмосфере, долговременный.

Можно отметить, что наиболее распространенной для керамики из этого памятника является рецептура теста, в которой использовались жирные глины смектитового или смектит-гидрослюдистого состава с применением в качестве отощителя дресвы — дробленых магматических пород среднего состава (сиенитов). Практически половина образцов изготовлена из теста, включающего тощие гидрослюдистые или смектит-гидрослюдистые составы глин с добавлением песка и/или дресвы. Обжиг окислительный, костровой при низких или средних температурах, около 800 °С. Применялся обжиг в восстановительной атмосфере, долговременный. Наличие включений органики и водной растительности в глинах приводит в результате выгорания к пористости керамики. Пористость составляет 5–15%.

Петрографический анализ образцов природной глины предстоит сделать.

Рис. Поселение Вёкса 3. Образцы неолитической керамики, по которым проведен петрографический анализ

Fig. Veksa 3 site. Samples of Neolithic pottery for petrographic analysis

PETROGRAPHIC STUDIES OF NEOLITHIC CERAMICS FROM THE VEKSA 3 SITE

N. G. Nedomolkina¹, M. A. Kulkova², H. Piezonka³

¹ *Vologda State Museum-Reserve, Vologda, Russia*

² *Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

³ *Institute for Prehistoric Archeology, Free University of Berlin, Berlin, Germany*

This paper presents some results of the petrographic analysis of pottery assemblages from the territory of the Upper Sukhona River. The most widespread paste recipe for ceramic production at this site consisted of fatty clays of smectite or smectite-hydromica origin tempered with crushed igneous rocks (syenite). Almost half of the sampled vessels were made from pastes containing

lean hydromica or smectite-hydromica clay tempered with sand and crushed rocks. The firing was mainly oxidizing, at low or medium temperatures, about 800 °C, also firing a reducing atmosphere and long-term was noted. The presence of inclusions of organic matter and aquatic vegetation in clays led to porosity (ca. 5–15%) of ceramics as a result of burnout.

ГИПС В ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ НЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Н. Ю. Петрова¹, А. Н. Бабенко¹, А. И. Якушев², Е. В. Чернобахтова^{1,3,4}

¹ *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

² *Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Москва, Россия*

³ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва*

⁴ *«Столичное археологическое бюро», Москва, Россия*

Пластичные минеральные неглинистые материалы (гипс и известняк) начали использоваться на Ближнем Востоке с начала неолита в качестве обмазки полов, стен помещений, хозяйственных ям, погребений и пр. Оба этих материала предварительно пережигали, чтобы получить порошок, из которого потом делали необходимую смесь. В результате у людей появлялись навыки строительства обжиговых устройств и регулирования режима обжига. В начале VII тыс. до н.э. гипс и известь стали использоваться для обмазки глиняных сосудов, а также появились сосуды из гипса и извести. Емкости из подобных материалов делались в различной технологии: как с помощью обмазки форм (в этом случае они не были самостоятельными изделиями, а закрывали поверхность несохранившихся изделий из органических материалов); так и при помощи налепочной технологии, аналогичной гончарной. В последних обнаруживаются различные примеси органического и неорганического происхождения (Kingery et al., 1988).

Для нашего исследования были отобраны материалы второй половины VII тыс. до н.э., найденные на поселении Ярым-тепе I (Северная Месопотамия). В слоях поселения было зафиксировано использование подобных пластичных материалов в нескольких вариантах. Первое — обмазка глиняных изделий, преимущественно сосудов-хранилищ. Второе — изготовление изделий из пластичных неглинистых материалов, в числе которых преобладают крупные сосуды, сделанные по налепочной технологии. Количественный анализ химического состава фрагментов обмазки и сосудов выполнен рентгеноспектральным флуоресцентным методом, по результатам которого установлено содержание гипса от 90 до 95 вес. % во всех образцах. В них также обнаруже-

на примесь фосфатов, составляющая от 0,5 до 1 вес. % в пересчете на апатит. На основании того, что в гончарной технологии рассматриваемого времени значительную роль играл навоз, одним из индикаторов которого могут быть фосфаты (Shahack-Gross, 2011), можно предположить его применение при изготовлении исследованных изделий. Присутствие сферулитов, формирующихся при переваривании растительной пищи (Shahack-Gross, 2011), подтверждает использование навоза в качестве примеси для придания гипсу необходимых свойств. В ходе эксперимента установлено, что сделать сосуды из смеси гипса с помощью налепочной технологии возможно только при значительной концентрации навоза (не менее 30 %). Однако отсутствие видимого растительного компонента в изучаемых сосудах позволяет предположить, что в неолитической технологии, возможно, использовали и другие компоненты, которые еще предстоит установить.

Фрагменты сосудов-хранилищ, покрытые гипсом, были проанализированы с помощью технологического и сферулитного анализов на предмет определения органической примеси в формовочной массе. Установлено присутствие крупной растительной примеси в значительной концентрации (30–50 %), в ряде случаев зафиксировано присутствие навоза.

Представленное исследование позволило получить новые данные о связи гипса и гончарной технологии в неолите Северной Месопотамии, а также задать новые вопросы, требующие дополнительных исследований для уточнения особенностей данной технологии при применении с нехарактерным для нее материалом.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 24-28-01072.

ЛИТЕРАТУРА

Kingery W.D., Vandiver P., Prickett M. The beginnings of pyrotechnology. Part II: Production and use of lime and gypsum plaster in the pre-pottery Neolithic Near East // *Journal of Field Archaeology*. 1988. Vol. 15 (2). P. 219–244.

Shahack-Gross R. Herbivorous livestock dung: formation, taphonomy, methods for identification and archaeological significance // *Journal of Archaeological Science*. 2011. Vol. 38. P. 205–218.

GYPSUM IN NEOLITHIC POTTERY TECHNOLOGY OF NORTHERN MESOPOTAMIA

N. Yu. Petrova¹, A. N. Babenko¹, A. I. Yakushev², E. V. Chernobakhtova^{1,3,4}

¹ *Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia*

² *Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry RAS, Moscow, Russia*

³ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

⁴ *“Capital Archaeological Bureau”, Moscow, Russia*

Gypsum vessels made using sticking of clay elements technology from Yarim Tepe I were studied by XRF and spherulite analysis. The results confirmed that they were made from gypsum with dung admixture in low concen-

tration evidenced by presence of phosphates and spherulites. Technological and spherulite analysis showed that fragments of clay storage vessels coated with gypsum contain large plant impurities in all cases and dung in a number of cases.

НОВЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КАЛИКИНО-2 В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ: МОРФОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Н. П. Салугина¹, Н. Л. Моргунова²

¹ Научный и образовательный центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия

² Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Особенностью погребальной обрядности населения ямной культуры Волго-Уралья является достаточно редкое помещение в могилу керамических сосудов. В приуральских погребальных памятниках керамические сосуды содержатся примерно в 20 % погребений (Моргунова, 2014. С. 46–47). Именно поэтому каждый новый случай обнаружения керамики в погребениях вызывает повышенный интерес. Так, в КМ Каликино-2, расположенном на р. Ток в Оренбургской области, керамика обнаружена в трех погребениях.

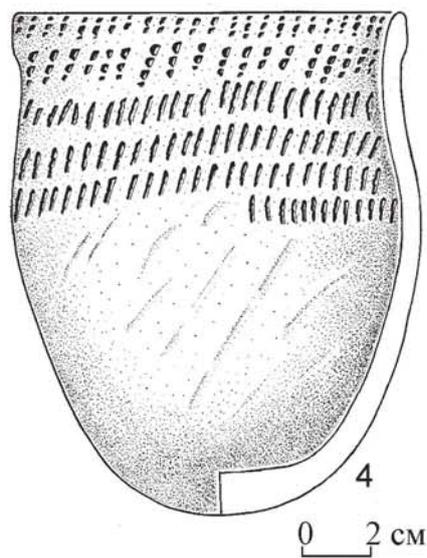
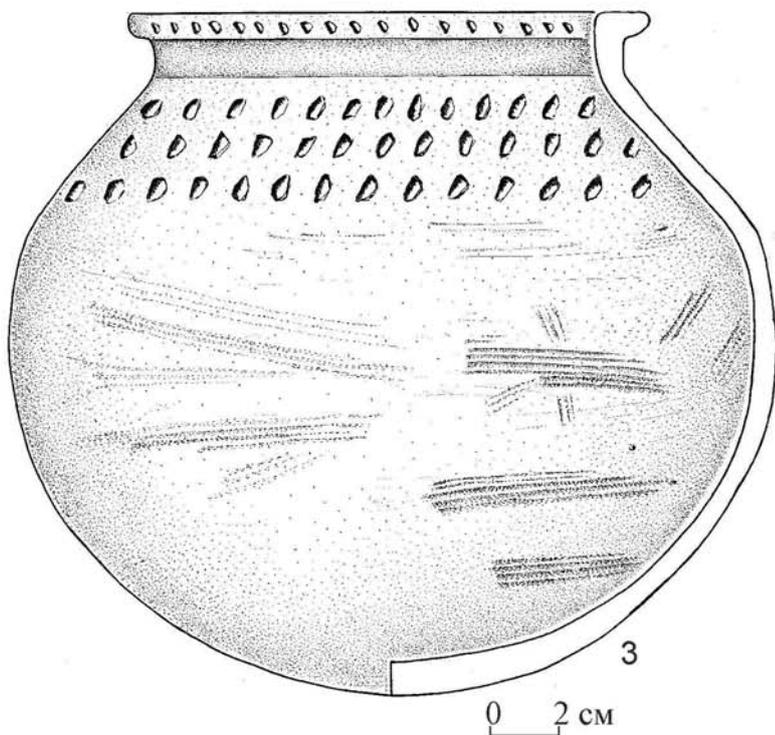
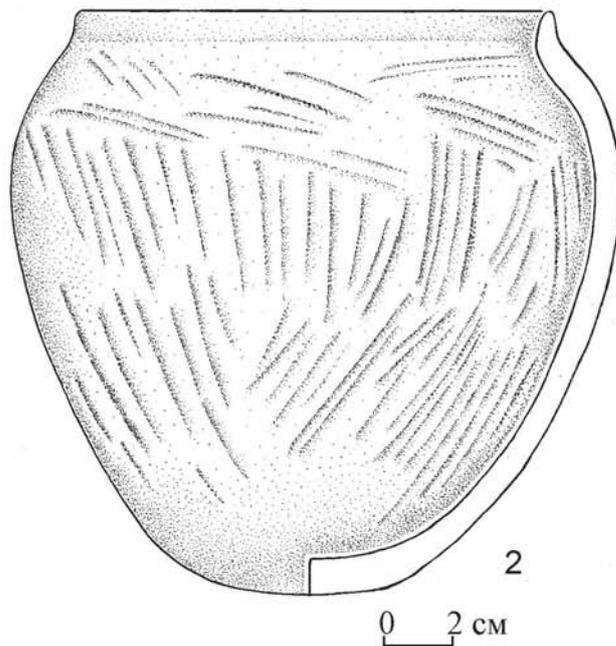
Сосуд из кургана 4 имеет оригинальную форму, напоминающую крупные сосуды-хумы (см. рис.: 3). Технология его изготовления: отбор незапесоченной ожелезненной глины, к которой добавлялись шамот и выжимка из навоза жвачных животных; применение коротких жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории; изготовление начина по емкостно-донной программе; заглаживание поверхности гребенчатым штампом. Так называемые хумовидные сосуды, различаясь деталями оформления формы и особенностями технологии изготовления, встречаются почти на всей территории распространения ямной культуры (Салугина и др., 2016). Сосуду из Каликино ближе всего сосуды с Турганикского поселения, из культурного слоя, который по радиоуглеродным датам отнесен к репинскому этапу ямной культуры (Салугина и др., 2016. С. 96), и сосуд из кургана у с. Каиры Херсонской области Украины, относящийся к репинско-рогачинскому горизонту (Рассамакин, Симоненко, 2020). Однако другие артефакты и радиоуглеродные даты каликинского

комплекса свидетельствуют об его отношении к развитому этапу ямной культуры.

Отличительной особенностью сосуда из детского погребения 1 кургана 7 является воротничковое оформление венчика, что характерно для энеолитической керамики (см. рис.: 4). Их сближает не только морфология, но и технология изготовления: отбор илистых глин с добавлением к ним дробленой нагретой раковины, изготовление начина сосуда по емкостно-донной программе, заглаживание поверхностей щепой и тканью (Васильева, 2005; Васильева, 2010). Указанные общие традиции как в приспособительных, так и еще в большей степени в субстратных навыках свидетельствуют о глубоких родственных связях населения ямной культуры с энеолитическим населением, особенно хвалынской культуры.

Сосуд из погребения 4 кургана 7 (см. рис.: 1–2). Морфологические особенности сосуда и технология его изготовления (отбор незапесоченной ожелезненной глины, добавление при составлении ФМ шамота и выжимки из навоза, конструирование сосуда в соответствии с донно-емкостной программой из лоскутов по спиралевидной траектории, заглаживание внешней поверхности гребенчатым штампом) полностью соответствуют морфологии и технологии посуды развитого этапа ямной культуры (Салугина, 2007).

Таким образом, новые материалы Каликинского могильника вписываются в общую схему развития гончарной технологии ямной культуры Волго-Уралья, начиная с позднего энеолита и завершая классическим этапом ее развития.

Рис. Керамический комплекс курганного могильника Каликино-2: 1, 2—курган 7, погребение 4 (погребение и сосуд); 3—курган 7, погребение 1; 4—курган 4

Fig. Ceramic complex of the Kalikino-2 burial mound: 1, 2—mound 7, burial 4 (burial and vessel); 3—mound 7, burial 1; 4—mound 4

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И. Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников // РА. 2005. № 3. С. 76–84.

Васильева И. Н. Технология изготовления керамики II Хвалынского могильника // Агапов С. А. (сост. и ред.). Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 180–218.

Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014.

Рассамакин Ю. Я., Симоненко А. В. Новый погребальный комплекс эпохи энеолита в Нижнем Поднепровье: к вопросу о погребениях репинско-рогачикского времени // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 215–225.

Салугина Н. П. К проблеме формирования гончарства населения среднего бронзового века Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 99–107.

Салугина Н. П., Моргунова Н. Л., Турецкий М. А. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 91–97.

NEW CERAMIC COMPLEX OF THE YAMNAYA CULTURE FROM THE KALIKINO-2 BURIAL MOUND IN THE SOUTHERN URALS: MORPHOLOGY AND POTTERY-MAKING TECHNOLOGY

N. P. Salugina¹, N. L. Morgunova²

¹ *Scientific and Educational Center for Paleoethnological Research, Moscow, Russia*

² *Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia*

The report is devoted to the analysis of Yamnaya culture pottery from the Kalikino-2 burial mound. Analysis of the pottery shape and manufacture technology allowed us to draw the following conclusions: 1. Ceramic vessels under consideration correspond to the general

scheme of development of pottery technology of the Yamnaya culture in the Volga-Ural region. 2. The results allow suggesting the input of the Eneolithic communities, especially the Khvalynsk culture, in the formation of the Yamnaya culture population.

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО У НОСИТЕЛЕЙ БЕЛОЯРСКОЙ И КАЛИНКИНСКОЙ КУЛЬТУР БАРСОВОЙ ГОРЫ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Д. В. Селин¹, Ю. П. Чемякин²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

² *Уральский государственный университет, Екатеринбург, Россия*

Самой массовой категорией находок на археологических памятниках Западной Сибири в эпоху палеометалла являются фрагменты керамической посуды. Изучение гончарной технологии позволяет выявить содержательную сторону процессов изготовления керамики и реконструировать историко-культурные процессы, происходившие в древности у отдельных групп населения в разные эпохи.

Проведен технико-технологический анализ посуды белоярской культуры с городища Барсов городок III/1 и селища Барсова Гора III/66. Установлено, что гончарные традиции носителей белоярской культуры с этих памятников схожи. Для изготовления керамики как исходное пластичное сырье применялись ожелезненные глины разной степени естественной запесоченности. На обоих памятниках доминирует несмешанный рецепт с шамотом. Искусственные добавки разнообразны и включают шамот, дресву, песок, органические растворы. Однако на селище Барсова Гора III/66 отсутствуют рецепты с песком и органическим раствором, которые были обнаружены в посуде с городища Барсов городок III/1. Помимо этого, на указанном селище был выявлен фрагмент привозного сосуда с искусственной добавкой металлургического шлака. Он отражает контакты белоярского населения Барсовой Горы с инокультурными группами, от которых мог поступать металл для производства различных изделий.

Выполнен технико-технологический анализ керамики калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2 и селища Барсова Гора III/20. Сравнение гончарных традиций с этих двух памятников показало их сходство. Оно проявляется в близких навыках отбора исходного пластичного сырья — чаще всего это слабозапесоченные ожелезненные глины. Доминирующим рецептом формовочной массы на обоих поселениях

является глина + шамот. Полое тело изготавливалось лоскутным налепом. Имеются различия в отдельных приспособительных навыках — наборе примесей, рецептах формовочных масс, вариантах комбинирования обработки поверхности. Керамика калинкинской культуры демонстрирует сходство с изделиями барсовской культуры, которое обнаруживается в использовании преимущественно слабозапесоченных ожелезненных глин и шамота как основной минеральной примеси. С посудой сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности ее также сближает применение шамота и лоскутного налепа. Однако между гончарными традициями носителей сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности и калинкинской культуры имеются важные различия, выражающиеся в доминировании в кулайском гончарстве рецептов с искусственно введенной дресвой, применении для конструирования полого тела ленточного налепа, особенностях обработки поверхности изделий.

Гончарные традиции носителей белоярской и калинкинской культур сближает распространенность несмешанного рецепта глина + шамот. При этом для производства керамики гончары калинкинской культуры чаще отбирали слабозапесоченные глины. Для посуды калинкинской культуры нехарактерно наличие рецептов с добавками дресвы и органических растворов, которые зафиксированы в посуде белоярской культуры. Для поселений калинкинской культуры несвойственно разнообразие рецептов формовочных масс, в то время как на городище белоярской культуры Барсов городок III/1 выявлено пять рецептов.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-78-01192; <https://rscf.ru/project/23-78-01192>.

POTTERY PRODUCTION IN THE *BELOYARSKAYA* AND *KALINKINSKAYA* CULTURES OF BARSOVA GORA: TECHNOLOGICAL PECULIARITIES

D. V. Selin¹, Yu. P. Chemyakin²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia*

² *Ural State University, Ekaterinburg, Russia*

The technical and technological analysis of pottery attributed to *Beloyarskaya* and *Kalinkinskaya* cultures from the settlements located on Barsova Gora has been carried out. It is revealed that the pottery traditions of these cultures are similar due to the prevalence of the paste recipe “clay + chamotte”. However, for the production of ceramics in *Kalinkinskaya* culture poorly sanded

clays were more often selected. Crushed rocks and organic solutions used as temper for ceramic manufacture of *Beloyarskaya* culture were never recorded in *Kalinkinskaya* culture. The ceramic production of the *Kalinkinskaya* culture were not characterized by a variety of paste recipes, while up to five paste recipes were used for pottery production of *Beloyarskaya* culture.

ПОСУДА ЦЕДМАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНОК ЦЕДМАР А И ЦЕДМАР Д)

Е. С. Ткач¹, М. А. Кулькова²

¹ *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия*

² *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

Возникновение и распространение керамической посуды в Юго-Восточной Прибалтике (а вместе с тем и наступление неолита, согласно советской и российской периодизации) связано с памятниками цедмарской культуры. Топонимные памятники — Цедмар А и Цедмар Д — впервые были выявлены и исследованы в начале XX в. на территории Восточной Пруссии (современная Калининградская область) К. Штади (1905–1914 гг.). К сожалению, археологический материал, полученный в ходе этих работ, плохо задокументирован и сейчас коллекция утеряна. Возобновление исследований на стоянках связано с работами В. И. Тимофеева в 1969, 1974–1978, 1987–1988 гг. Им были идентифицированы оба памятника, на которых проведены планомерные стационарные работы. Сами стоянки расположены в пределах заторфованной низины между отрогами моренной возвышенности. В пределах низины отмечены островные повышения (суходолы), сложенные моренным материалом. Стоянка Цедмар А была связана с прибрежной частью острова-«суходола», находящегося в северной части водоема, а стоянка Цедмар Д — с северным берегом водоема. Памятники разделяет расстояние около 200 м.

Радиоуглеродные даты, полученные В. И. Тимофеевым по различным образцам, позволили исследователю отнести время существования стоянки Цедмар А к периоду 5300–4900 л.т.н., а стоянки Цедмар Д — 5200–4800 л.т.н. (Тимофеев, 1996). В то же время автором отмечается устойчивость в приготовлении формовочного теста посуды обеих стоянок — добавление как минеральной (дресва, песок), так и органической (растительность, раковина) примесей. Органическая примесь использовалась для изготовления 2/3 сосудов на стоянке Цедмар А и 1/3 от всей коллекции керамической посуды цедмарской культуры стоянки Цедмар Д.

Для более детального исследования нами были отобраны для проведения петрографического анализа 53 образца от посуды цедмарской культуры: 21 образец от сосудов со стоянки Цедмар А и 32 образца от сосудов со стоянки Цедмар Д.

Исследования керамических фрагментов проводились в пришлифованных образцах с использованием

бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica с увеличением в 65,7 раз.

По результатам анализа на основании отличий в используемом исходном сырье удалось выделить десять групп.

Только для посуды со стоянки Цедмар Д характерны сосуды, изготовленные из: 1) глины гидрослюдистого (3 обр.). В качестве примесей использованы дресва (2 обр.) или дресва в сочетании с песком (1 обр.); 2) глины гидрослюдисто-каолинистового состава. В качестве примеси — дресва (4 обр.); 3) глины смектит-карбонатного состава. Примесь: дресва — 3 обр., дробленая раковина — 8 обр.

Для стоянки Цедмар А исключительными являются сосуды, для формовки которых использованы: 1) глины каолинистового состава. В качестве искусственной примеси добавлена измельченная наземная растительность (1 обр.); 2) глины смектит-каолинистового состава. Примесь — дресва (2 обр.).

Глины идентичного состава, представленные в сосудах на обеих стоянках, разделяются на пять групп. Наиболее многочисленная (10 обр., по пять на каждый из памятников) представлена глинами гидрослюдисто-смектитового состава. В качестве примесей использованы измельченная наземная растительность (6 обр.), реже в сочетании с раковиной (2 обр.). Дресва в сочетании с раковиной (1 обр.) или в сочетании с измельченной растительностью (1 обр.) выявлена только среди материалов стоянки Цедмар А.

В глины смектит-хлоритового состава (3 обр. на Цедмар Д, 4 обр. на Цедмар А) при замешивании теста добавлялись в основном органические примеси (дробленая раковина, измельченная наземная растительность, измельченная наземная растительность в сочетании с дробленой раковиной). Только в одном случае (Цедмар Д) в качестве примесей использована дресва.

Использование глин смектит-гидрослюдистого состава отмечено в шести образцах. Только органическая примесь (дробленая раковина + измельченная

растительность) зафиксирована в одном образце среди материалов Цедмар А. Единичными экземплярами представлены дресва в сочетании с песком (Цедмар А), дресва в сочетании с раковинной (Цедмар А). Примесь только дресвы зафиксирована в трех образцах.

Лишь минеральная примесь (дресва (4 обр.) и дресва в сочетании с песком (Цедмар Д, 1 обр.)) зафиксированы при использовании глин смектитового состава.

Наконец, глины хлоритового состава использованы при изготовлении посуды с минеральной примесью (дресва, 2 обр.) в материалах стоянки Цедмар Д и при изготовлении сосудов с органической примесью (2 обр., измельченная наземная растительность в сочетании с раковинной) в материалах стоянки Цедмар А.

На основании полученных данных удалось выделить однокомпонентные простые рецептуры — примесь дресвы, растительности, раковины, а также многокомпонентные сложные — примеси растительности и раковины, дресвы в сочетании с песком. Отдельно выделяются рецептуры, в которых встречаются как мине-

ральная (дресва), так и органическая (растительность, раковина) примеси.

Можно предварительно заключить, что в 32 образцах от посуды с обоих памятников использованы идентичные глины, т.е., вероятно, источник сырья для изготовления сосудов должен был находиться неподалеку и быть известен обитателям обеих стоянок. Эти данные могут косвенно свидетельствовать о возможной синхронности существования обеих стоянок. Наличие сосудов, в формовочном тесте которых встречаются как минеральная, так и органическая примеси (Цедмар А), может быть, в том числе, хронологическим маркером, однако для подтверждения данного вывода необходимо проведение дальнейших исследований по датированию материалов.

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ № 23-78-01172 «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области».

ЛИТЕРАТУРА

Тимофеев В. И. Памятники типа Цедмар // Ошибки-на С. В. (отв. ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 162–166.

ZEDMAR CULTURE VESSELS: RESULTS OF THE PETROGRAPHIC ANALYSES (ZEDMAR A AND ZEDMAR D SITES)

E. S. Tkach¹, M. A. Kulkova²

¹ *Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia*

² *Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

The article presents the results of petrographic analysis of 53 samples of Zedmar culture (Zedmar A and Zedmar D sites) from the Kaliningrad region. As a result, it was possible to identify clays typical of only Zedmar A or Zedmar D site, as well as clays used by the inhabitants of both

sites. It can be assumed that the source of raw materials for the production of vessels might have been located near the settlements and was known to the inhabitants of both sites. This can indirectly testify to the possible coexistence of both settlements, which is also indicated by radiocarbon dates.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ КОШКИНО V (РАСКОПКИ 2022 г.)

Е. С. Яковлева, Е. В. Гладышева

Центр историко-культурных исследований «Астра», Челябинск, Россия

Работами 2022 г. в Курганской области раскопом и двумя шурфами общей площадью 67 м² на стоянке Кошкино V был исследован объект, представляющий собой кольцевой ровик с углисто-золистым заполнением и интерпретированный как культовый объект, и получен малочисленный, но крайне своеобразный материал. Надо отметить, что хронологически коллекция неоднородна: верхние напластования памятника связаны с артефактами раннего железного века или средневековья (керамика крайне фрагментирована и затруднительна для точной атрибуции). Каменный инвентарь крайне скуден и представлен в совокупности 11 предметами, включающими сколы с нуклеуса, сечения пластин и отщепы. Неолитическая же керамика, к которой можно отнести остатки около 23 сосудов — фактически не реконструируемых по форме, включая отдельные стенки с орнаментами, венчики и донца (плоские), — крайне разнородна. Для наиболее характерных фрагментов в количестве семи образцов был проведен технико-технологический анализ.

С определенной условностью типологически ее можно разделить на три группы:

1) «веревочная», с орнаментом из узких косых наколов, похожих на веревочные оттиски, отличные от энеолитического ложношнурового. Сочетается с некрупными ямочными вдавлениями и оттисками широкого гребенчатого штампа. По отдельным профилированным фрагментам можно предполагать горшечную или горшечно-баночную форму и наличие плоских донцев (12 условных сосудов и отдельных фрагментов, включая пять донцев). Проанализированы пять образцов, для которых фиксируются весьма различные рецепты: использование как ила и илистой глины (преобла-

дает), так и собственно глины; исходное сырье сильно-запесоченное, содержит в большом количестве примесь пылевидного песка, есть включения бурого железняка, в отдельных случаях также и талька, в качестве искусственной примеси введены шамот (2 обр.), шамот с охрой (2 обр.) и органический раствор (1 обр.). Для данной группы керамики сложно найти четкие параллели и аналоги, в лесостепном Притоболье она встречена впервые.

2) гребенчатая, соотносимая с полуденским типом, — фрагменты, орнаментированные оттисками узкого гребенчатого штампа — в виде горизонтальных линий и сетки (остатки трех сосудов). Проанализированный фрагмент изготовлен из илистой глины с высоким содержанием песка (естественная примесь) с включениями талька и примесью шамота;

3) прочерченная — разнородная группа, включающая четыре кошкинских фрагмента, три сопоставимых с козловскими и один предположительно боборыкинский (из-за фрагментации и отсутствия внятного орнамента нельзя исключить его более поздней хронологической позиции). Проанализированный кошкинский фрагмент изготовлен из сильнозапесоченной илистой глины с включениями бурого железняка и талька (естественная примесь), в качестве примеси использован шамот.

По результатам датирования по керамике и грунту объект и связанные с ним материалы можно считать единовременным позднеэнеолитическим комплексом, что, на первый взгляд, усложняет картину с разнородной керамикой. С другой стороны, именно культовый характер объекта можно считать закономерной причиной такой культурной сложности.

THE CERAMIC COMPLEX OF THE KOSHKINO V SITE (EXCAVATIONS IN 2022)

E. S. Yakovleva, E. V. Gladysheva

Center for Historical and Cultural Studies "Astra", Chelyabinsk, Russia

---

The paper presents the materials of research on the site Koshkino V in 2022. One of the discovered objects, interpreted as a cult object, appeared to be associated with Late Neolithic ceramics. The paper presents the results of typological and technical and

technological analysis of the ceramic complex, which allow us to talk about its heterogeneity, manifested not only in typology, but also in differences in the selection of raw materials, and the process of making molding compositions.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ НЕОЛИТ-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

А. Ю. Юракова

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

Культурно-хронологические построения относительно развития неолитических коллективов Среднего и южных районов Нижнего Притомья осложнены дефицитом источников и во многом адаптируют концепции, сформированные начиная с 1950-х гг. для Верхнего Приобья. Данные технико-технологического анализа керамики позволяют даже на немногочисленном материале наметить векторы поиска культурных традиций, представленных в археологических комплексах. Исследование опирается на материалы неолит-энеолитических комплексов с поселенческих памятников Долгая-1 (Марочкин, Юракова, 2014), Писаная-4 (Марочкин и др., 2021), Новороманово-2. Памятники приурочены к участку правого берега р. Томь, ассоциированному с концентрацией петроглифических комплексов.

Анализ состава формовочных масс керамики позволил выявить рецепты с шамотом, с дробленой породой, а также смешанные рецепты (с шамотом и дробленой породой). Эти рецептуры были выявлены для комплексов, ранее датированных как периодом раннего неолита (изылинский тип), так и поздним неолитом — энеолитом (Марочкин, Юракова, 2014). Является ли это отражением длительного взаимодействия «северных» коллективов Нижнего Притомья и населения среднего течения р. Томи, что предполагается

и по данным погребальных комплексов (Марочкин, 2014), или свидетельствует о несовершенстве морфологической группировки и атрибуции имеющихся материалов? Кроме того, охарактеризована традиция, представленная накольчатой посудой с примесью шерсти в формовочной массе, аналогии которой имеются в неолите Барнаульского Приобья и северного Казахстана.

Результаты технико-технологического анализа показывают актуальность проведения аналогичной работы с материалами памятников, ставшими эпонимными для керамических типов неолита — энеолита Верхнего Приобья и Притомья. Учитывая малочисленность известных в южных районах Нижнего Притомья неолит-энеолитических материалов, а также разнообразие морфологических и прежде всего орнаментальных признаков, ревизия материалов Нижнего Притомья, Новосибирского и Барнаульского Приобья может помочь в построении культурно-хронологической последовательности комплексов.

Исследование выполнено в рамках Госзадания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

ЛИТЕРАТУРА

Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014.

Марочкин А. Г., Сизев А. С., Юракова А. Ю., Гаврилов Д. А., Хайрулина К. Д. Стратиграфия поселения Писаная-4 в окрестностях Томской писаницы //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. XVII. С. 511–519.

Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Материалы неолита — энеолита стоянки Долгая 1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 189–201.

TECHNOLOGICAL TRADITIONS OF NEOLITHIC-ENEOLITHIC POTTERY IN THE SOUTH OF THE LOWER TOM RIVER

A. Yu. Yurakova

Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry of the Siberian Branch RAS, Kemerovo, Russia

---

The paper presents the results of technical and technological study of the pottery morphologically attributed to the assemblages of Izyly, Kiprino-Irbano-Novo-Kuskovo, Igrekovskiy and Bolshoy Mys types. It

discusses traditions in raw materials procurement and paste recipes particular to the pottery of Neolithic — Eneolithic groups inhabited the southern areas of the Lower Tom River.

**ОРНАМЕНТАЦИЯ ПОСУДЫ:
ТЕХНИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

**POTTERY ORNAMENTATION:
TECHNIQUE AND INTERPRETATION**

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ПОСУДЫ, ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ НАКОЛАМИ, ИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, ПРИКАМЬЯ И НЕКОТОРЫХ СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

К. М. Андреев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Проблема интерпретации и определения культурной принадлежности неолитических керамических комплексов заявленных в названии статьи регионов имеет длительную историю рассмотрения и является весьма актуальной по сей день. Внимание на данные вопросы обращали А. Х. Халиков, О. Н. Бадер, В. П. Третьяков, Р. С. Габяшев, В. В. Никитин, Н. Л. Моргунова, И. Б. Васильев, А. А. Выборнов, Т. М. Гусенцова, В. В. Ставицкий, А. В. Вискалин, Е. Л. Лычагина и многие другие исследователи. Неолитическую посуду, орнаментированную наколами, с территории Среднего Поволжья, Прикамья и некоторых сопредельных регионов в разное время исследователи относили к волго-камской, средневожской, волго-уральской и дубовско-отарской культурам. Определялись зачастую диаметрально противоположные векторы связей данных комплексов, одни и те же памятники относились к разным культурам или, напротив, объединялись. Данное обстоятельство в значительной степени размывает конкретное содержание выделенных и принятых в историографии культурных дефиниций.

Определенным триггером подготовки данного доклада стал выход первого тома большого академического издания «Археология Волго-Уралья», посвященного каменному веку. В главе 4 третьей части издания предлагается обобщение материалов стоянок Среднего Поволжья, Прикамья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречья в рамках волго-камской культуры (Археология..., 2021. С. 261–278). Данный подход нам представляется не совсем верным, не отвечает современному состоянию изученности вопроса и делает насущной необходимость скрупулезного анализа накольчатых комплексов обширного региона. Выявление общего и частного, а также применение статистического подхода к массовому материалу, каковым является керамика, позволит приблизиться к пониманию вопроса о культурной принадлежности памятников.

Автором работы была проведена типологическая систематизация материалов большинства опорных стоянок раннего и развитого неолита указанных регионов.

На базе статистического анализа и формально-классификационного подхода, а также применения метода главных компонент представлена возможность их разграничения, обозначены контактные зоны. Типологический и морфологический анализ посуды позволяет сделать однозначный вывод о существенных различиях лесных и лесостепных комплексов. Это проявляется как в используемых примесях в тесте, толщине фрагментов, технологии их обработки, так и в традициях оформления верхней части сосудов и придонных частей, а самое главное в элементах, узорах и мотивах орнамента. В частности, для лесных памятников характерно большее распространение традиции использования шмота, относительная тонкостенность фрагментов, преимущественное лощение внешней поверхности. Также на них широко представлена керамика с венчиками, имеющими плоский срез, под которым нанесены проколы, и практически не встречается ямочно-жемчужный пояс, являющийся отличительной чертой лесостепных стоянок. Придонные части сосудов лесных стоянок богато и разнообразно украшены. Наблюдения за элементами орнамента демонстрируют мозаичность традиций в отдельных регионах рассматриваемой нами области с точки зрения как форм, так и технологии нанесения. Узоры и мотивы орнамента также свидетельствуют о различиях лесостепного и лесного населения — у последних, например, широкое распространение получили ряды коротких диагональных линий, образованных наколами, почти отсутствующие на юге.

Проведенный формально-классификационный анализ, подсчитанный индекс родственности, а также метод главных компонент свидетельствуют о необходимости разделения лесных и лесостепных комплексов на две культурные группы. При этом южная является достаточно монолитной, в то время как в северной допустимо и обосновано выделение локальных вариантов — Марийского, Камско-Вятского, Нижнекамского и Верхнекамского.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-78-10088.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Волго-Уралья: в 7 т. // Галимова М. Ш.
(отв. ред.). Каменный век. Т. 1. Казань: Изд-во АН РТ,
2021.

THE PROBLEM OF CULTURAL ATTRIBUTION OF CERAMIC COMPLEXES DECORATED WITH IMPRINTS OF THE MIDDLE VOLGA REGION, THE KAMA REGION AND SOME ADJACENT REGIONS

K. M. Andreev

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

---

The report analyzes ceramic complexes decorated with triangular impressions of the Middle Volga, the Kama basin and some adjacent regions. Based on statistical analysis (e.g. PCA) and a formal classification approach, different groups, as well as possible contact zones were distin-

guished. Typological and morphological analysis of the vessels allowed us to draw an unambiguous conclusion about the significant differences between forest and forest-steppe complexes and the impossibility of combining them within one culture.

КРУГОВЫЕ РАЗВЕРТКИ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ОРНАМЕНТА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Т. А. Васильева

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Орнаментация керамики является одним из важнейших культурно-хронологических маркеров. По особенностям декорирования поверхности сосудов глиняная посуда идентифицируется с археологическими культурами.

На территории Карелии особый интерес представляет неолитическая керамика с ямочно-гребенчатой системой орнаментации. Она датируется средним неолитом, в переходный период от позднего неолита к раннему энеолиту преобладает керамика с ромбоямочным орнаментом.

В 1960-х гг. при изучении керамических коллекций поселений Вигайнаволок I, Илекса IV, Сандермоха I, Пегрема I, VII при восстановлении примерно 100 сосудов А. П. Журавлёв на примере ямочно-гребенчатой и отчасти ромбоямочной керамики предложил оригинальный способ изучения орнамента с помощью круговых разверток (Журавлёв, 1966. С. 219–226; Журавлёв, 1991. С. 162–166).

Орнаментация как область художественной культуры рассматривалась автором с точки зрения ее связи с астральными культурами. По мнению исследователя, «узоры на сосудах отражают племенные и этнические особенности и взаимоотношения» (Журавлёв, 1966. С. 220).

Для изучения орнаментов на керамике с использованием метода круговых разверток необходимо наличие достаточного количества фрагментов, позволяющих реставрировать сосуд. После он устанавливается на венчик и узор «считывается», фотографируется, графически воспроизводится. Орнамент среза венчика прилагается сбоку от развертки, как и профиль сосуда. Круговая развертка применима только на целых сосудах.

При анализе полученных материалов исследователем выделено значительное разнообразие орнаментальных композиций.

Это и узоры в виде солнца с расходящимися косыми лучами, и звезды, образованные чередованием гребенчатого штампа и округлых ямок, и шестиугольная звезда, по углам которой нанесены ромбы из круглых ямок, и пр. Схемы узоров отличается определенная ритмичность и нарядность. А. П. Журавлёв полагал, что во многих представленных случаях орнаментация сосудов могла быть связана с солярными и лунарными культурами. Данная точка зрения имеет право на существование, и находит подтверждение/отражение в том числе в наскальном искусстве Карелии.

В фондах сектора археологии хранятся круговые развертки, сделанные А. П. Журавлёвым в 1960-х гг. (см. рис.). Материалы не опубликованы. Задачи данной работы заключаются во введении этих круговых разверток в научный оборот, апробировании данной методики на ранее не использованных материалах целых сосудов с неолитических памятников на территории Карелии, сравнительно-типологическом анализе по элементам, узорам и композициям, выявлении особенностей орнаментации в среде носителей традиций с ямочно-гребенчатой керамикой.

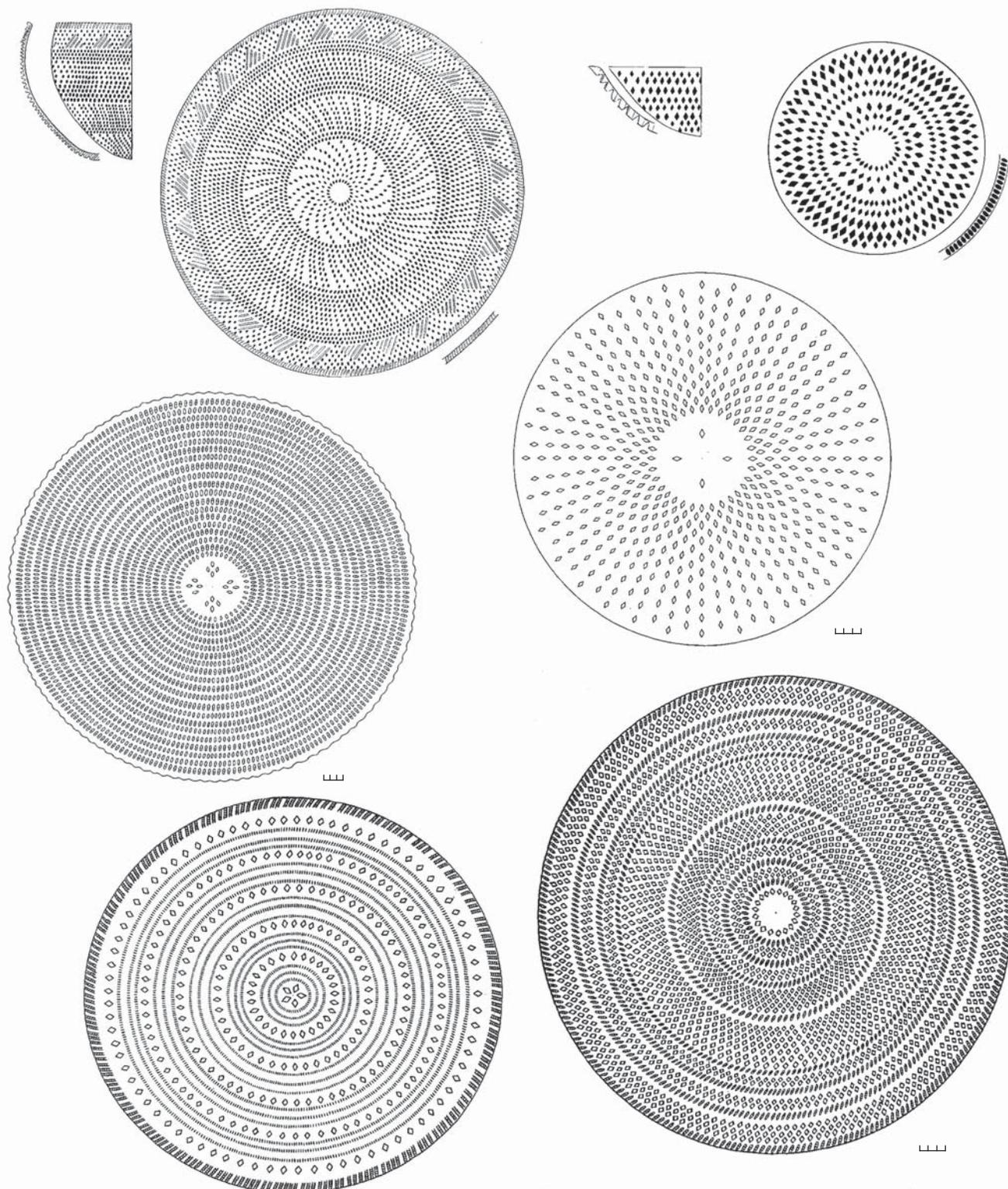
Общие орнаментальные композиции прослеживаются в керамике на протяжении длительного периода: от среднего неолита до переходного этапа от позднего неолита к раннему энеолиту. По мнению исследователя, энеолитическая ромбоямочная и неолитическая ямочно-гребенчатая керамика принадлежат одному «хронологическому пласту», но ромбоямочная относится к более позднему периоду (Журавлёв, 1991. С. 90–92).

Изучение орнамента и его символики с использованием этого метода представляется перспективным не только для исследования особенностей орнаментации керамики различных периодов эпохи неолита, но и для выявления культурной преемственности населения — носителей этих традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлёв А.П. К изучению орнамента на ямочно-гребенчатой керамике Карелии // Панкрушев Г.А. (отв. ред.). Новые памятники истории древней Карелии. М.–Л.: Наука, 1966. С. 219–226.

Журавлёв А.П. Пегрема. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1991.

Рис. Круговые развертки неолитической керамики (А. П. Журавлёв, 1960-е гг.)

Fig. Flat projections of ornaments on Neolithic pottery (made by A. P. Zhuravlev in 1960s)

CIRCULAR SCANS AS A METHOD OF STUDYING THE ORNAMENTATION OF NEOLITHIC CERAMICS IN KARELIA

T. A. Vasilyeva

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS, Petrozavodsk, Russia

---

The paper describes the method of a pattern flat projection in studying of Neolithic pottery ornamentation in Karelia. This method was proposed and developed by A. P. Zhuravlev in the 1960s. The method is applicable to study ornamentation on whole or almost complete vessels. Flat projection is a model of an ornamental composition on

the surface of a vessel. The studied compositions are different. A. P. Zhuravlev related some of them to astral cults. This method allows us to identify and trace the features of cultural traditions, which are characteristic for the population of different chronological stages of the Neolithic on the territory of Karelia.

ИЗУЧЕНИЕ СИММЕТРИИ ПРИ СТРУКТУРНОМ АНАЛИЗЕ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Е. Н. Дубовцева

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Одной из актуальных исследовательских задач в неолитоведении Западной Сибири является изучение генезиса орнаментальных традиций на керамике и их сравнение с традициями соседних территорий.

С раннего неолита (вторая половина VII — первая половина VI тыс. до н.э.) сосуществовали две основные традиции — прочерченно-накольчатая и гребенчатая. Для них характерно использование близких элементов и мотивов, но разных инструментов и способов орнаментации. Смещение этих традиций фиксируется в VI–V тыс. до н.э. для большинства керамических комплексов (Дубовцева, 2021. С. 14). Техничко-технологический анализ орнамента неинформативен для решения поставленной задачи. Его необходимо дополнять структурным, стилистическим и семантическим анализом.

В работе С. В. Иванова, посвященной традиционному декору коренных народов Сибири, для описания и анализа орнамента предложено использовать методы изучения симметрии (Иванов, 1963. С. 36–42). «Отдельные народы или их родственные группы в процессе исторического развития разработали свои, особые, четко выраженные виды симметрии, неизвестные или малоизвестные другим народам. Это обстоятельство заставляет обращать на симметрию особое внимание и изучать ее так же пристально, как и другие стороны орнамента» (Иванов, 1963. С. 36). С точки зрения симметрии орнаменты можно разделить на три категории — розетка, бордюр, сетка. Для каждой из этих категорий существует несколько видов симметрических преобразований. Подробное описание категорий и видов симметрических преобразований представлено в книге А. В. Шубникова (Шубников, 1940).

Для исследуемой посуды характерна организация мотивов в бордюры (пояса, ленты, зоны). Преоблада-

ет горизонтальная зональность композиции, когда параллельные венчику пояса опускаются до самого дна ($a': m$). Большинство бордюров строятся путем простого переноса элемента или мотива вдоль оси переноса (a). Эти виды симметрии используются в орнаментации всех неолитических памятников таежной зоны. Кроме этого, используются еще два вида симметрии бордюров — am и $a:2m$. Первый характерен для гребенчатой и смешанной традиции и представлен углами, вертикальными елочками и т.п. (еттовский тип, сумпаньинский тип). Второй встречается в единичных случаях на сосудах быстринской культуры и поздненеолитической гребенчатой керамике в виде рядов ромбов. Построение орнамента в виде сетки с различной формой узлов (чаще ромбической) характерно для накольчато-прочерченной посуды раннего неолита (мулымьинской, каюковской, шоушминской). В последующие периоды эпизодически используются сетки с квадратной или прямоугольной системой узлов. Они применяются при построении паркетных и шахматных узоров. Розетки используются только для декорирования днищ сосудов и в очень редких случаях.

Проведенный анализ показал близость способов построения композиций внутри ранее выделенных орнаментальных традиций. Между ними наблюдаются различия в выборе категории и видов симметрических преобразований. На следующем этапе работы необходимо сравнить выявленные способы построения орнаментальных композиций на керамике таежной зоны с керамикой лесостепных и степных районов Западной Сибири, а также с орнаментами на посуде Зауралья, Приуралья и других более отдаленных территорий. Возможно, такая методика позволит найти истоки западносибирского неолитического гончарства или убедиться в его автохтонном происхождении.

ЛИТЕРАТУРА

Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.).

Народы Севера и Дальнего Востока. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Шубников А. В. Симметрия (законы симметрии и их применение в науке и прикладном искусстве). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

APPLICATION OF STUDY OF SYMMETRY TO STRUCTURAL ANALYSIS OF NEOLITHIC CERAMICS IN THE WESTERN SIBERIA TAIGA ZONE

E. N. Dubovtseva

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia

---

Studying of the genesis of ornamental traditions on ancient ceramics in the Western Siberia is an actual research task. Two ornamental traditions coexisted there in the beginning of the 6th millennium BC — stroked and pricked ornamentation, and combed ornamentation. The report proposes to study ornamental motifs and com-

positions from the point of view of symmetry. Ornamental motifs on the studied pottery were mainly arranged in horizontal zones (belts). They could also be arranged in grids; and rosettes were rarely used. It is necessary to compare the obtained results with the data from neighboring territories.

О ПРИЧИНАХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПЛОСКОСТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ РУБЕЖА ЭНЕОЛИТА — ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

А. М. Жульников

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Сосуды с зооморфными и антропоморфными плоскостными изображениями являются сравнительно немногочисленной категорией находок на древних поселениях Восточной Европы и Зауралья. Однако вряд ли можно сомневаться в их значимости не только для реконструкции мировоззрения первобытных людей, но и для изучения процессов межкультурного взаимодействия.

В лесной полосе Восточной Европы орнитоморфные и антропоморфные изображения на керамической посуде получают наибольшее распространение в конце неолита — начале энеолита (Гурина, 1972; Жульников, Кашина, 2010). В настоящее время на территории Финляндии, Белоруссии, юго-восточной части Прибалтики и северных регионов европейской части России найдено около 60 неолитических и энеолитических сосудов с орнитоморфными изображениями и не менее десяти сосудов с антропоморфными фигурами. Для этого времени могут быть выделены локальные традиции в орнитоморфных композициях, связанные с различными типами керамической посуды (например, ромбоямочной, типичной гребенчатой, ямочно-гребенчатой).

В позднем энеолите между изображениями, найденными на значительном удалении друг от друга, наблюдаются существенные различия как по форме фигур птиц, так и их композиционному размещению на тулове сосуда. Исходя из этих данных, вполне очевидно, что к финалу энеолита традиция изображения птиц на керамике вошла в стадию угасания. На поздневоловской и чирковской керамике Верхнего и Среднего Поволжья появляются изображения рыбы (Крайнов, 1991. Рис. 6) и змеи, которые, как правило, размещены на внутренней части сосуда. Распространение новых образов, связанных с «нижним» миром, свидетельству-

ет о существенных изменениях в мировоззрении древних жителей лесной полосы Восточной Европы в финале энеолита, что, скорее всего, связано с влиянием культур лесостепного населения с производящей экономикой.

В эпоху бронзы в восточной части бассейна Балтийского моря, в Верхневолжье и Посухонье (см. рис.) изредка встречаются сосуды, украшенные горизонтальными рядами в виде зигзага, напоминающего стилизованные изображения водоплавающих птиц. По мнению ряда исследователей, существует преемственность между изображениями птиц на нео-энеолитической керамике (многие из которых имеют довольно реалистичный облик) и схематичными фигурами на сетчатой посуде в виде латинской буквы Z, напоминающими стилизованное изображение водоплавающей птицы (Ошибкина, 1980). Судя по имеющимся данным, появление орнитоморфных фигур в виде зигзага на сетчатой керамике Восточной Европы связано с влиянием поздняяковской культуры, родственной ряду лесостепных культур Евразии, для керамики которых обычен мотив в виде латинской буквы Z. Хотя редуцированный орнитоморфный мотив традиционен для современного финно-угорского населения Евразии, следует признать, что для эпохи бронзы появление данного узора на керамике в лесной полосе Европы произошло под воздействием населения круга степных и лесостепных культур или общностей Евразии (поздняяковской, срубной, андроновской). Редуцированный орнитоморфный мотив в виде зигзага был характерен только для наиболее ранней сетчатой керамики на части ареала ее распространения, что свидетельствует о быстром затухании данной традиции в восточной части бассейна Балтийского моря и южной части бассейна Белого моря.

ЛИТЕРАТУРА

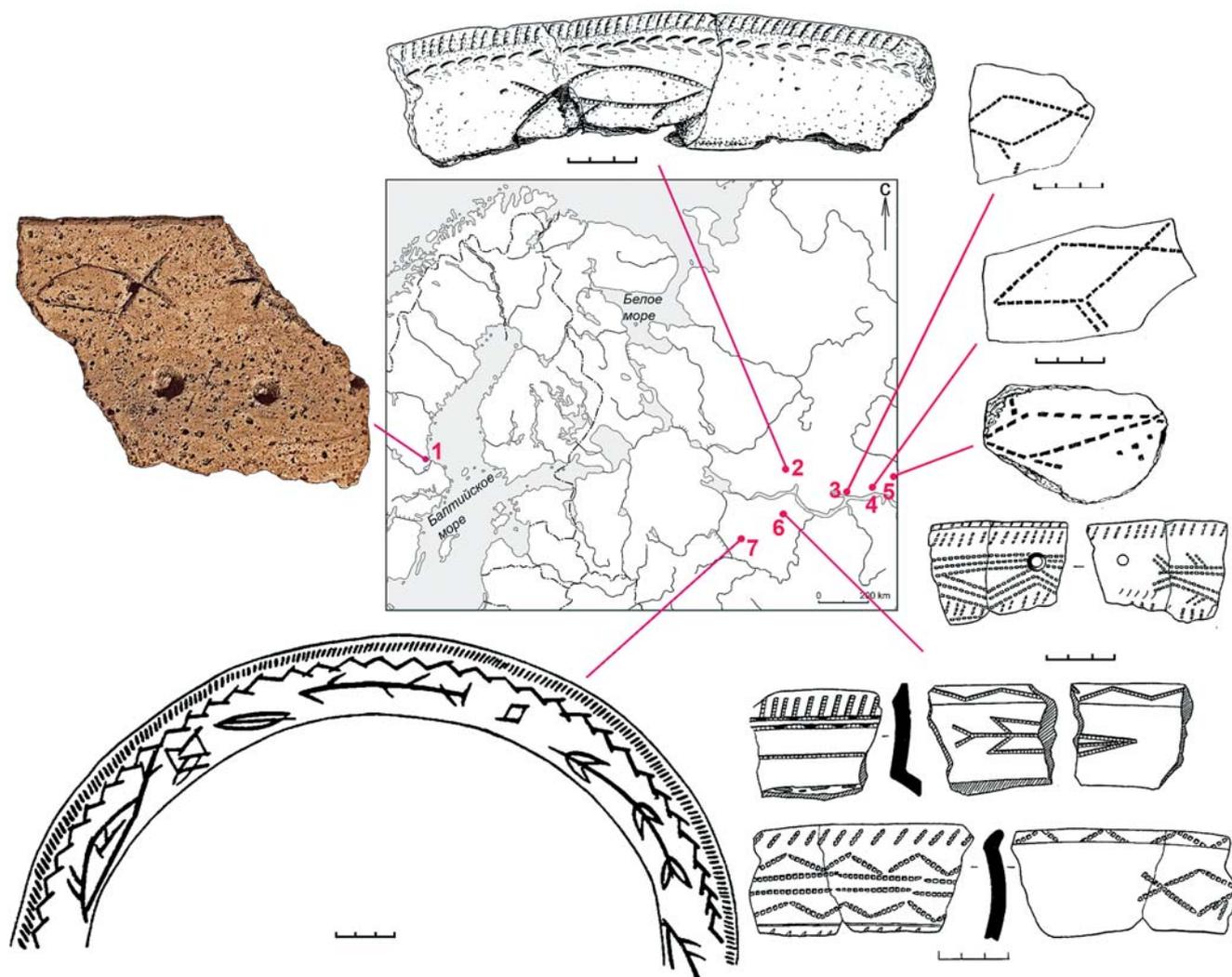
Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. 1972. № 131. С. 36–45.

Жульников А.М., Кашина Е.А. Образ птицы в искусстве неолита — энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.

Крайнов Д.А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Гурина Н.Н. (ред.). Рыболовство

и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 129–152.

Ошибкина С.В. Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье // КСИА. 1980. № 161. С. 46–51.

Рис. Изображения рыб на поздненеолитической-энеолитической керамике Северной Европы: 1, 2–6—стоянки Фрекенрённинген, Галичская, Ахмыловское II, Уржумкинская, Барские Кужеры III, Сахтыш I, II; 7—могильник Кухмарь. 1—ямочная керамика южной части Швеции; 2, 6, 7—чирковская керамика; 3–5—поздневолосовская керамика

Fig. Images of fish on the Late Neolithic and Eneolithic pottery from archaeological sites in the Northern Europe: 1, 2–6—Fräkenrönningen, Galitchskaya, Akhmylovskoje II, Urzhumkinkaja, Barskije Kuzhery III, Sakhtysh I, II; 7—Kukhmar' burial ground. 1—Pitted Ware from the Southern Sweden; 2, 6, 7—pottery of the Tchirkovo type; 3–5—Late Volosovo pottery

ON THE CAUSES OF CHANGES IN FLAT IMAGES ON POTTERY AT THE ENEOLITHIC TO THE BRONZE AGE TURN IN THE EASTERN EUROPE FOREST ZONE

A. M. Zhulnikov

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

In the Eastern Europe forest zone ornithomorphic and anthropomorphic images on pottery became rather widespread in the Late Neolithic—Early Eneolithic. At the end of the Eneolithic period images of fish and snakes appeared on ceramics in the Upper and Middle Volga re-

gion, which indicates changes in the worldview of the ancient people. It has been established that the spread of “ornithomorphic” figures in the form of a zigzag on the Netted Ware of the Bronze Age of Eastern Europe was associated with influence of forest-steppe cultures of Eurasia.

ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ КАРГОПОЛЬСКОГО ТИПА И СВЯЗИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОЗЕРНЫХ КОТЛОВИН ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Е. А. Кашина¹, К. Э. Герман²

¹ Государственный исторический музей, Москва, Россия

² Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

Керамика каргопольского типа (ККТ) — феномен материальной культуры северных областей Восточно-Европейской равнины. Ее изучение началось в 1970-е гг. (Буров, 1974), однако к настоящему времени количество нерешенных вопросов по-прежнему велико (Кашина и др., 2019; Kashina, Petrova, 2019; Кашина, Петрова, 2021; Герман, Лобанова, 2021; Герман, 2022; Герман, 2023). Самыми важными из них являются вопросы хронологии этого керамического типа. Поскольку все материалы происходят с многослойных памятников, в попытках уточнить хронологию исследователи использовали: стратиграфические наблюдения (А. Я. Брюсов, М. Г. Косменко, Н. В. Лобанова), AMS-датирование (Е. А. Кашина, В. Н. Карманов), технико-технологический анализ (Н. Ю. Петрова), и петрографический анализ (М. А. Кулькова, К. Э. Герман). Датирование образца березового дегтя, налипшего на внешнюю сторону фрагмента ККТ с поселения Илекса IV (Водлозеро, Карелия), показало календарное значение около конца V тыс. до н. э. (KIA-57672). Результат AMS-датирования нагара (с изотопной поправкой) на венчике с поселения Илекса IV будет получен в ближайшее время. И хотя его значение, скорее всего, будет осложнено резервуарным эффектом, будет важно сравнить обе полученные даты между собой.

Как нам кажется, с большой долей вероятности ККТ теперь не может считаться одним из самых ранних типов на Русском Севере. Однако это по-прежнему подлинный феномен, наблюдаемый на поразительно широкой территории, который можно попробовать интерпретировать теперь в рамках двух гипотез:

1. ККТ — это особый тип керамики, по-видимому, синхронный определенным этапам ямочно-гребенчатой керамики и сперрингс (?), который маркирует некую группу населения, оставившую свой след в широтном направлении в различных озерных котловинах тайги (Южная Карелия, Архангельская обл., Республика Коми);

2. ККТ — это тип особой керамики в среде таежных культур конца V тыс. до н. э., орнамент которой, очевидно, имитировал прошивку края берестяных контейнеров, и которая, возможно, имела какие-то особые функции, значение и область применения, отличные от всей остальной керамики. Первая гипотеза на данный момент выглядит более убедительно.

В докладе предполагается подробно рассмотреть орнаментацию венчиков ККТ со всех известных памятников. Она основана на двух базовых элементах: сквозных отверстиях и насечках на обеих краевых кромках (вариант 1, самое широкое распространение). Добавочные элементы представлены округлым наколом (варианты 2 и 3, более узкое распространение) и многими другими (вариант 4, локальное/региональное распространение). Мы попытаемся понять, какие явления могли стоять за этой эволюцией орнаментов, наблюдаемой (ввиду отсутствия надежных датировок) лишь пространственно. Особое внимание будет уделено варианту 4, который отличается локальным своеобразием, и материалы которого имеют очевидное сходство с гораздо более многочисленными местными, в основном ямочно-гребенчатыми керамическими типами.

ЛИТЕРАТУРА

Буров Г. М. Археологические культуры севера Европейской части СССР. Ульяновск: Ульяновский пединститут, 1974.

Герман К. Э. Керамика раннего и среднего неолита поселения Водла V в Восточной Карелии // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 2. С. 171–178.

Герман К. Э. Керамика «каргопольского типа» на многослойных памятниках Водлозера: опыт планиграфического и стратиграфического анализа // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 3. С. 129–138.

Герман К. Э., Лобанова Н. В. Каргопольская керамика — отдельный тип глиняной посуды или разновидность

ямочно-гребенчатой керамики (на примере материалов с поселений Карелии)? // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 1. С. 211–217.

Кашина Е. А., Петрова Н. Ю. Керамика каргопольского типа на севере Европейской части России в контексте современных представлений о раннем неолите лесной зоны Русской равнины // Черных И. Н. (ред.). Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: Триада, 2021. С. 334–344.

Кашина Е. А., Петрова Н. Ю., Герман К. Э. К вопросу о древнейшей керамике Севера Европейской части России // Едовин А. Г. (сост.). Археология в музейных коллекциях: сборник докладов всероссийской научно-практической с международным участием конференции. Архангельск: Архангельский краеведческий музей, 2019. С. 71–81.

Kashina E., Petrova N. The Kargopol' type ceramics — the first pottery of the East European Plain Northern part? // Documenta Praehistorica. XLVI. Ljubljana, 2019. P. 174–182.

DECORATION OF POTTERY OF THE KARGOPOL TYPE AND COMMUNICATIONS BETWEEN NEOLITHIC POPULATION OF THE LAKE LOWLANDS IN THE EUROPEAN RUSSIA TAIGA ZONE

E. A. Kashina¹, K. E. German²

¹ *The State Historical Museum, Moscow, Russia*

² *Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS, Petrozavodsk*

In this talk, the decoration of the Kargopol type ceramics (not numerous but having a large latitudinal distribution) will be discussed, basing on previous studies published in 2019–2023. Four variants of decoration (1 — widespread, 2 and 3 — narrower character, 4 — of lo-

cal character) will be analyzed from the following points of view: the geography of connections between sites which provided the same decoration motives, and the similarities between the motives of the variant 4 of the Kargopol type and the local Pit-Comb Ware types motives.

КЕРАМИКА И ПЕТРОГЛИФЫ: ТРИ ЧЕРЕПКА И ЛОДОЧКИ

Е. М. Колпаков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

В 1998–2000 гг. при раскопках поселения Юринлахти 1 (Jyrinlahti) в финляндской Северной Карелии были найдены четыре особенных черепка от одного сосуда типа Лууконсаари (Pesonen, Ahola, 2022). Орнаментация этих фрагментов уникальна. Кроме обычного для керамики Лууконсаари фриза, образованного протаскиванием и оттисками гребенчатого штампа, на них имеются фигуры, выполненные также оттисками гребенчатого штампа. «Один фрагмент включает два мотива: 1) шесть вертикальных оттисков гребенки в ряд (экипаж лодки?), с диагональными и загнутыми окончаниями на обоих концах, яркое напоминание мотивов лосиноголовых лодок в наскальном искусстве Восточной Фенноскандии и 2) фрагмент скрещенного гребенчатого штампа с загнутыми концами» (см. рис.: 2) (Pesonen, Ahola, 2022. P. 199). Два из них склеиваются и на них присутствуют такие же два мотива: «1) аналогичная часть креста с загнутыми концами... и 2) фигура лодки с восемью вертикальными гребенчатыми штампами и с аналогичными загнутыми (лосиноголовыми) окончаниями... только на этот раз с добавлением треугольника поверх вертикальных штампов, выполненных тремя гребенчатыми штампами, один из них посередине двух диагональных штампов. Пожалуй, можно предположить, что этот мотив изображает парус» (см. рис.: 1) (Pesonen, Ahola, 2022. P. 199). Кроме того, на поселении Ювонен (Juvonen) был найден фрагмент керамики Лууконсаари с таким же крестом с загнутыми концами (см. рис.: 3) (Pesonen, Ahola 2022. P. 200). В широких пределах керамика Лууконсаари сейчас датируется 1100 calBC — 300 AD (Pesonen, Ahola, 2022. P. 201, fig. 23.3).

«Хотя косые кресты представлены на нескольких памятниках, мотив креста с загнутыми концами зафиксирован только в Руоминкапия в Леми», который датиру-

ют началом IV тыс. до н.э. (Pesonen, Ahola, 2022. P. 200). В целом авторы находят на финских писаницах ближайшие аналогии изображениям на найденных черепках и предполагают сохранение традиции в течение нескольких тысячелетий (Pesonen, Ahola, 2022. P. 202–203).

Между тем ближайшими аналогиями лодкам на черепках из Юринлахти являются некоторые фигуры лодок на петроглифах Канозера (см. рис.: 4–7). Конечно, здесь следует учитывать технические особенности нанесения изображений пикетажем на скалу, с одной стороны, и зубчатым штампом на керамику, с другой стороны. Фигуры на керамике неизбежно состоят из отрезков прямых линий (штампов), а на скалах такого ограничения нет. Тем более значимо, что несколько лодок на Канозере выполнены так же, как на керамике. Форштевень с «лосиной» головой, распространенный признак в наскальном искусстве Северной Фенноскандии, но такие длинные форштевни характерны как раз для Канозера. При этом на одном фрагменте керамики форштевень и ахтерштевень несимметричны: ахтерштевень на нем вполне сходен со специфическими ахтерштевнями с загнутым вниз концом на Канозере.

Кроме того, на Канозере есть уникальная фигура, близкая к косому кресту с загнутыми концами. Она расположена на некотором расстоянии от ближайших фигур и с лодками не связана.

Из всего этого в очередной раз следует вопрос о датировке наскальных изображений Северной Фенноскандии. Мы датируем канозерские петроглифы в целом IV–II тыс. до н.э. по ближайшим аналогиям с Залавругой и косвенно по типам артефактов, найденных у скал с выбивками (Колпаков, Шумкин 2012. С. 350). Такая датировка уже близка к периоду бытования керамики Лууконсаари, в отличие от даты IV тыс. до н.э., используемой финскими авторами.

ЛИТЕРАТУРА

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера = Rock Carvings of Kanozero. СПб.: Искусство России, 2012.

Pesonen P., Ahola M. Telling tales in a pot? The decorative motifs of Early Iron Age Luukonsaari pottery from the Jyrinla-

hti site in Liperi, Eastern Finland (ca. 400–200 calBC) // Halinen P., Heyd V., Mannerman K. (eds.). MASF 10. Oodeja mikalle: juhlakirja professori Mika Lavenolle hänen täyttäässään 60 vuotta odes to Mika: Festschrift for professor Mika Lavento on the occasion of his 60th birthday, 2022. P. 197–205.

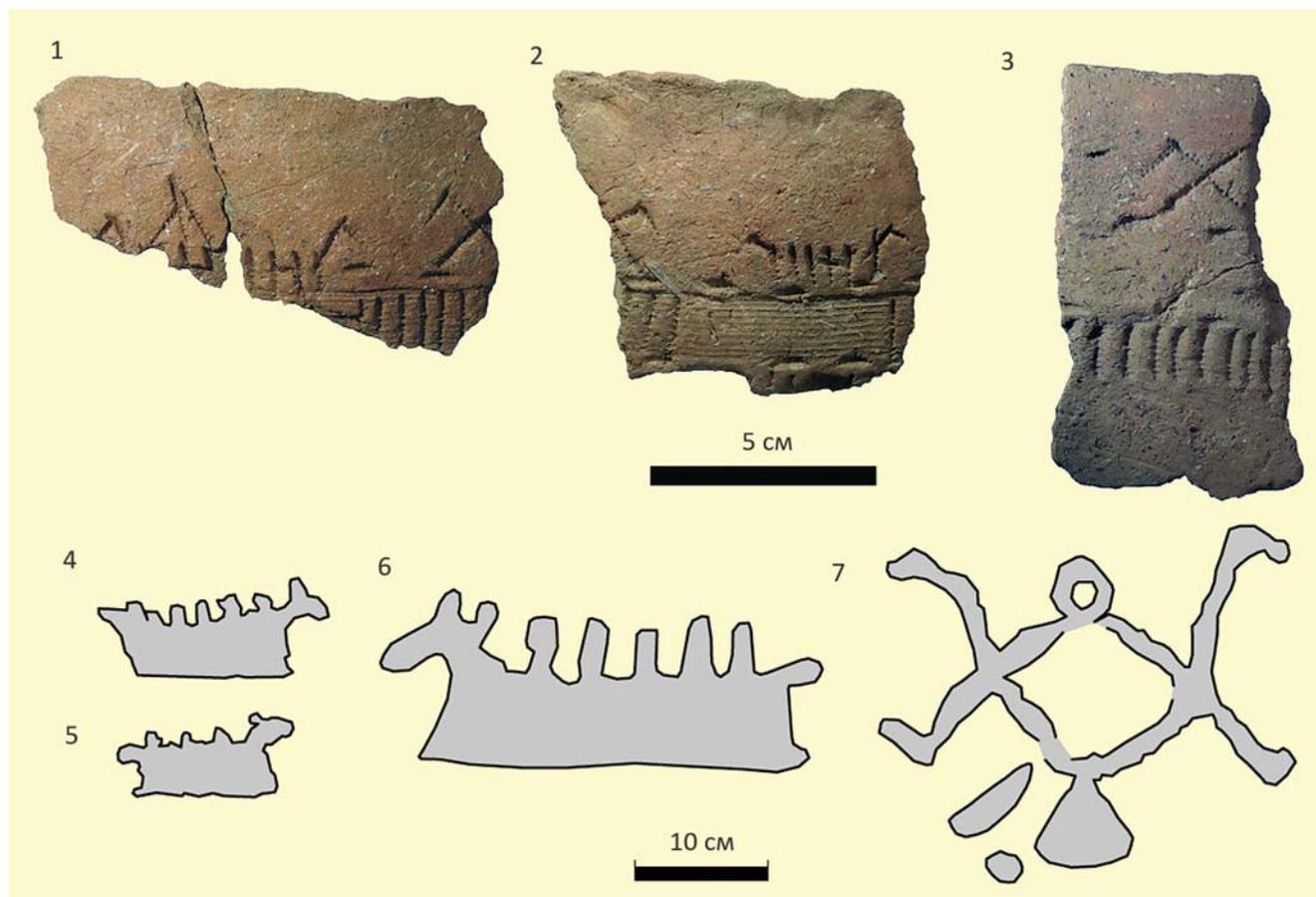
CERAMIC AND ROCK CARVINGS: THREE SHERDS AND BOATS

E. M. Kolpakov

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

In 1998–2000, during excavations at the Jyrinlahti 1 site in Liperi, Eastern Finland, four special sherds of the Luukonsaari pottery were found. They include two motifs: figures of boats and a cross fragment with bended ends produced with comb-stamps. The motif of

a cross with bended ends is also recorded on the Luukonsaari sherd from Juvonen in Lemi. The closest analogies to the figures on this pottery are some figures of boats and a cross-shaped figure with bended ends on Kanozero rock carvings.

Рис. Лодки и кресты (фигуры) с загнутыми концами на керамике Финляндии и петроглифах Канозера: 1–3—по: Pesonen, Ahola, 2022. P. 199, fig. 23: 1; 4–7—по: Колпаков, Шумкин, 2012: 4—e2n3, 5—e2n4, 6—k3n28, 7—k7n577

Fig. Boats and crosses (figures) with bent ends on Finnish ceramics and petroglyphs of Kanozero: 1–3—after: Pesonen, Ahola, 2022. P. 199, fig. 23: 1; 4–7—after: Kolpakov, Shumkin, 2012: 4—e2n3, 5—e2n4, 6—k3n28, 7—k7n577

КРУЖКОВЫЙ ОРНАМЕНТ НА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

Р. И. Муравьев, М. А. Холкина, Ю. Д. Радаева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

На неолитической керамике лесной зоны Восточной Европы наиболее узнаваемыми элементами орнамента являются ямки и оттиски гребенчатых штампов. Для выполнения такого декора использовались орнаменты из камня и органики. Оттиски полой трубки (в литературе обозначаются как кружковый орнамент, оттиски полого штампа, полой кости и др.) встречаются редко, но на памятниках Карельского перешейка сосудов с такими отпечатками нашлось сравнительно много.

В задачи исследования входил сбор сведений о неолитических сосудах с таким орнаментом, их культурная атрибуция, классификация самих оттисков и сопоставление с экспериментальными эталонами для предположений о виде орнамента, поиск аналогий на сопредельных территориях и, наконец, решение вопроса, может ли такой элемент орнамента быть важным культурным признаком.

Керамика с оттисками полого штампа встречается в коллекциях восьми памятников Карельского перешейка (Озерное 3, Комсомольское 3, Силино, Хепо-Ярви, Озерское 6, Возрождение 1, Папинкангас, Теперинахо). Всего 14 сосудов (136 фр.). Они относятся к керамике сперрингс, типичной гребенчато-ямочной и поздней гребенчато-ямочной керамике типа Юскела. Во всех случаях оттиски полой трубки составляют основу композиции, ни разу не встречаются в композиции с оттисками гребенки. Отпечатки собраны в 1–3 ряда, дополняясь разделительными рядами округлых или 8-видных ямок. Встречаются такие вдавления и по торцу венчика в один или два ряда.

Оттиски можно разделить на две группы по размеру и кривизне ложа: более крупные с «рифленным» краем и более мелкие с ровным краем. Для создания эталонов использовались отпечатки срезов тростника, птичьего пера, торца позвонка щуки. Оттиски на сосудах спер-

рингс встречены дважды и в одном случае соответствуют торцу позвонка (имеют ровную форму, тонкий край, незамкнутый контур — в зоне, где у позвонка имеется отросток), в другом — срезу тростника.

Большее распространение кружковый орнамент получает на гребенчато-ямочной керамике в развитой и поздней фазе. Причем на типичной гребенчато-ямочной керамике (см. рис.) чаще встречается оттиск среза тростника, а на поздней — полой кости или пера. В случае с миниатюрными сосудами отпечатки кружков могут покрывать всю внешнюю поверхность, не образуя ряды. Керамика типа Юскела со стоянок Озерное 3 и Возрождение 1 имеет поры от примеси известняка. Основной ареал этой технологической традиции — южная Финляндия, Аландские острова и юго-восток Швеции — культура ямочной керамики (Pitted ware) (Larsson, 2009). Помимо пор от известняка и ямок для этой посуды также характерны оттиски полой трубки.

Отдельные сосуды с кружковым орнаментом встречаются географически и хронологически широко: в нарвской культуре (Нарва Рийгикюла 1, Кяапа), культурах шнуровой керамики Ленинградской области и Прибалтики, на шаровидных амфорах, керамике лубанского типа, гребенчато-ямочной керамике Восточного Прионежья, волосовской, гаринской и более поздних культурах: катакомбных курильницах, лицевых урнах. В то же время представляется, что ни в одном из этих случаев их нельзя назвать значимым культурным признаком этих традиций.

На керамике Карельского перешейка и южной Финляндии кружковый орнамент стабильно присутствует с самого раннего этапа, а в середине — конце неолита процент встречаемости увеличивается. Представляется, что вкуче с иными указанными выше признаками он может отражать культурные связи с территорией восточной Швеции.

ЛИТЕРАТУРА

Larsson Å. M. Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala, 2009.

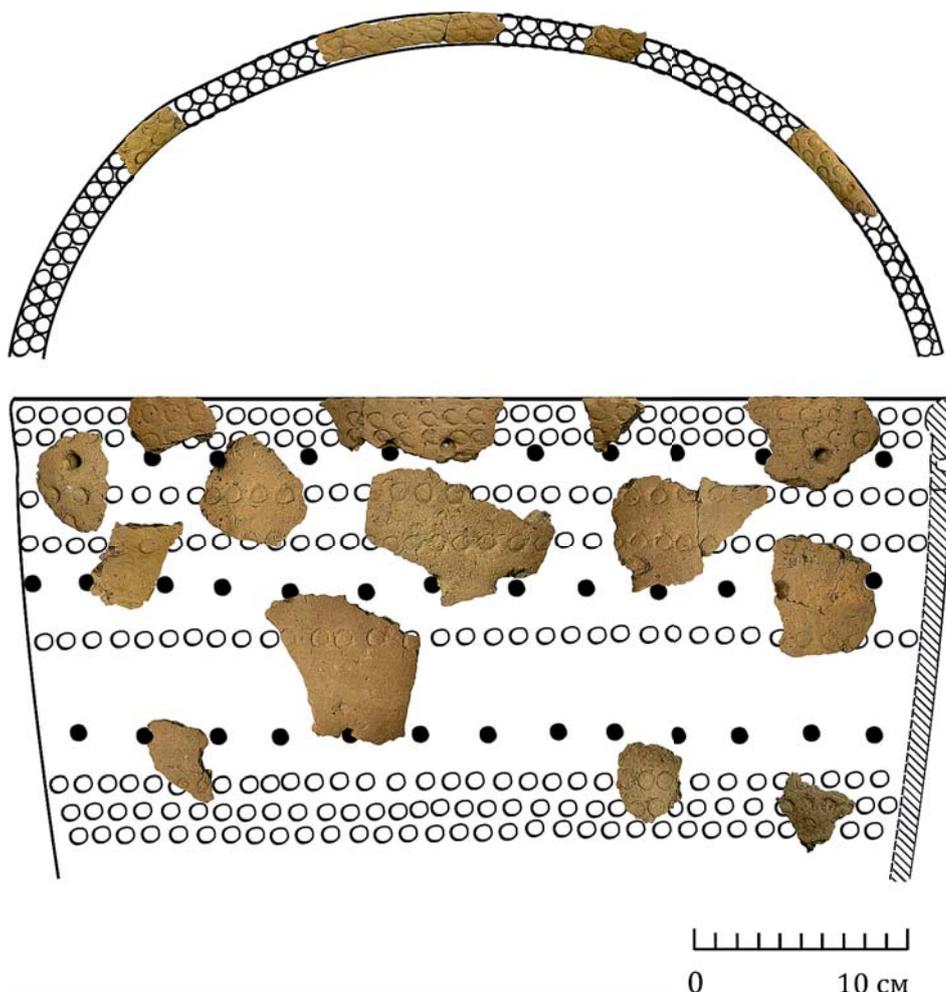
HOLLOW ROUND TUBE ORNAMENTATION OF NEOLITHIC CERAMICS ON THE KARELIAN ISTHMUS

R. I. Muravev, M. A. Kholkina, Yu. D. Radaeva

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Imprints of a hollow round tube (also known as a circle ornamentation, hollow bone stamp etc.) are quite rare on Neolithic pottery in the Eastern Europe forest zone. The aims of the study were collecting information about vessels with such ornamentation at the sites on the Karelian Isthmus, their cultural attribution, classification of the imprints and comparison with experimental samples (common reed stem, bird feather and hollow bone, pike vertebra), deciding whether such an element of ornament can be an important cultural feature. Potsherds with impressions of hollow round

tube stamp were found at eight sites on the Karelian Isthmus. It is possible to distinguish 14 vessels attributed to Sperrings Ware, Typical Comb Ware and Late Comb Ware (more precisely Uskela Ware). In all cases, imprints of a hollow round tube form the basis of the composition; they are never combined with the comb stamp. Imprints can be divided into two groups based on size and wall thickness. Such kind of ornamentation was consistently present since the earliest stages (Ka I), and in the Middle and Late Neolithic their percentage increased probably due to cultural impulses.

Рис. Стоянка Озерное 3, сосуд 2. Типичная гребенчато-ямочная керамика с кружковым орнаментом

Fig. Ozernoe 3 site, vessel 2. Typical comb-pit ceramics with hollow round tube impressions

ОРНАМЕНТЫ КЕРАМИКИ КУЛЬТУРЫ КУКУТЕНЬ-ТРИПОЛЬЕ: СВЯЗЬ ФОРМЫ, ДЕКОРА И ЕГО ТЕХНОЛОГИЙ В ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

И. В. Палагута¹, Е. Г. Старкова²

¹ Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
Санкт-Петербург, Россия

² Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

В изучении орнамента археологи обычно касаются его формальных характеристик, классификации техник исполнения, мотивов и элементов, что дает основание для дальнейших культурно-исторических реконструкций. Изучение семантики образует отдельное направление: если не удастся выстроить четкого типологического ряда от натуралистических изображений к абстрактно-геометрическим фигурам, то доказательством здесь являются лишь свободные ассоциации, порождаемые воображением исследователей.

Широкие возможности для исследований дают орнаменты керамики неолита и медного века. В ряду этих материалов не последнее место по разнообразию техник исполнения и мотивов декора занимает культура Кукутень-Триполье, развивавшаяся на обширных пространствах от Восточных Карпат до Днепра в V — начале III тыс. до н.э. Основа ее периодизации построена на изменениях в стилистике орнамента, однако для реконструкции развития локальных проявлений культуры необходим более детальный его анализ.

Эволюция орнаментов Кукутень-Триполья разворачивается в контексте системы, объединяющей набор форм сосудов (форма определяет геометрию орнаментального поля), набор мотивов орнамента и принципов построения композиции, которые, в свою очередь, связаны с технологией и техникой орнаментации. Использование того или иного орнамента напрямую зависит от формы сосуда. Подробное изучение декора позволяет выявить последовательность и способ нанесения красочных слоев, отдельных мотивов орнамента, а иногда — выделить элементы разметки сложной орнаментальной схемы.

Наиболее ранней здесь является техника врезного декора по подсушенной заготовке, заполняемого белой пастой. Она унаследована от ряда балкано-карпатских культур эпохи позднего неолита, где орнамент строится преимущественно на прямых линиях и тесно связан с декором деревянных изделий. Доминирование спиральных мотивов уже в ранний период развития культуры Прекукутень — Триполье А определило переход

к более влажным заготовкам, по которым легче проводить криволинейные фигуры. Углубленный орнамент существует достаточно долго, а в периферийных районах, где задерживаются и архаичные формы, — вплоть до финала этапа Триполье VII–СІ. Он может быть исполнен как по еще сырой поверхности сосуда, так и по специально нанесенному на заготовку слою влажной глины. По следам иногда можно реконструировать форму рабочего края инструмента.

Отдельные образцы росписи появляются уже на раннем этапе, но глобальные изменения техники и системы декора происходят в период Кукутень А — Триполье VI, когда она широко распространяется в западной части ареала. Исследования ее технологии показывают, что краска, по крайней мере верхние ее слои, могла наноситься «в холодную» после обжига. Помимо традиционных бордюрных композиций в этот период распространяется «свободный стиль» нанесения орнамента, когда он разворачивается в двухмерной плоскости. Как в мотивах, так и в последовательности нанесения орнамента наблюдаются значительные вариации. Это свидетельствует о существенных изменениях в культуре в целом.

Дальнейшая эволюция идет по пути установления четкой зональности орнамента, сведения его к набору доминирующих мотивов. В основе композиций лежит определенный набор видов симметрии. Это связано со стандартизацией форм, серийностью их изготовления на фоне концентрации населения в крупных поселениях.

Орнаменты заключительного этапа развития культуры (Триполье СII) связывает с предыдущими только использование росписи: настолько различны композиции декора и их симметрии. По сути, мы имеем дело с рядом иных отдельных культурных традиций.

На примере Кукутень-Триполья видно, что изменения в системе форм и орнаментов происходят комплексно: эволюция форм непосредственно влияет на орнамент и наоборот. Принципы его нанесения маркируют локальные вариации, а преобладание базовых симметрий отмечает глобальные сдвиги в эволюции культуры.

ORNAMENTS OF THE CUCUTENI-TRYPILLIA CERAMICS: THE RELATIONSHIP BETWEEN FORM, DECORATION AND ITS TECHNOLOGIES IN AN EVOLUTIONARY PERSPECTIVE

I. V. Palaguta¹, E. G. Starkova²

¹ *Stieglitz Saint Petersburg State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia*

² *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

The evolution of Cucuteni-Trypillia ornaments was unfolding in the context of a system that combines a set of vessel shapes (the shape determines the geometry of the ornamental field), a set of ornamental motifs and principles of composition, which, in turn, are related with the technology and technique of ornamentation. The use of one or another ornament directly depends on the shape of the vessel. A detailed study of the decoration reveals the sequence and method of applying

colorful layers, individual ornamental motifs, and sometimes — to highlight the marking elements of a complex ornamental scheme. The example of Cucuteni-Trypillia shows that changes in the system of forms and ornaments occur in a complex manner: the evolution of forms directly affects the ornament and vice versa. The principles of its application mark local variations, and the predominance of basic symmetries mark global shifts in the evolution of culture.

ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОРНАМЕНТА КЕРАМИКИ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

А. В. Файферт

ГАУК РО «Донское наследие», Ростов-на-Дону, Россия

1 Существует десять основных гипотез о закономерностях расположения курганов ранне-го бронзового века. Они рассмотрены в статье (Файферт, 2021). Обосновано, что наиболее достоверной является гипотеза о том, что в степных первобытных обществах могло иметь место правило: «Территория, с которой виден курган моих предков, — моя земля». Оно хорошо объясняет различное топографическое положение курганов, наличие мест без курганов и т.д. С этой точки зрения новое объяснение может получить традиция помещения в курганные погребения и насыпи орнаментированных сосудов. Также этот подход рационально объясняет смысл строительства крупных курганных насыпей и отсутствие (статистически наблюдаемое) связи между богатством инвентаря, полом и возрастом погребенного и трудозатратами на возведение насыпи над ним.

2. В ходе работы над сравнением керамики константиновской культуры и погребений койсугского типа начала раннего бронзового века региона Нижнего Дона установлено, что важнейшим отличием является нижняя часть орнаментального пояса на сосудах. Сосуды константиновской культуры здесь орнаментированы параллельными косыми насечками, а койсугские — зигзагом. Соответственно, насечки не встречаются на койсугских сосудах, а зигзаг — на константиновских. Согласно радиоуглеродным датировкам, керамика репинского поселения является более поздней по отношению к константиновской и койсугской. На ней внизу орнаментального фриза встречаются как насечки, так и зигзаг. В орнаменте также присутствуют и другие свидетельства смешения койсугских и константиновских традиций. На этом основании можно высказать гипотезу о том, что внизу орнаментального фриза древнее население располагало самую важную информацию о своем происхождении, условно: «Мы такого-то происхождения». Главный вывод из этих построений: основная информация для культурной атрибуции сосудов раннего бронзового века располагается внизу орнаментального пояса.

3. Данный подход фактически уже используется на практике, хотя и неосознанно. Так в работе по синташтинской культуре (Епимахов и др., 2021) представлено членение и отнесение к двум разным культурам керамики с одного памятника именно по признаку главного мотива внизу орнаментального пояса: вертикальная «елочка» — к синташтинской, меандр — к петровской. Для керамики раннего бронзового века это свидетельствует о том, что находящиеся высоко в орнаментальном поясе жемчужины не могут быть культуроопределяющим признаком. В пользу этой версии говорит и широкое географическое распространение жемчужин, не укладывающееся в рамки одной культуры.

4. На первый взгляд, данный подход излишне смелый и оптимистичный. Однако он помогает отвергнуть еще более смелые интерпретации, не получившие опровержения, а потому воспринимаемые как достоверные. Так, основным выводом большой монографии доктора исторических наук И. В. Ковтуна об орнаменте керамики (Ковтун, 2016. С. 158) является наличие у первобытных племен андроновской общности монотеизма, схожего с авраамическими религиями. Если к интерпретации орнамента использовать предложенный нами подход, то данное спорное объяснение оказывается излишним, а орнамент сосудов, преимущественно из погребальных памятников, имел смысл как некая символическая генеалогическая запись. Исходя из этого, объяснимо отсутствие в бронзовом веке двух одинаково орнаментированных сосудов.

5. Если следовать генеалогическому подходу, то получает объяснение помещение в погребения богато орнаментированных сосудов: в случае возникновения споров о принадлежности территорий курганное погребение можно было вскрыть и убедиться, чья керамика помещена ранее в курган. С этой же точки зрения объясняется и смысл перенесения останков погребенных из одного кургана в другой, что многократно зафиксировано в катакомбной культуре эпохи средней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Епимахов А. В., Куприянова Е. В., Хоммель П., Хэнкс Б. К. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций: (Бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Куприянова Е. В. (отв. ред.). Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: Проблемы исторической реконструкции. Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 2021. С. 7–29.

Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016.

Файферт А. В. Картографический и рельефный анализ расположения курганов Нижнего Подонья // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 2. С. 7–30.

APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE ORNAMENT OF CERAMICS OF THE EARLY BRONZE AGE

A. V. Faifert

SACI "Don Heritage", Rostov-on-Don, Russia

The report substantiates the possibility of interpreting the ornament of Bronze Age ceramics as a symbolic genealogical record. This approach has already been used to separate ceramics from different cultures, but it is

not described anywhere. In accordance with this approach, the ornamented vessels in the burials were left there to confirm ownership of the land.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИКЕ «ЛЕСНОГО» НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е. Г. Шалахов

ГБУК РМЭ «Замок Шереметева», Юрино, Россия

VI–IV тыс. до н.э. — эпоха освоения левобережных районов Среднего Поволжья группами ранненеолитического населения лесостепи с производящим типом хозяйства (животноводство). Как утверждает В. В. Никитин, это «население пришло в Поволжье уже с домашним стадом» (Никитин, Никитина, 2004. С. 26).

Эталонные памятники культуры накольчатой керамики — поселения Дубовское III и VIII, Отарское VI — открыты и изучены Марийской археологической экспедицией на территории Килемарского муниципального района Республики Марий Эл (Никитин, 2009. С. 8). Краткая характеристика керамического комплекса поселения Отарское VI дана в фундаментальном труде основного исследователя (Никитин, 2009): «...это тонкостенная (до 6 мм) баночных форм с плоским дном посуда из хорошо отмученной глины без видимых примесей. Плотная, хорошего обжига. Поверхность сглажена с двух сторон, внешняя заглажена. Характерный признак — ряд наколов по краю горла. Орнамент в большинстве случаев располагается в верхней и нижней (включая и дно) трети сосуда. Рисунок наносился различного рода палочками или ракушками, углом пластины и т.п. в отступающей технике. Наиболее применяемые элементы узора: треугольная ямка, овальные и треугольные мелкие тычки и наколы, плотно прилегающие друг к другу, составляющие горизонтальные и диагональные ряды, пояса,

зигзаги, сетку и просто пересекающиеся линии» (Никитин, 2009. С. 138).

Судя по наличию в керамических коллекциях поселенческих комплексов сосудов с оригинальной орнаментацией днищ, в эпоху раннего неолита у лесных племен могла существовать ритуальная посуда.

На мой взгляд, основным маркирующим признаком такой посуды является антропоморфный персонаж, изображение которого в технике накола обычно наносилось на днище керамического сосуда (см. рис.).

«Петроглифичность» изображений, отмеченная коллегам (Никитин, Никитина, 2004. С. 28), стимулирует поиск аналогий данному персонажу не только в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы. Идентичные образы встречаются, например, на уральских писаницах (Абакумова, Мотус, 2016. С. 216, рис. 1).

Классифицировать изображения антропоморфов, выполненные стандартными орнаментами ранне-неолитического времени, в целом несложно. Автором настоящего доклада выделены два типа персонажей: 1) с опущенными верхними конечностями (см. рис.: 1); 2) с поднятыми верхними конечностями (см. рис.: 2).

Таким образом, несмотря на отсутствие выраженного сюжета, «пляшущие» антропоморфные персонажи предстают перед нами как участники некоего обряда, сложившегося задолго до расселения носителей культуры накольчатой керамики в левобережье Средней Волги.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумова О. С., Мотус А. И. Типология наскальных антропоморфных изображений Урала // Викторова В. Д. (отв. ред.). Седьмые Берсовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 02–04 декабря 2014 года. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 215–223.

Никитин В. В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009.

Никитин В. В., Никитина Т. Б. К истокам марийского искусства: научное издание. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004.

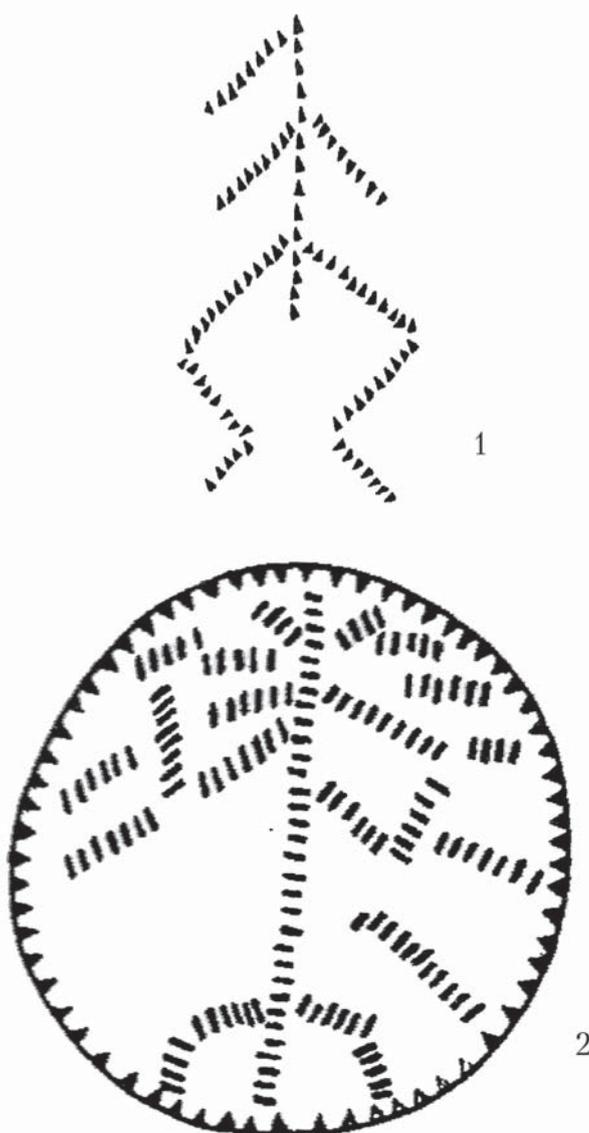
ANTHROPOMORPHIC IMAGES ON CERAMICS OF THE “FOREST” NEOLITHIC OF THE MIDDLE VOLGA REGION: ON THE PROBLEM OF INTERPRETATION

E. G. Shalakhov

SBCI RME “Sheremetev Castle”, Yurino, Russia

The ceramic complex of the Early Neolithic settlements in the Middle Volga region was discovered and studied by the Mari archaeological expedition in the last century. The most expressive ornamental compositions were found on the bottoms of the vessels of the Pricked Ware

culture. Anthropomorphic images were selected to a separate group. These images reflect cult practices of prehistoric population of the Eastern Europe forest zone. The “dancing” anthropomorphic characters appear to us as participants of a certain Early Neolithic ritual.

Рис. Антропоморфные изображения на днищах сосудов культуры накольчатой керамики (по В. В. Никитину)

Fig. Anthropomorphic images on the bottoms of the Pricked Ware culture (after V. V. Nikitin)

ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ ОРЛОВСКОЙ И ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУР: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

А. И. Юдин

Научно-производственный центр по сохранению культурного наследия, Саратов, Россия

Рассмотрение орнаментации поздненеолитической орловской и раннеэнеолитической прикаспийской керамики в плане наличия преемственности орнаментальных композиций и появления инноваций можно провести по нескольким параметрам.

Сравнение узоров надо начинать с технологии нанесения и здесь, очевидно, начинаются все культурные различия. В энеолите доминирует гребенчатый штамп, в неолите — накольчатый. Последний на энеолитической посуде можно рассматривать как сохранение предшествующей традиции: он встречается как дополнение к основной композиции на всех прикаспийских памятниках с достаточной выборкой. Собственно изменение техники нанесения орнамента (накола на гребенку) является основным различием между орловской и прикаспийской керамикой. Также в энеолите в орнаментации сохраняются зигзаг и треугольники, общий принцип компоновки узоров, когда край венчика и шейка с туловом украшены разными элементами, наследование традиции нанесения мотивов на внутренней стороне венчика.

Расположение оттисков внутри сосуда на орловской посуде появляется вместе с наплывом. В позднем неолите он исчезает, а орнамент остается. Узор нередок и на внутренней стороне венчиков прикаспийской культуры.

Основное же различие в орнаментации, кроме техники нанесения — это появление ленточного орнамента, заполненного различными элементами. Создается впечатление, что он появляется внезапно. Так ли это? В верхнем слое Варфоломеевской стоянки есть мотивы, которые можно считать его прототипом. Это появление композиций с использованием волны и мотивов в виде необычного многорядного шеврона трапециевидной формы.

Вообще лента, заполненная точками, относительно часто встречается в степи и лесостепи Восточной Европы начиная с раннего неолита.

Интересно отметить две особенности ленточного орнамента. Во-первых, он значительно различается на разных территориях. Во-вторых, ни в одной из степных культур нео-энеолитического времени ленточный мотив не доминирует. И если проанализировать в общем-то немногочисленные коллекции прикаспийской керамики, то похоже, что процент ленточного орнамента в прикаспийской культуре будет наибольшим.

Появление подобного рисунка можно рассматривать в качестве своеобразной моды, так как такой способ украшения сосудов стал популярен во второй половине VI тыс. до н.э. у населения степной зоны (Котова, 2015. С. 72).

Проявление моды в керамике, такой как воротничок по краю венчика или налепной валик в эпоху поздней бронзы, характерно для степных культур, и происходит практически одновременно в этой зоне Евразии. Такой же модой может оказаться и орнамент с использованием заполненной ленты различной конфигурации.

Можно рассматривать и другие элементы орнамента на предмет сходства и различий, но они в основном простейшие и вряд ли могут являться убедительными аргументами в плане наличия преемственности или инноваций.

Следует отметить наличие синкретической керамики: на поселениях Варфоломеевка и Кумыска в степном Поволжье орловские признаки сочетаются с прикаспийскими. А на стоянке Курпеже-молла в Северном Прикаспии есть гибридная керамика с чертами тентексорскими и прикаспийскими, с одной стороны, и прикаспийскими и хвалынскими, с другой (Выборнов и др., 2022. С. 576).

Таким образом, проведенное сопоставление показывает наследование части признаков орнаментации прикаспийской культуры у орловской. Смену накольчатого орнамента на гребенчатый можно отнести на счет внешних культурных импульсов, поскольку население степи испытывало их на протяжении всей неолитической эпохи.

В данной работе не принимаются во внимание технико-технологические характеристики керамики орловской и прикаспийской культур. Подобная работа проделана И. Н. Васильевой. Сравнительная характеристика орнаментации подтверждает сделанные ею выводы о том, что традиции энеолитических культур «уходят корнями в неолитическое гончарство региона» (Васильева, 2009. С. 77).

Еще один фактор, свидетельствующий в пользу преемственности орловской и прикаспийской керамических традиций, — это их хронологическое сосуществование во второй половине VI тыс. до н.э. Синхронность позднего неолита и раннего энеолита в Восточной Европе хорошо показана в коллективной монографии по радиоуглеродной хронологии (Радиоуглеродная хронология..., 2016. С. 11, 65).

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И. Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Моргунова Н. Л. (отв. ред.). Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы: сборник научных трудов. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 65–77.

Выборнов А. А., Васильева И. Н., Дога Н. С., Кулькова М. А. Новые данные о стоянке Курпеже-молла в Се-

верном Прикаспии // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15, № 3. С. 560–578.

Котова Н. С. Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков: Майдан, 2015.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография / Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич (сост.). Смоленск: Свиток, 2016.

ORNAMENTATION OF CERAMICS IN THE ORLOVKA AND PRECASPIAN CULTURES: TRADITIONS AND INNOVATIONS

A. I. Yudin

Research Center for Preservation of Cultural Heritage, Saratov, Russia

The work compares pottery ornaments of the Late Neolithic Orlovka culture and the Early Eneolithic Precaspian culture. The comparison showed the inheritance of some elements of the ornaments of the Precaspian culture from the Orlovka culture. The emergence of

innovations in the form of a change of a pricked ornament to a combed one can be attributed to external cultural impulses, since the population of the steppe experienced them throughout the whole Neolithic.

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
КЕРАМИКИ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ:
ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМЫ ДО РОЛИ СОСУДА
В КУЛЬТУРЕ**

**SPATIAL ANALYSIS OF DISTRIBUTION
OF POTTERY IN CULTURAL LAYER:
FROM RECONSTRUCTION OF SHAPE
TO CULTURAL MEANING OF A VESSEL**

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КЕРАМИКИ В ЖИЛИЩАХ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

А. А. Выборнов¹, И. Н. Васильева², М. А. Кулькова³

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

² Самарское археологическое общество, Самара, Россия

³ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

В Северном Прикаспии исследованы не только культурные слои *in situ*, но и остатки жилищных сооружений для раннего (Каиршак III, Байбек) и позднего этапов неолита. Анализ керамического инвентаря как в жилищах, так и на сопредельных с ними участках позволил получить важную информацию о развитии гончарства и динамике жизнедеятельности на памятниках. В жилище 1 стоянки Каиршак III (Выборнов и др., 2022) на полу постройки преобладают венчики без узоров, а выше преобладают орнаментированные сосуды. Аналогичная ситуация и с контекстом во втором жилище. Отогнутые верхние части в первой конструкции доминируют как на нижнем, так и на верхнем уровнях. Уместно отметить, что и в жилище стоянки Байбек неорнаментированные сосуды с отогнутым наружу венчиком представлены на всех уровнях жилища (Гречкина и др., 2021). Таким образом, исходными в каиршакской традиции были сосуды без орнамента, и эта черта сохранилась и позднее. Что касается материалов из верхних штыков обеих построек стоянки Каиршак III, то их весьма рискованно привлекать для характеристики. Их мелкие размеры и другие показатели дают основание предполагать, что эти уровни не одновременны в рамках одного периода. Более того, как на стоянках раннего неолита, так и на Тентексоре (Выборнов и др., 2023) удалось зафиксировать весьма сложный характер развития некоторых объектов: они использовались в разное время в различных целях, порой с перерывами. Стерильные прослойки внутри жилищ в условиях полупустыни образуются очень быстро. С одной стороны, это делает «закрытость» комплексов несколько условной, а с другой дает шанс на отслеживание мультислойности, а на ее основе мы можем выработать более детальную периодизацию.

Подтверждается это и результатами технико-технологического анализа посуды. При преобладании в жилище 1 жирных илов (75%) в целом, в четвертом штыке тощие илы с более крупным песком составляют 44%. В верхних слоях такие экземпляры не обна-

ружены. При этом в слоях 2–3 выявлено наибольшее количество сосудов из высокопластичных (незапесоченных) илов с пылевидным песком. Своеобразным маркером верхнего уровня функционирования жилища 1 могут служить крупные сосуды в штыке три, которые не подверглись разрушению. Подтверждают это и экземпляры более позднего (тентексорского) типа, найденные здесь же. Поэтому тем более материалы из второго — первого штыков являются не наполнителем жилища, а результатом разрушения соседних с ним участков культурного слоя. Это подтверждается и анализом комплекса со стоянки каиршакского типа Байбек. Здесь на нижнем уровне жилища были обнаружены сосуды, фрагменты от которых фиксировались как в более верхней части, так и за пределами постройки. Что касается постройки 2 на Каиршаке III, то и здесь жирные илы составляют 70%. Но уместна одна конкретизация на основе информации об ИПС на уровне вариантов, которая позволила выявить и некоторые отличия в гончарстве изучаемого населения. Под ними понимаются не конкретные, а условные места добычи, т.е. залежи пластичного сырья с приблизительно одинаковым качественным составом. Оказалось, что обитатели этих жилищ использовали как близкие, так и разные места добычи илов. Если подсчитать процент общих мест от общего количества зафиксированных источников по материалам обоих жилищ, то для жилища 1 он равен 90%, а для жилища 2 составляет 67%. Иначе говоря, более трети сосудов из жилища 2 изготовлены из сырья, места добычи которого не были известны или не использовались обитателями жилища 1 (Выборнов и др., 2022). Таким образом, выявляются определенные различия между посудой из жилищ не только на уровне типологии, но и по технологии. Есть и некоторые данные об этом по результатам петрографического анализа для керамики стоянок тентексорского типа. Их допустимо трактовать на хронологическом уровне. Полученные радиоуглеродные даты по разным органическим материалам свидетельствуют

о некоторой разновременности керамических комплексов как непосредственно из слоя (момент заселения участка), так и жилищ. Особенно четко это фиксируется на стоянках Байбек и Каиршак III (Выборнов, Кулькова, 2021).

Все эти данные позволяют конкретизировать этапы развития памятников в целом.

Исследование проведено при поддержке гранта РФ № 24-28-00103.

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А. А., Кулькова М. А. Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 34–46.

Выборнов А. А., Васильева И. Н., Лактаева Э. М., Фролов И. К. Керамика из жилищ неолитической стоянки Каиршак III в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2022. № 2. С. 145–163.

Выборнов А. А., Лактаева Э. М., Фролов И. К. Керамика жилищ памятника Тентексор I // Самарский научный вестник. 2023. № 2. С. 127–139.

Гречкина Т. Ю., Выборнов А. А., Лебедев Ю. А. Жилище ранненеолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 143–154.

SPATIOTEMPORAL DISTRIBUTION OF CERAMICS IN THE NEOLITHIC DWELLINGS OF THE NORTHERN CIS-CASPIAN REGION

A. A. Vybornov¹, I. N. Vasilieva², M. A. Kulkova³

¹ Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

² Samara Archaeological Society, Samara, Russia

³ Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

The dwelling constructions of the Early (Kairshak III and Baibek sites) and the Late Neolithic stages were studied in the Northern Cis-Caspian region. The early ceramic tradition is pottery without decoration. This feature was saved in the later stage on the Early Neolithic sites as well on the Tenteksor site. The objects on these sites were used at different times and had different aims, sometimes there were breaks. In the dwelling 1 on the Kairshak III site, the pottery made of fat silt prevailed (75%). In the middle horizons 44% of pottery was made of thin clay with coarse sand. In the upper layers such examples were not found. In the 2–3 layers the vessels made of high plastic silt with

dust sand prevailed. On the Baibek site of Kairshak type, the same character of pottery distribution was noted. In the bottom level of the dwelling, in the upper levels, and beyond dwelling the vessels of the same type have been found. In the dwelling 2 of the Kairshak III site pottery made of fat silt makes 70% of the whole collection. The inhabitants used different sources to procure raw-material for pottery making. The thin-section analysis of several sherds of the Tenteksor type was conducted. The radiocarbon dates show some chronological difference for ceramic complexes from the cultural layer and from the dwellings. Especially it is clearly for the Baibek and Kairshak III sites.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО АНАЛИЗА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АСБЕСТОВОЙ КЕРАМИКИ ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Д. В. Герасимов¹, А. М. Жульников², Т. А. Васильева³, М. А. Холкина⁴

¹ Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия

² Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

³ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

⁴ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Представления об ареалах распространения типов древней керамики и иных археологических древностей, а также подразумеваемых под ними археологических культур являются основанием для реконструкции социокультурных процессов. Эти представления нуждаются в регулярной ревизии в связи с получением новых данных об открытых памятниках и атрибуции археологических материалов.

В ходе реализации проекта по изучению феномена доисторической асбестовой керамики Восточной Европы, выполнявшегося при поддержке РФФИ, на протяжении пяти лет коллективом авторов были систематизированы сведения об археологических контекстах периодов неолита — эпохи раннего металла с асбестовой керамикой северо-западных регионов Российской Федерации. База данных содержит сведения о 538 археологических памятниках, расположенных на территории Ленинградской, Вологодской, Архангельской, Новгородской, Мурманской областей, Республики Карелия. Также систематизирована доступная по опубликованным источникам информация о 332 археологических памятниках с асбестовой керамикой неолита — энеолита Фенноскандии за пределами территории России (очевидно, это далеко не полный перечень).

Полученные результаты в значительной степени меняют существующие представления о пространственно-хронологической динамике этой традиции. Анализ археологических коллекций и опубликованных материалов позволил выявить керамику типа сперрингс с примесью асбеста на территории Мурманской области, а в Карелии и на Карельском перешейке, помимо нее, также и керамику типа Кауниссаари. Это существенно расширяет ареал распространения керамики с примесью асбеста в раннем неолите (V тыс. до н.э.).

На территории Финляндии керамика сперрингс на рубеже V–IV тыс. до н.э. сменяется типичной гребенчато-ямочной, по которой отмечены единичные случаи использования асбеста. Это может рассматриваться как одно из свидетельств контактов носителей традиции ранней и типичной гребенчатой керамики. Ранее считалось, что в период бытования типичной гребенчато-ямочной керамики (4000–3600 гг. до н.э.) асбест практически не использовался в качестве примеси к керамике, очень немногочисленные случаи были зафиксированы опять-таки в регионе озера Древняя Сайма. Анализ коллекций керамики ряда памятников на территории Ленинградской области и Карелии позволил выявить сосуды типичной гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики с примесью асбеста.

Наибольшее распространение на территории лесной полосы Восточной Европы асбестовая керамика получила после завершения относительно короткого периода распространения типичной гребенчато-ямочной керамики, после 3600 г. до н.э. Именно на это время, судя по косвенным данным (археологическим и не только), приходится наибольшее количество культурных инноваций, свидетельствующих о кардинальных социокультурных трансформациях, начало которым было положено с распространением типичной гребенчато-ямочной керамики. Во второй половине IV — III тыс. до н.э. происходит расцвет традиции добавления асбеста в формовочную массу. Распространяются такие типы асбестовой посуды, как Киерикки, Войнаволок, Пелья, Оровнаволок, Палайгуба.

В эпоху бронзы ареал распространения традиции сокращается и смещается на север Скандинавского полуострова, где выразительные типы керамики с асбестом представлены вплоть до начала I тыс. до н.э.

PRELIMINARY RESULTS OF ANALYSES OF SPATIAL-TEMPORAL DISTRIBUTION OF THE PREHISTORIC ASBESTOS WARE IN THE EASTERN AND NORTHERN EUROPE

D. V. Gerasimov¹, A. M. Zhulnikov², T. A. Vasilyeva³, M. A. Kholkina⁴

¹ *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russia*

² *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*

³ *Institute for Language, Literature and History Studies of the Karelian Research Center RAS, Petrozavodsk, Russia*

⁴ *Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

The paper discusses spatial distribution of prehistoric pottery with asbestos temper in different chronological periods. The collected database contains data on 538 archaeological sites in Leningrad, Vologda, Arkhangelsk, Novgorod and Murmansk regions, as well as from the

Karelia Republic. Information on 332 archaeological sites from the Fennoscandia outside the Russian Federation was included as well. The obtained results sufficiently change the existing imagination about spatial-chronological dynamic of the phenomenon of the Asbestos Ware.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ НА ПОСЕЛЕНИИ ЛЕБЯЖИНКА VI В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

А. И. Королёв, А. А. Шалапинин

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Поселение Лебяжинка VI является одним из многих памятников Самарского Поволжья, содержащих в основном материалы энеолита. Памятник расположен на левом берегу р. Сок у хут. Лебяжинка в Сергиевском районе Самарской области. Археологические раскопки проводились в 2013–2017 и 2021–2022 гг. Общая площадь раскопа составила 384 м². Некоторые результаты работ на памятнике, в том числе анализ керамического материала, получили освещение в литературе (Королёв, Шалапинин, 2016. С. 118–120; Королёв, Шалапинин, 2017. С. 71–91; Васильева и др., 2019. С. 28–42). На поселении полностью изучено одно сооружение и три — частично. Мощност культурных напластований достигала 100–120 см. Археологический материал распределялся по всей толще культурного слоя, однако крупные фрагменты и развалы сосудов фиксировались в его нижней части.

На поселении Лебяжинка VI обнаружены энеолитические материалы самарской, хвалынской культур типа Лебяжинка III, чекалинского типа и керамика с внутренним ребром. Первые три комплекса относятся к среднему энеолиту, оставшиеся два — к позднему. В небольшом количестве на памятнике присутствуют материалы неолита и эпохи бронзы.

Наиболее многочисленной является керамика с внутренним ребром. Она фиксировалась по всей площади раскопа. В развалах она залегала в заполнении жилищных котлованов и крупной хозяйственной ямы. Отдельные развалы сосудов находились за пределами сооружений.

Второй по численности являлась посуда чекалинского типа. Она залегала как отдельными фрагмента-

ми, так и развалами. Материалы указанного типа в основном располагались в восточной части раскопа, за пределами сооружения № 1, либо в его южной половине. В шести ямах, расположенных в границах указанного котлована, находились только фрагменты керамики указанного типа, что свидетельствует об активной строительной деятельности на площадке памятника в позднем энеолите.

Фрагменты керамики типа Лебяжинка III не образуют каких-либо скоплений, за исключением небольшого участка в юго-восточной части раскопа. В основном указанные материалы залегали в культурном слое вне котлованов либо в их пределах, вдоль бортов.

Керамика хвалынской и самарской культур встречается в небольшом количестве. Она залегала вне крупного котлована (сооружение № 1) либо в его заполнении вдоль бортов, в западной части изученной площади. В двух случаях фрагменты керамики хвалынской культуры обнаружены в заполнении хозяйственных или столбовых ям в пределах сооружения № 1. С самарской культурой связано частично исследованное сооружение, расположенное в юго-западной части раскопа.

Наличие на поселении Лебяжинка VI разновременных комплексов свидетельствует о неоднократном посещении площадки памятника, а также о строительной и хозяйственной деятельности в среднем и позднем энеолите.

Исследование выполнено за счет гранта РФ № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И. Н., Королёв А. И., Шалапинин А. А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка VI: морфология и технология // Моргунова Н. Л. (ред.) Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 28–42.

Королёв А. И., Шалапинин А. А. Группы энеолитической керамики поселения Лебяжинка VI в лесостепном Заволжье // Голдина Р. Д., Казанцева О. А., Лещинская Н. А.,

Перевозчикова С. А., Черных Е. М., Шапран И. Г., Широкова Н. Ф., Ютина Т. К. (ред.) Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 118–120.

Королёв А. И., Шалапинин А. А. Поселение Лебяжинка VI — памятник энеолита в лесостепном Поволжье // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 71–91.

DISTRIBUTION OF ENEOLITHIC POTTERY AT THE LEBYAZHINKA VI SITE IN THE SAMARA VOLGA REGION

A. I. Korolev, A. A. Shalapinin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

---

At the settlement of Lebyazhinka VI attributed to Eneolithic period, materials of the Samara, Khvalynsk cultural, Lebyazhinka III type, Chekalinsky type and ceramics with an inner edge were recorded. One

dwelling structure uncovered here was fully excavated, which contained ceramics with an inner edge. Vessels of other cultures and types were located outside the structure, or within its perimeter.

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ В ЖИЛИЩАХ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

А. И. Мурашкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

В последние десятилетия на баренцевоморском побережье остатки жилищ позднего неолита раскопаны на поселениях Усть-Дроздовка 3, Завалишина 5, Харловка 1–6. Благодаря сериям радиоуглеродных дат и наличию типологически датированных артефактов эти объекты считаются надежно датированными (Колпаков и др., 2020; Kolpakov et al., 2021; Helskog et al., 2023).

В нескольких жилищах были найдены мелкие фрагменты от небольшого количества сосудов. Сосуд из Харловки 1–6, к которому выявлено 32 фрагмента, относится к типу Палайгуба. В жилище 6 на Завалишина 5 обнаружено 27 фрагментов; 19 — от сосуда типа Палайгуба, восемь — типа Щельмой. Это указывает на повторное использование жилищной западины в раннем железном веке. Пять фрагментов из жилища 8 относятся к сосуду типа Палайгуба, из жилища 9 происходит один фрагмент с примесью асбеста.

При раскопках жилища 5 на Усть-Дроздовке 3 обнаружено 158 фрагментов от 10 сосудов. Среди них: один — Сяр 1 (вариант Чаваньга) (Киселёва, Колпаков,

2023), два — Ловозеро/Пасвик, четыре — Палайгуба, три — неопределенные. Посуда Сяр 1 свидетельствует об освоении площадки мыса в раннем неолите. Непосредственно с функционированием жилища связаны найденные в слое пола фрагменты двух сосудов типа Пасвик и Палайгуба. Для последнего характерен венчик с резким внутренним ребром, который считается чирковским влиянием (Жульников, 2022. Рис. 5). Часть фрагментов остальных сосудов найдена в отложениях, заполняющих жилищную западину; другая связана с примыкающей к жилищу с северной стороны раковинной кучей, которая начала формироваться раньше постройки и могла быть связана с другими жилищами.

Таким образом, на всех раскопанных памятниках с жилищами типа гресбакен на северном побережье Кольского полуострова присутствует посуда типа Палайгуба, бытовавшая в период 2800 (2500) — 1900 (1700) calBC (Nordqvist, 2018. P. 54–61). По всей видимости, некоторое время она сосуществует с типом Ловозеро/Пасвик, который датируется 2000–700 calBC (Мурашкин, Карпелан, 2013. С. 203).

ЛИТЕРАТУРА

Жульников А. М. О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 188–203.

Киселёва А. М., Колпаков Е. М. Керамика Сярайсни-еми 1 на Кольском Севере? // Археологические вести. 2023. Вып. 40. С. 44–56.

Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Древние жилища Восточной Лапландии — парадокс заполярной археологии // Питулько В. В., Фёдорова Н. В. (ред.). Археология Арктики. Вып. 7. Омск: Золотой тираж, 2020. С. 278–299.

Мурашкин А. И., Карпелан К. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Черленок Е. А., Бочкарёв В. С., Мурашкин А. И. (ред.). Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2013 г. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 200–207.

Helskog K. A., Hood B. C., Shumkin V. Ya. Dwelling forms and settlement patterns on Russia's Kola Peninsula Northern Coast, 2300–1500 calBC. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2023. (ISKOS, 26).

Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Kiseleva A. M., Shumkin V. Ya., Mannermaa K. Kharlovka 1–6 on the Kola Peninsula: One of the oldest Gressbakken house sites in northern Fennoscandia // Halinen P., Taivainen J. (eds.). Materiality and Objects: Multi-disciplinary Approaches to Archaeological Material and Contexts. Proceedings of the 15th Finnish-Russian Archaeological Symposium, Hämeenlinna, 10–11 October 2019. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2021. (ISKOS 24). P. 21–42.

Nordqvist K. The Stone Age of north-eastern Europe 5500–1800 calBC. Bridging the gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018. (Acta Universitatis Ouluensis B Humaniora; 160).

CERAMIC VESSELS IN THE LATE NEOLITHIC DWELLINGS OF THE KOLA PENINSULA

A. I. Murashkin

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

---

During excavations of dwelling remains at the Late Neolithic settlements of Ust-Drozdovka 3, Zavalishina 5, Kharlovka 1–6, a small number of ceramic sherds was found. The vessels of the Palayguba type were recorded in all three sites. Fragments of the Kjelmoj Ware recovered at

the Zavalishina 5 site indicate the re-occupation of the dwelling depression in the Early Iron Age. Sherds of Palayguba and Lovozero/Pasvik Ware were found at the dwelling bottom in Ust'-Drozdovka 3 site. This could evidence that the Palayguba and Pasvik ware may have coexisted for a period of time.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ НА ПОСЕЛЕНИИ ГАЛИК 11

М. А. Раззак, А. Ю. Городилов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Поселение Галик 11 расположено в нижнем Полужье, в юго-восточной части прибрежной зоны Финского залива, многократно заселялось на протяжении неолита — раннего железного века. При раскопках 2020 г. была выявлена жилая зона культуры сетчатой керамики эпохи бронзы, в пределах которой обнаружено около 90 % всей сетчатой керамики поселения.

Культура сетчатой керамики эпохи бронзы имеет огромный ареал распространения — от Финляндии и Восточной Прибалтики на западе до Среднего Поволжья на востоке. В западной части ареала известны десятки поселений, однако жилые зоны или жилища изучены единично. Ближайшим поселением, на котором выявлены остатки жилищ, является Усть-Рыбежна 2, расположенное в юго-восточном Приладожье. В ходе раскопок Н. Н. Гуриной были выявлены две ямы, интерпретированные как остатки полуземляночных жилищ. В Карелии жилища изучены на поселениях Келка 3, Елменкоски (раскопки М. Г. Косменко), Сямозеро 15 (раскопки А. М. Жульникова). Они имели наземную конструкцию, округлую, овальную или подпрямоугольную форму, размеры от 3 м в диаметре до 5×6 м.

Жилая зона на поселении Галик 11 выявлена на основании сочетания данных о распространении находок и характере вмещающих отложений. Ключевое значение имеет пространственное размещение фрагментов сетчатой керамики, поскольку они составляют подавляющее большинство находок. В пределах жилой зоны выявлен культурный слой, представленный серо-желтым и темно-серым гумусированным песком, два очага, серия хозяйственных ям.

В процессе проведения полевых исследований практически все фрагменты сетчатой керамики (более 3800) были зафиксированы по трем координатам. Однако информативность данного массива данных ограничена типологическим однообразием найденных сосудов — подавляющее большинство фрагментов являются обломками стенок сосудов с сетчатыми отпечатками без орнамента или иных отличительных признаков. В результате работы по выявлению сосудов удалось использовать только около 5 % от общего количества фраг-

ментов. На основании морфологии верхних частей выделяются не менее 42 сосудов. Они орнаментированы рядом ямок или отверстий под венчиком, имеют прямую или слабовыраженную S-видную профилировку; присутствуют сосуды средних (диаметром 27–40 см) и малых (диаметром 8–18 см) размеров. Все сосуды имеют примесь дресвы.

Анализ пространственного размещения керамики проводился на основе данных по распределению фрагментов выявленных сосудов; особенно учитывались данные по распределению подклеившихся обломков. В пределах жилой зоны выявлено несколько вариантов размещения фрагментов одного сосуда: 1) скопление фрагментов в виде развала; 2) скопление основной части фрагментов при наличии единичных удаленных на значительное расстояние фрагментов; 3) фрагменты значительно удалены друг от друга в пределах жилища планиграфически и стратиграфически; 4) фрагменты расположены во внутреннем пространстве жилой зоны и за его пределами.

В результате изучения пространственного распространения керамики в культурном слое вокруг очагов и в ямах в пределах жилой зоны было выявлено, что культурный слой практически на всю глубину (включая заполнение ям) и в плане значительно перемешан. Фрагменты от одного сосуда могут быть найдены на различных глубинах в культурном слое и в заполнении разных ям. Распределение керамики в пределах жилой зоны относительно однородное, варианты размещения сосудов не дают оснований для разделения комплекса на отдельные участки. Можно предположить, что функционирование всей территории жилой зоны происходило относительно одновременно. Предполагаем, что рассматриваемая жилая зона является остатками жилища. Однако ее размеры (около 10×12 м), значительно превышающие известные жилища культуры сетчатой керамики, и отсутствие выявленных при раскопках конструктивных элементов затрудняют реконструкцию его возможной формы.

Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственных заданий № FMZF-2022-0015 и FMZF-2022-0016.

SPATIAL DISTRIBUTION OF TEXTILE POTTERY AT THE SETTLEMENT OF GALIK 11

M. A. Razzak, A. Yu. Gorodilov

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

---

The settlement of Galik 11 is located in the lower Luga area. Excavations in 2020 revealed a residential area of the Bronze Age Textile pottery culture. Several vessels were identified, variants of spatial distri-

bution of fragments of one vessel were considered. The conclusion is made that the considered residential area was used at the same time, probably there was a dwelling here.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ КАМЕННОГО ВЕКА НА МНОГОСЛОЙНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Е. С. Яковлева

Центр историко-культурных исследований «Астра», Челябинск, Россия

Абсолютное большинство материалов каменного века Южного Зауралья происходит из многослойных памятников, и наблюдение за закономерностями планистратиграфического залегания артефактов несет в себе значительный ресурс для понимания внутренней хронологии и особенностей функционирования поселения или стоянки. Отмечая в целом нарушение целостности слоев и сильное смещение материала, можно, однако, отметить несколько важных моментов.

В большинстве случаев каменный век на исследуемых объектах представлен напластованиями раннего и позднего неолита и энеолита, причем многие из объектов памятника переиспользуются на протяжении указанных периодов. Более поздние напластования, как правило, четче отделены от нижележащих слоев, и диффузия одновременных артефактов между слоями существенно меньше. Напротив, домостроительная традиция каменного века, по-видимому, отмечена консервативностью на протяжении указанных эпох: слабоуглубленные сооружения последовательно накладываются одно на другое путем расчистки пола предшествовавшего жилища, затрудняя фиксацию уровней и контуров одновременных построек.

В такой ситуации керамика раннего неолита (или наиболее раннего этапа заселения площадки памятника) фиксируется преимущественно в переотложенном состоянии; отдельные фрагменты буквально втопты в материк, вероятно, маркируя в такой стратиграфической позиции исходное (или близкое к тому) положение разрушенного сосуда. Кера-

мика позднего неолита также залегает в выкидах из объектов и в состоянии, перемещенном по пространству памятника. В отдельных случаях для неолитических сосудов наблюдается «обратная стратиграфия», при которой целые развалы перемещены из заполнения объектов при их перестройке в вышележащие, более поздние слои.

Энеолитическая керамика, напротив, часто залегает в заполнении фиксируемых объектов, как отмечено выше, преимущественно переиспользованных после предшествующих эпох, нередко в развалах и скоплениях *in situ*. Многие из развалов тяготеют к очагам, если таковые имеются, к привходовой части жилищ, а также непосредственно к тамбурам.

Вместе с тем небезынтересно отметить, что фрагменты из смешанных слоев, несмотря на нарушение стратиграфического положения, сохраняют определенную логику распространения. Так, направления «связей» между частями разрушенных сосудов оконтуривают локализованные участки и, по-видимому, маркируют площадку основной жизнедеятельности. Также при сравнении планов для одновременной керамики видно, что площадь активно используемой территории памятника со временем разрастается.

Таким образом, работа с индивидуально зафиксированными фрагментами нео-энеолитической керамики на многослойных поселениях Южного Зауралья позволяет до определенной степени преодолеть изначальную поврежденность планистратиграфии памятника как источника и реконструировать отдельные аспекты обустройства жилых площадок эпохи камня.

SPATIAL ANALYSIS OF STONE AGE CERAMICS AT MULTI-LAYERED SITES OF THE SOUTHERN TRANS-URALS

E. S. Yakovleva

CIKI "Astra", Chelyabinsk, Russia

The paper is devoted to the spatial analysis of Stone Age ceramics at multi-layered sites of the Southern Trans-Urals with disturbed archaeological layers.

Spatial analysis of ceramic fragments distribution allowed identifying habitation areas at sites during different periods of time and patterns of vessels reuse.

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ИНСТАЛЛЯЦИИ С СОСУДАМИ В РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

О. В. Яншина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Как минимум в двух раннеголоценовых памятниках осиповской культуры найдены скопления керамики, происхождение которых, возможно, связано с ритуальной деятельностью человека. Как правило, они залегают за пределами площадок с жилищно-бытовыми отходами и содержат обломки сразу двух сосудов, изготовленных с разными примесями: грубой и тонкой. По несколько таких парных скоплений найдено на ст. Гончарка-1 (Шевкомуд, Яншина, 2012) и Новотроицкое-17 (Яншина, Косицына, 2019). В последнем случае интерес вызывает то, что эти парные скопления найдены в горизонте, перекрывающем осиповское жилище и, кроме них, других находок там почти нет.

Ближайшей, хотя и не вполне точной аналогией этим находкам являются ритуальные «захоронения» парных сосудов, найденные на юге Кюсю в синхронных или чуть более поздних памятниках (Pearson, 2006; Дмитруха, 2011). Наиболее известная находка сделана на ст. Уэнохара. Здесь на ритуальной площади были захоронены в яме два сосуда редкой для этого времени амфоровидной формы. Оба сосуда стояли вертикально, вплотную друг к другу, оба были украшены только в области шейки, но один из них — более крупный по размерам — имел квадратную горловину, а второй — круглую. Еще одним примером являются две пары ваз со ст. Дзего. Здесь захоронения ваз были разнесены в пространстве, но в общей планировке памятника все равно формировали две пары. В каждой паре сосуды различались по форме — одна более сложная, другая более простая — и по орнаменту, который также наносился только в области шейки и венчика.

Интересно, что дальнейшая археология культуры дзедмон полна иных примеров дуалистической организации социального пространства (Kobayashi, 2001), но связаны ли они с самыми ее первыми проявлениями, большой вопрос, так как в случае с сосудами имеется скорее намек на противопоставление мужского и женского начал (крупный и мелкий сосуды, квадратное и круглое устья, грубая и тонкая текстуры отощителя).

Поиск истоков данной традиции приводит нас к верхнепалеолитическим комплексам Забайкалья. Наиболее ранняя находка, демонстрирующая некий дуализм, обнаружена на ст. Коврижка IV (15,7–15,5 С¹⁴ тыс. л. н.) (Тетенькин и др., 2018). Здесь около очагов напротив друг друга залежали две антропоморфные фигурки, а в дугообразной обкладке жилища — три пары камней, состоящие каждая из окатанного валуна и неокатанной гнейсовой плитки. Такая же пара была уложена на поверхность центрального очага, после того как он был засыпан стерильным песком. Авторы работ связывают валуны и плитки с разными функциональными структурами стоянки, так как со стороны плитки около очага найдены орудия труда и фигурка, а со стороны валуна — дебитаж и микропластины.

Близкий по составу комплекс обнаружен на ст. Устья-Кяхта-17 (~ 11,5 С¹⁴ тыс. л. н.) (Ташак, 2005. С. 34–35, 59–60). Здесь среди остатков жилища на противоположных сторонах очага напротив друг друга залежали две гальки: одна с антропоморфными чертами, напоминающая тучные женские формы, другая стержневидная, символизирующая мужское начало. Сам очаг был также пересыпан стерильным песком.

Следующая группа близких по смыслу находок связана опять же со ст. Гончарка-1, где были найдены два комплекса с парными U-образными предметами, одним более крупным, вторым более мелким. В одном случае на их торцах были оформлены «глаза», «нос» и «рот», т.е. антропоморфные личины, а сами предметы залежали вплотную друг другу, но «лицами» в противоположные стороны. В другом случае предметы не имели личин и располагались в 30 см друг от друга по разные стороны обломков керамического сосуда.

Все перечисленные случаи различаются, но объединяет их, по-видимому, в разной мере выраженное противопоставление мужского и женского начал (размерами, цветом, формой, породой камня и т.п.) и инсталляция как особая форма ритуальной активности.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитруха И. В. Вазы начального дзедона на юге Кюсю // Бродянский Д. Л. (отв. ред.). Древности по обе стороны великого океана. Владивосток: ДВГУ, 2011. С. 78–108.

Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: БНЦ, 2005.

Тетькин А. В., Жмур О. В., Демонтьева Е. И., Канева Е. В., Сальная Н. В. Фигуры из бивня мамонта и знаково-символический контекст палеолитического жилища на стоянке Коврижка IV в низовье Витима // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 46 (4). С. 1–12.

Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб.: МАЭ РАН. 2012.

Яншина О. В., Косицына С. Ф. К вопросу о жилищах осиповской культуры // Записки Гродековского музея. Древняя история юга Дальнего Востока. 2019. Вып. 37. С. 181–201.

Kobayashi T. The duality of Jomon group structure // Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin. 2019. No. 19 (Melaka Papers; vol. 5). P. 22–29.

Pearson R. Jomon hot spot: Increasing sedentism in South-Western Japan in the Incipient Jomon (14000–9250 calBC) and the Earliest Jomon (9250–5300 calBC) periods // World Archaeology. 2006. Vol. 38 (2). P. 239–258.

EARLY HOLOCENE PAIRWISE INSTALLATIONS WITH VESSELS IN THE FAR EAST: PROBLEMS OF INTERPRETATION

O. V. Yanshina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russia

In this report we summarize Late Pleistocene — Early Holocen finds of pairwise installations that are likely to represent an opposition of male and female beginnings. Notably, all these cases reflect this opposition in different manner, either through the size, shape, color or kind of raw material. The earliest ones manifest it more clear-

ly since they are represented by more or less evident human depiction (ivory and stone figurines of different color, shape, size, etc.). The later vessels installations are less obvious in this respect and only hint at the male and female implications through the different kinds of temper, vessel size and shape.

**КЕРАМИКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
В ПЕРВОБЫТНОСТИ**

**POTTERY AND ARCHAEOLOGICAL CULTURES
IN PREHISTORY**

КЕРАМИКА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ЗАЙСАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИМОРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ВОДОПАДНОЕ-7)

И. В. Белова, Н. А. Ключев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Данная работа посвящена анализу керамического комплекса позднего неолита с поселения Водопадное-7, относящегося к малоизученному на сегодняшний день на территории Приморья юго-восточному варианту зайсановской культуры. Известные памятники этого варианта располагаются в юго-восточной части края: в долине р. Партизанской (Водопадное-7, Сопка Булочка, Сопка Большая, Перевал, Под Липами, У Дороги), а также на побережье (Евстафий-4). Данная группа памятников изначально была выделена по территориальному признаку, а также по определенным особенностям декора сосудов (горизонтальные пояски наклонных бороздок) (Яншина, Ключев, 2005). Но при этом исследователями не были достаточно четко определены признаки, характеризующие комплексы юго-восточного варианта. Это обусловлено в первую очередь отсутствием надежно документированных источников. В связи с этим раскопанное в 2016–2017 гг. поселение Водопадное-7 представляет особое значение как опорный памятник, материалы которого могут быть использованы при формировании типологиста юго-восточного варианта зайсановской культуры.

Водопадное-7 — двухслойный памятник. К позднему неолиту относятся остатки двух сооружений (Ключев, 2020). В керамической коллекции этого периода насчитывается не менее 52 сосудов. Посуда лепная, изготавливалась из формовочных масс с минеральной примесью (песок) кольцевым ленточным налепом. Все сосуды плоскодонные, основания округлые в плане. Выделено три основных типа сосудов:

тип 1 — высокие широкогорлые сосуды с короткой изогнутой горловиной, усложненным валиком венчиком, высокими слабопрофилированными плечиками и широким дном;

тип 2 — приземистые широкогорлые сосуды с короткой изогнутой горловиной, усложненным валиком венчиком, высокими слабопрофилированными плечиками и широким дном;

тип 3 — приземистые широкогорлые сосуды с короткой прямой горловиной, простым венчиком, высокими плечиками, имеющими резкий перегиб при переходе в тулово.

Декор наносился прочерчиванием, насеканием, а также накальванием.

Насеченный орнамент. Выполнялся короткими движениями заостренного инструмента. Насечки на-

носились на ребро налепного валика, расположенного чуть ниже кромки венчика.

Прочерченный орнамент. Наносился острой палочкой или гребенкой. Прочерчивание могло быть коротким и резким, образуя небольшие бороздки, либо выполнено долгим прямым протаскиванием, образуя линии. Гребенкой наносились короткие прямые и дугообразные прочесы.

Накольчатый орнамент. Выполнялся инструментом с округлым или овальным рабочим краем.

Прослеживается связь в орнаментации сосудов и их морфологии. Сосуды 1-го и 2-го типов имели две зоны нанесения декора: венчик и тулово. В зоне венчика орнамент наносился по кромке налепного валика. Декор на тулове располагался в верхней части сосуда, занимая примерно 1/2, но не более 2/3 от его высоты. У сосудов 3-го типа встречены только простые венчики, зоной орнаментации служила узкая полоса чуть ниже кромки венчика до линии перегиба.

Среди орнаментальных композиций на сосудах выделяются пять основных мотивов:

- 1) горизонтальные ряды косых бороздок (17 сосудов 1-го и 2-го типов) (см. рис.: 1–5);
- 2) чередующиеся горизонтальные ряды из разнонаправленных косых бороздок (восемь сосудов 1-го и 2-го типов) (см. рис.: 6–7);
- 3) горизонтальные ряды округлых и овальных оттисков (два сосуда 1-го или 2-го типа) (см. рис.: 22, 23);
- 4) дугообразные прочесы гребенки (один сосуд 1-го типа) (см. рис.: 16);
- 5) меандр (отмечен на 20 сосудах 3-го типа) (см. рис.: 8–15).

Кроме перечисленных вариантов орнаментов, у пяти сосудов 1-го и 2-го типов зафиксирован декор с вертикальной зональностью в расположении орнаментальных мотивов (см. рис.: 17–21).

Определенное своеобразие керамической коллекции поселения Водопадное-7 проявляется также в сочетании некоторых признаков характерных для приханкайского (горшковидная форма сосудов, орнаментация венчика налепным рассеченным валиком, наличие сосудов, орнаментированных меандром) и хасанского (наличие сосудов с вертикальной зональностью в расположении орнаментальных мотивов) вариантов зайсановской культуры.

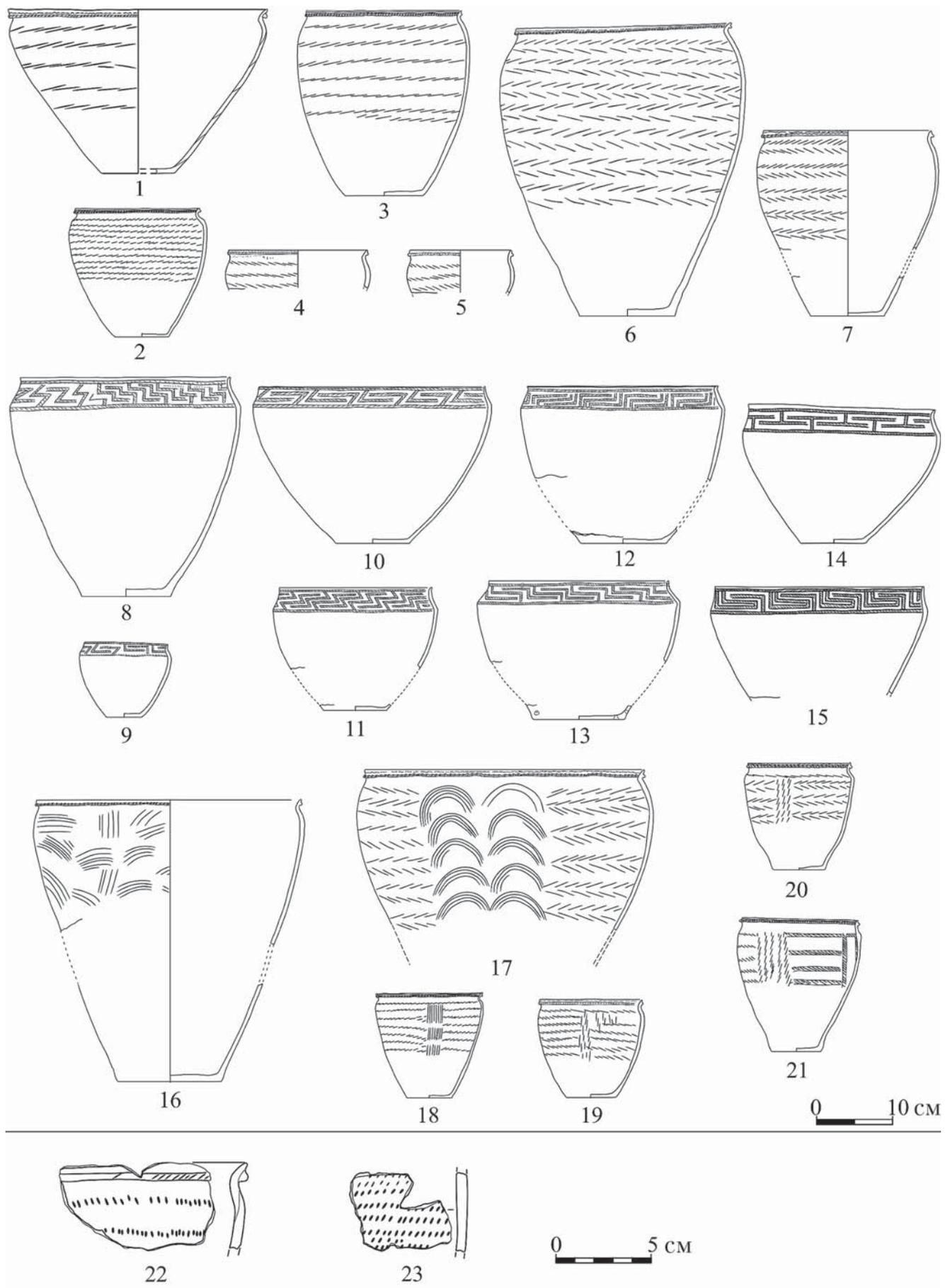

Рис. Сосуды позднего неолита поселения Водопадное-7

Fig. The Late Neolithic vessels from the Vodopadnoe-7 settlement

ЛИТЕРАТУРА

Клюев Н. А. Поздний неолит Южного Приморья (по материалам поселения Водопадное-7) // Деревянко А. П., Макаров Н. А., Мочалов О. Д. (отв. ред.). Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 151–152.

Яншина О. В., Клюев Н. А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Андреева Ж. В. (отв. ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–233.

CERAMICS OF THE SOUTHEASTERN VARIANT OF THE *ZAISANOVSKAYA* CULTURE IN PRIMORYE REGION (BASED ON MATERIALS FROM THE SETTLEMENT VODOPADNOE-7)

I. V. Belova, N. A. Kluyev

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East RAS, Vladivostok, Russia

---

This article is devoted to the analysis of the ceramic of the Late Neolithic complex from the settlement Vodopadnoe-7, which belongs to the southeastern variant of the *Zaysanovskaya* culture. This group of sites was initially identified on the basis of territoriality, as well as the

characteristics of the decoration of the vessels. But at the same time, researchers have not clearly defined the features characterizing the complexes of the southeastern variant. In this regard, the settlement of Vodopadnoe-7 is of particular importance as a reference monument.

КЕРАМИКА РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ: СВОЕОБРАЗИЕ ХРОНОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИИ

И. Н. Васильева¹, В. С. Мосин²

¹ Самарское археологическое общество, Самара, Россия

² Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

К настоящему времени в лесостепном Зауралье исследовано более 50 памятников с неолитическими слоями. Из них как минимум на двадцати в разное время и разными площадями проводились раскопки. Хронология памятников раннего неолита в лесостепном Зауралье имеет свои особенности и некоторые отличия от хронологии памятников лесной зоны. На поселении Ташково 1 для периода раннего неолита получено семь дат, самая ранняя из них — по углю из жилища — 7440 ± 60 (Le-1534) — $6377-6250$ calBC, т.е. третья четверть VII тыс. до н.э., что соответствует ранним датам лесной зоны. Такой ранней даты пока нет ни на одном из памятников зауральской лесостепи. В лесостепи Зауралья население козловской традиции появляется в начале VI тыс. до н.э. на поселении Ташково 1. Кошкинские материалы имеют более поздние даты — второй половины VI тыс. до н.э. На поселениях лесостепи керамика раннего неолита сосуществует параллельно с поздненеолитической довольно длительный промежуток времени, что вызывает сомнения.

Гончарная технология ранненеолитического населения лесостепного Зауралья изучалась в рамках историко-культурного подхода по методике А. А. Бобринского (бинокулярная микроскопия, трасология, эксперимент). Источниковой базой послужили в основном керамические коллекции поселений Кочегарово I и Ташково I с привлечением материалов других стоянок. В результате анализа были выявлены как общие черты, так и специфика гончарных традиций разных культурных групп населения. К общим можно отнести следующие: изготовление бытовой посуды в рамках домашних производств, не оснащенных гончарным кругом и специализированными обжиговыми устройствами; применение лоскутного налёпа; использование форм-моделей и выбивания; простое заглаживание и уплотнение поверхностей изделий; обжиг — низкотемпературный (преимущественно в восстановительной газовой среде) с кратковременной выдержкой при высоких температурах (кожровой или очажный). Определенная специфика была обнаруже-

на при изучении представлений гончаров об исходном пластичном сырье (ИПС) и традиций составления формовочных масс (ФМ).

Кошкинская культурная традиция. Гончарная технология включает массовые навыки труда: изготовление сосудов с плоским и округлым дном; стопроцентное распространение взглядов гончаров на илестые глины как на исходное пластичное сырье для изготовления бытовой посуды и составление ФМ с органическим раствором (ОР) и шамотом (в таких концентрациях, что ИПС выполняло функцию основного сырья — протогончарное производство А2).

Козловская культурная традиция. Совокупность массовых гончарных приемов: производство сосудов округло-приостренной формы; существование представлений об илестых глинах и сырье типа Ил-ИГ (переходный вид сырья от илов к илестым глинам) как моносырье (протогончарное производство А1), а также об илестых глинах и природных глинах как основном сырье; выявлены различные искусственные примеси (ОР, шамот, тальк).

Изучение ранненеолитического гончарства любого региона связано с необходимостью рассмотрения проблемы происхождения гончарства. Мы подходим к ее разработке исключительно с позиции гончарной технологии. Основой для интерпретации данных является гипотеза А. А. Бобринского о происхождении гончарства. Предварительные выводы: 1. Кошкинское гончарное производство было связано с культурно-исторической зоной раннего гончарства, основанного на илах (учитывая выявленный по материалам Поволжья факт эволюции представлений о ИПС по линии: илы — илестые глины — глины). Оно аналогично елшанским гончарным традициям в Поволжье и появилось в лесостепном Зауралье уже на более высоком уровне эволюционного развития, ранние же этапы его формирования находились за пределами зауральского региона. 2. Зарождение козловских гончарных производств могло иметь самостоятельный автохтонный характер.

EARLY NEOLITHIC CERAMICS OF THE FOREST-STEPPE TRANS-URALS: ORIGINALITY OF CHRONOLOGY AND TECHNOLOGY

I. N. Vasilyeva¹, V. S. Mosin²

¹ *Samara Archaeological Society, Samara, Russia*

² *Institute of History and Archeology of the Ural Branch RAS, Yekaterinburg, Russia*

Studies have shown that Koshkino pottery production was associated with the cultural and historical zone of early pottery; the early stages of its formation were located outside the Trans-Ural region. The origin of the Kozlovo pottery traditions could have had

an independent autochthonous character. In the Trans-Urals, the population of the Kozlovo tradition appears at the beginning of the 6th millennium BC. Koshkino materials have later dates of the second half of the 6th millennium BC.

ФАТЬЯНОВСКАЯ КУЛЬТУРА ИЛИ ФАТЬЯНОВСКО-БАЛАНОВСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ?

Е. В. Волкова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Цель данного доклада — показать, что фатьяновская и балановская общности являются разными археологическими культурами. Во второй половине XX в. у исследователей сформировались две основных точки зрения: фатьяновцы и балановцы — это одна культура (А. Я. Брюсов, П. М. Кожин, П. Д. Степанов, Д. А. Крайнов, О. С. Гадзяцкая и др.) и это разные культуры (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков и Е. А. Халикова, П. Н. Третьяков, М. С. Акимова, Е. В. Волкова, Б. С. Соловьёв и др.). В последнее время вновь проявился интерес к истории фатьяновских племен. Это связано с активным изучением племен шнуровой керамики, внедрением в науку новых радиоуглеродных датировок и появлением анализов древних ДНК, в том числе и по фатьяновским памятникам.

В соответствии с представлениями наших зарубежных коллег, племена ямной культуры двинулись на запад и смешались с европейскими «фермерами», образовав многочисленные культуры шнуровой керамики Западной Европы. Немного позднее некоторые из них двинулись опять на восток, оставив после себя среднеднепровскую и фатьяновскую культуры. В этой схеме фатьяновская культура неотделима от балановской (Л. Сааг, К. Нордквист, В. Хейд, С. Пенске). Однако для балановской культуры пока отсутствуют новые радиоуглеродные даты и анализы ДНК. В то же время не все исследователи (например, Н. А. Кренке, А. А. Клёсов, А. В. Энговатова и др.) признают участие ямных племен в сложении культур шнуровой керамики, хотя тоже не отделяют фатьяновцев от балановцев. В настоящее время только Б. С. Соловьёв отстаивает мнение о существовании отдельной балановской культуры (Соловьёв и др., 2023. С. 87–89).

В связи с этой дискуссией приведу аргументы в пользу своего мнения о том, что фатьяновскую и балановскую группы населения нельзя относить к одной археологической культуре.

Для этого сравним гончарные традиции населения обеих культур.

1. При отборе исходного сырья фатьяновские гончары предпочитали сильноожеженые глины, а балановские часто использовали нежеженую и слабоожеженую глину.

2. В формовочных массах фатьяновской посуды зафиксированы три рецепта: глина + выжимка из навоза + шамот, глина + выжимка из навоза + дресва и глина + выжимка из навоза + шамот + дресва. У балановцев имеется только один рецепт: глина + выжимка из навоза + шамот.

3. У фатьяновцев был распространен донно-емкостный начин. У балановцев (по последним данным) кроме донно-емкостного начина присутствовал также емкостный начин (Волкова, 2023. С. 50). Поскольку изготовление начина относится к субстратным навыкам труда, это указывает на глубокие культурные различия этих групп населения.

4. Все остальные технологические гончарные традиции практически неразличимы.

5. По морфологическим традициям балановские сосуды отличаются от фатьяновских благодаря смешению балановского и атликасинского населения. Особенно ярко это проявляется в появлении атликасинских орнаментальных образов на балановских сосудах (Волкова, 2018. С. 190–191).

Поскольку какая-то часть балановско-атликасинского населения продвигалась на запад и смешивалась с родственными фатьяновским, следы его пребывания (в частности, керамика) фиксируются на многих памятниках ярославской, ивановской и московской локальных групп фатьяновской культуры.

Теперь обратимся к вопросу о происхождении этих культур. Происхождение фатьяновцев можно связывать со среднеднепровскими и жуцевскими племенами шнуровой керамики. Но этого нельзя сказать о балановцах, у которых полностью отсутствует шнуровой орнамент на сосудах и нет кубков, что является важным маркером шнуровых культур. Общий прародитель фатьяновцев и балановцев располагался где-то глубже, но это не была ямная культура. Пути этих скотоводов-мигрантов, создавших фатьяновскую и балановскую культуры, также были различны: на Верхнюю Волгу одни пришли с юга и запада, а другие — на Среднюю Волгу — вероятно, с юго-востока.

Все это склоняет к тому, чтобы рассматривать фатьяновскую и балановскую группы населения как разные, хотя и родственные археологические культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Волкова Е. В. Анализ форм и орнамента сосудов Балановского могильника // Цетлин Ю. Б. (отв. ред.). Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: ИА РАН, 2018. С. 180–191.

Волкова Е. В. Систематизация приемов лоскутного налета // РА. 2023. № 1. С. 41–53.

Соловьёв Б. С., Кожин П. М., Михайлов Е. П. Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья. Чебоксары: ЧГИГН, 2023.

THE FATYANOVO CULTURE OR THE FATYANOVO AND BALANOVO RELATED CULTURES?

E. V. Volkova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

The purpose of the paper is to show that though related the Fatyanovo and Balanovo archaeological cultures are different. The author bases her work on a comparative analysis of the Fatyanovo and Balano-

vo pottery traditions. The most important in this sense is difference in the ways of constructing a vessel, which indicates the deep cultural differences of the population under study.

КЕРАМИКА ПОЗДНЕГО ЭТАПА ОРЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ АЛГАЙ: ТИПОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ

Ф. Ф. Гилязов¹, А. А. Выборнов¹, И. Н. Васильева², М. А. Кулькова³

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

² Самарское археологическое общество, Самара, Россия

³ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

В Нижнем Поволжье при переходе от позднего неолита к раннему энеолиту происходит смена орловской культуры на прикаспийскую. С этим процессом связано много вопросов, которые ждут своего исследования. В данной работе будет представлена характеристика керамического инвентаря орловской культуры стоянки Алгай, которая залегала во всех раскопах в верхних штыках. Иначе говоря, она является наиболее поздней внутри орловской культуры.

Плоскодонные сосуды имеют разную толщину в зависимости от размеров емкостей. Доминирующими являются прямые верхние части, профилированные формы встречаются реже, но их почти нет у более ранних образцов. Преобладают срезы венчиков округлой формы, в меньшем числе — скошенные внутрь и мало плоских. На определенной их части нанесены насечки или вдавления. Чаще, чем раньше, стали встречаться украшения и внутреннего пространства ниже венчика. Особенно это присуще сосудам, у которых на внутренней стороне присутствует наплыв. Он либо короткий и овальный, либо широкий и плоский. Именно для последней разновидности и характерен орнамент. На тулове некоторых сосудов есть круглые сверлины. Узоры редко охватывают все тулово горшка. Преимущественно это верхняя его часть, редко до середины. Превалирующей является техника нанесения узоров в отступающей манере наколами. Преобладают вдавления округлой формы, но развиты и треугольные, чаще распространенные в более ранний период. Значительно реже употреблялись прямые прочерки, доля которых ранее была выше. Орнаментальные композиции делятся на сложные и простые. Последние схемы являются ведущими. Это горизонтальные ряды; горизонтальные зигзаги; сочетание горизонтальных и наклонных рядов; комбинация горизонтальных рядов и горизонтальных зигзагов. Из первых можно отметить ромбы и косую решетку (Выборнов и др., 2021; Выборнов и др., 2022; Гилязов и др., 2023).

Кроме типологических признаков, весьма значимы и технологические. Из коллекции керамики раскопок 2020–2023 гг., где доминировали слои с материалами позд-

него периода, к технико-технологическому анализу было привлечено 66 образцов (венчики, придонные части и орнаментированные стенки от разных сосудов). Результаты анализа выявили использование трех видов сырья для их изготовления: илов, илстых глин и глин. Из 66 образцов лишь пять изготовлено из илов, которые характерны для раннего этапа. Подавляющее большинство (52 экз.) сделано из илстой глины. Но выявлено и девять сосудов из природных глин. При этом использовалось только «жирное» сырье (слабозапесоченное и незапесоченное). Зафиксирована определенная зависимость рецептуры формовочных масс от вида сырья: илы, как правило, использовались только с добавкой органического раствора, к илстым глинам и глинам добавляли дробленую раковину и органический раствор. В некоторых случаях можно предполагать наличие в илстых глинах раковины естественного происхождения. Сосуды изготавливались лоскутным налепом. Формообразование, по-видимому, производилось в формах-моделях и с помощью приема выбивания. Способы обработки поверхностей: простое заглаживание и уплотнение гладкими предметами. Уплотнение осуществлялось по увлажненной поверхности очень тщательно. Ему подвергались как внешняя, так и внутренняя поверхности, иногда до блеска (Васильева и др., 2023. С. 137–150).

Что касается хронологической позиции керамического комплекса позднего этапа орловской культуры на данном памятнике, то она устанавливается с помощью серии радиоуглеродных дат. Они получены по различным органическим материалам, преимущественно по костям и углю. Нижняя граница этих материалов фиксируется порядка 6500–6400 лет BP, а верхняя — около 6200–6100 лет BP (Vybornov et al., 2022).

Следующим этапом работы будет сравнительный анализ полученных результатов с комплексами прикаспийской культуры.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 24-28-00103.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И. Н., Дога Н. С., Гилязов Ф. Ф. Новые данные о неолитическом гончарстве Нижнего Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2023. Т. 5, № 1. С. 137–150.

Выборнов А. А., Васильева И. Н., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Кулькова М. А., Платонов В. И., Попов А. С., Рослякова Н. В., Юдин А. И. Изучение стоянки Алгай в степном Поволжье в 2021 году // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 3. С. 131–151.

Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Попов А. С., Юдин А. И., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Рослякова Н. В., Косинцев П. А. Результаты раскопок стоянки

Алгай в 2020 году в степном Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2021. Т. 3, № 2. С. 100–121.

Гилязов Ф. Ф., Василенко А. А., Сурина Е. О. Результаты изучения стоянки Алгай в Нижнем Поволжье в 2022 году // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 2. С. 119–126.

Vybornov A. A., Giljazov F. F., Doga N. S., Kulkova M. A., Philippsen B. The chronology of Neolithic-Eneolithic in the steppe zone of the Volga basin // Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations. 2022. Vol. 27, no. 3. P. 6–15.

CERAMICS OF THE LATE STAGE OF THE ORYOL CULTURE ACCORDING TO MATERIALS FROM THE ALGAI SITE: TYPOLOGY, TECHNOLOGY, CHRONOLOGY

F. F. Gilyazov¹, A. A. Vybornov¹, I. N. Vasilieva², M. A. Kulkova³

¹ Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

² Samara Archaeological Society, Samara, Russia

³ Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

---

This paper will present the characteristics of pottery of the late stage of the Oryol culture. Materials from the upper part of the cultural layer of the Algai site, which present the latest stage of the Oryol culture, were ana-

lyzed considering typological and technological aspects. The chronology of the pottery was evaluated with the series of radiocarbon dates.

КЕРАМИКА С «ТЕКСТИЛЬНЫМИ ОТПЕЧАТКАМИ» И СЕТЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ III–II тыс. до н.э. В РЕГИОНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И В ЮЖНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

Т. М. Гусенцова

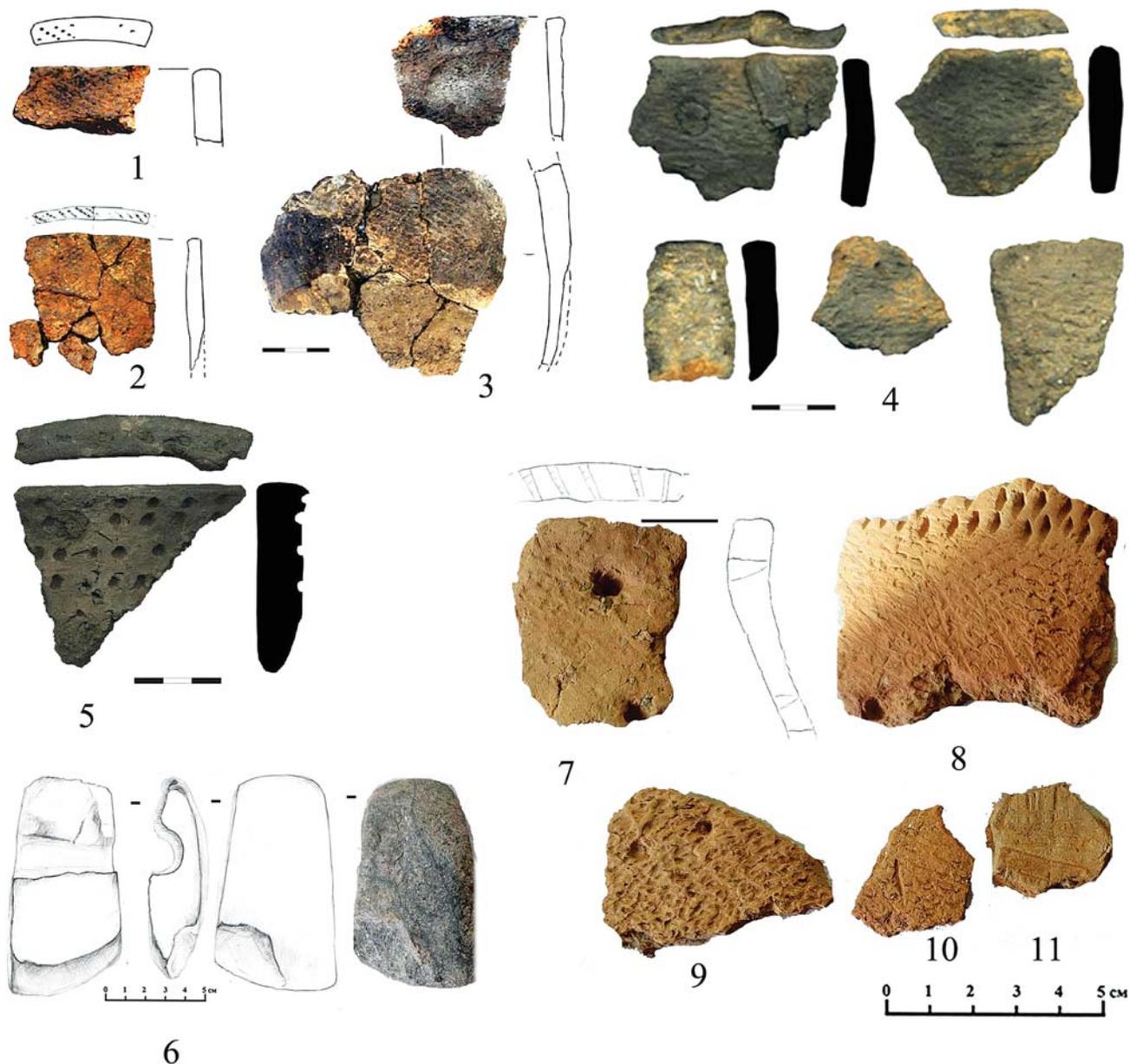
НИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербург, Россия

В коллекциях ряда памятников эпох камня и раннего металла региона Санкт-Петербурга и Южного Приладожья присутствуют немногочисленные сосуды с отпечатками «текстиля» и сетки. Четыре сосуда с «текстильными отпечатками» были найдены в пределах практически одного из участков культурного слоя на памятнике Охта 1 в Санкт-Петербурге. Для орнаментации посуды использовались не только отпечатки текстиля, но и штампы. Сосуды имеют прямые стенки и прямой или слегка отогнутый наружу венчик, плоское дно. Толщина стенок 1–1,2 см. В качестве отощителя в состав глиняного теста для изготовления этой керамики добавлялся шамот (дробленая керамика) (Кулькова, Гусенцова, 2012). Внешняя и внутренняя поверхности сосудов орнаментированы широкими оттисками гребенчатого штампа, нанесенными поверх отпечатков ткани. Срез венчика также украшен оттисками штампа (см. рис.: 1–3). Керамика аналогична ранней текстильной посуде эстонских памятников Лоона, Акали, Кулламяги, датированных AMS-методом 2900–2600 гг. до н.э. (Крийска, Лавенто, 2007. С. 246). Для датировки сосудов с «текстильными отпечатками» Охта 1 имеют значение находки на памятнике шнуровой керамики (Сорокин и др., 2011). Традиция шнуровой керамики проникает в восточную часть побережья Финского залива в III тыс. до н.э. Ее абсолютные даты в Эстонии укладываются в период около 2800–2100 гг. до н.э. (Крийска, Нордквист, 2021). На территории Финляндии и Карельского перешейка период бытования шнуровой керамики относится к периоду 2800–2300 (2000) гг. до н.э. (Nordqvist, 2018. P. 58). Возможно, посуда с «текстильными отпечатками» Охта 1 может быть датирована временем первой половины — середины III тыс. до н.э.

К типу ранней керамики с «текстильными отпечатками» относится единственный сосуд, найденный на торфяниковой стоянке Подолье 1, расположенной в бассейне р. Лава — Южном Приладожье (Гусенцова, Холкина, 2015). Сосуд имеет непрофилированный венчик и прямые стенки толщиной 1–1,1 см (см. рис.: 4). Примесь в глиняном тесте служила дробленая раковина пресноводных моллюсков, характерная для значительной части посуды памятника. Внешняя поверхность горшка покрыта отпечатками мелкого «текстиля» без какой-либо орна-

ментации. На срезе венчика прослеживается ряд мелких поверхностных отпечатков типа насечек. Сосуд носит следы починки или подвешивания (?) полоской скрученной бересты, продетой в просверленное отверстие под венчиком (см. рис.: 4). Отсутствие профилировки и следов орнаментации не позволяет подыскать сосуду конкретные аналогии. Лишь еще на одном сосуде памятника Подолье 1 прослеживается прием починки берестой под венчиком. Сосуд с частично выгоревшей органической примесью украшен небольшими круглыми ямками с внешней стороны и слабыми отпечатками круглого штампа или полого стебля растения на срезе венчика (см. рис.: 5). Радиоуглеродные даты керамики с органической примесью Подолья 1 относятся к концу IV — первой половине III тыс. до н.э. (Гусенцова, Кулькова, 2016).

В Южном Приладожье сетчатая керамика найдена автором при раскопках в конце 1990-х гг. памятников эпох неолита — раннего металла на р. Шокша, вытекающей из оз. Шокшозера и впадающей в р. Оянт. Наибольшее количество посуды с сетчатым орнаментом выявлено на стоянке Шокша 4 (около 30 фрагментов), три фрагмента — на стоянке Шокшозера 1 и небольшое скопление фрагментов происходит из разведочного шурфа стоянки Шокша 6. Керамика с примесью в глиняном тесте мелкого песка и дресвы, толщина стенок 6–7 мм. Сохранившийся венчик сосуда слабо профилированный. Под венчиком и внизу на стенке нанесены ямочки конической формы. На внешней стороне слабые отпечатки сетки. Срез венчика украшен штампом (см. рис.: 7). Стенки сосудов, помимо отпечатков сетки, орнаментированы рядами узких овальных ямок (см. рис.: 8), круглых, почти сквозных ямок и мелких поверхностных ямочек (см. рис.: 8–10). Внутренняя поверхность на нескольких фрагментах имеет характерные полосы заглаживания (см. рис.: 11). Посуда стоянок бассейна Шокша находит аналогии на памятниках середины — второй половины II тыс. до н.э. Южного Приладожья и сопредельной территории Карелии (Юшкова, 2015. С. 314–315). На берегу р. Шокша вблизи памятника Шокшозера 1 была найдена половина сланцевого топора со сквозным отверстием и прямоугольным сечением, который сходен с орудиями, характерными для культуры сетчатой керамики региона.

Рис. Сосуды с «текстильными отпечатками»: 1–3—Охта 1; 4—Подолье 1; 5—фрагмент сосуда со следами «починки» и ямочным орнаментом, Подолье 1; 6—каменный топор; 7–11—фрагменты сосудов с отпечатками сетки, Шокша 4

Fig. Vessels with “textile imprints”: 1–3—Okhta 1; 4—Podolye 1; 5—fragment of a vessel with traces of “repairing” and pit ornamentation, Podolye 1; 6—stone axe; 7–11—fragments of vessels with net decoration, Shoksha 4

ЛИТЕРАТУРА

Гусенцова Т. М., Кулькова М. А. Радиоуглеродное датирование стоянок Подолье 1, 3 (Южное Приладожье), Сосновая гора 1 (восточное побережье Финского залива) // Зайцева Г. И., Лозовская О. В., Выборнов А. А., Мазуркевич А. Н. (сост.). Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: колл. моногр. Смоленск: Свиток, 2016. С. 388–396.

Гусенцова Т. М., Холкина М. А. Анализ технологии керамики эпохи неолита—раннего металла в регио-

не Санкт-Петербурга и Южном Приладожье // Хлопачев Г. А. (ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 218–226.

Крийска А., Лавенто М. «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах сосудов с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) // Зайцева Г. И., Кулькова М. А. (ред.). Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических

исследованиях: Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (Санкт-Петербург, 9–12 апреля 2007 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 243–250.

Крийска А., Нордквист К. Эстонская культура шнуровой керамики (2800–2000 кал. лет до н.э.) // Черных И. Н. (ред.). Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: Триада, 2021. С. 56–71.

Кулькова М. А., Гусенцова Т. М. Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита — раннего металла на поселении Охта-1 в Санкт-Петербурге // Васильев С. А., Шумкин В. Я. (ред.). Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН; МАЭ РАН, 2012. С. 200–206.

Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Гукин В. Д. Находки эпохи бронзы — раннего средневековья на Охтинском мысу // Мачинский Д. А. (отв. ред.). Европейская Сарматия. XIV чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 368–382.

Юшкова М. А. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Хлопачев Г. А. (отв. ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 278–315.

Nordqvist K. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 calBC. Bridging the gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018. (Acta Universitatis Ouluensis; B 160).

THE CERAMICS WITH “TEXTILE IMPRINTS” AND NET DECORATION IN THE REGION OF ST. PETERSBURG AND SOUTHERN LADOGA LAKE BASIN

T. M. Gusentsova

Scientific and Research Institute for Cultural and Natural Heritage, St. Petersburg, Russia

This research was devoted to a rare type of pottery with “textile prints” and net decoration that was found in the region of St. Petersburg and the Southern Ladoga Lake basin. Four vessels with “textile prints” were found in the Okhta 1 site in the center of St. Petersburg. The vessels ornamented with wide prints made with a comb stamp or textile material. Clay was tempered with grog. One vessel decorated with textile prints without additional ornamenta-

tion was found in the Podolie 1 site in the Southern Ladoga Lake region. The clay mass contains shell temper. These ceramics have analogies to the early textile pottery from Estonia and were dated back to the first half of 3rd millennium ka BC. Pottery decorated by net, pits, or small oval imprints was found on the sites in the Shoksha and Oyat’ rivers catchment. This pottery belongs to the Bronze Age, the middle — the second half of the 2nd millennium ka BC.

ГОНЧАРНОЕ ремесло в судьбе лепной керамики (по материалам хуннской посуды)

О. В. Дьякова

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия

Взаимодействие и взаимовлияние ремесленного гончарства и производства лепной посуды в древних и средневековых археологических культурах Евразии происходило по-разному. Классический эволюционный путь от лепной к круговой керамике характерен лишь для небольшого числа культур. Примером этому служит гончарство древнего и средневекового Китая, где лепная керамика при появлении технических приспособлений в виде круга не утрачивала свои исконные традиции, не вытеснялась, а постепенно переходила на новый технологический уровень, при этом активно заимствуя инородные (чужие) формы керамических изделий, декор. В кочевых культурах Евразии при взаимодействии с государственными образованиями, как правило, ручное аборигенное гончарство замещалось чужеродным ремесленным производством. Гончарство культуры хунну не исключение. Анализ сероглиняной керамики хуннских комплексов Забайкалья позволяет вернуться к вопросу о происхождении и формировании гончарных традиций данной культуры. Две традиции, представленные двумя группами керамики, безусловно, имеют разные истоки. Ремесленная традиция, связанная с сероглиняной керамикой, является естественным продолжением гончарства эпохи Хань. Достаточно оче-

видно это прослеживается по материалам памятников Западной Хань, датируемых I в. до н.э. Прямое сходство наблюдается между сосудами «ху» Западной Хань и вазами хунну. Главным различием является техника исполнения: крашенные рисунки заменяются лощением. Технично-технологическая характеристика сосудов «ху» полностью соответствует данным сероглиняной керамики хуннов. Ремесленная традиция, связанная с сероглиняной керамикой, своими истоками уходит в гончарство Хань, где она вызрела, и уже в готовом виде, со своей технологией и отчасти формами и декором появилась у хунну, когда возникла необходимость в создании собственных производственных отраслей. Метаморфоза, случившаяся с хуннским гончарством, представленным горшковидными сосудами с ребристой поверхностью, имеющими глубоко местные корни (Коновалов, 1976. С. 193–198; Давыдова, 1985. С. 111; Дьякова, 1993. С. 264–276) и известными как «хуннские», показывает, что древняя местная традиция практически оказалась замещена ремесленной. При этом инородное ремесленное гончарство активно реагировало на запросы хуннского населения и копировало традиционные хуннские формы сосудов и декор, но конструировало посуду по своей традиционной технологии.

ЛИТЕРАТУРА

Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.

Дьякова О. В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976.

POTTERY IN THE FATE OF STUCCO CERAMICS (BASED ON THE MATERIALS OF THE HUNNIC WARE)

O. V. Dyakova

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far Eastern Branch RAS, Vladivostok, Russia

The report is devoted to the problem of substitution (displacement) of hand pottery in the Xiongnu culture for an alien craft. Two groups of ceramics have been identified in the Xiongnu culture. In the first group, Hunnic (aboriginal) traditions are preserved in the form of products, in the form of embossed with grooved waffle decoration, manual smoothing of surfaces, oxidative firing mode, and the absence of tamgo-like signs. At the same time, they are made on the basis of a foreign circular technology: spi-

ral-plaited adhesive, with an imprint on the bottom of the vessels of a square impression of the axis of the circle. Consequently, foreign handicraft pottery took into account the traditional demands of the Hunnic population, but at the same time there was a substitution of their own Hunnic pottery for handicraft production. The second group (gray clay tableware) in terms of technical and technological characteristics fully corresponds to ceramics, which has its origins in Han pottery.

КЕРАМИКА С ГРЕБЕНЧАТОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ В НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ БАССЕЙНА ВЕРХНЕГО ДНЕПРА

И. Н. Езепенко, О. В. Вороненко

Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Одно из первых упоминаний о неолитической керамике с гребенчатым орнаментом в бассейне верхнего Днепра относится ко второй половине 1920-х гг. К. М. Поликарпович предпринял первую попытку классификации неолитической керамики со стоянок нижнего и среднего Посожья и доминирующей на памятниках этого региона признавал культуру керамики с чеканно-зубчатым (гребенчатым) орнаментом. Аналогии для данного типа орнаментации исследователь находил на территории Смоленщины, Новгородчины (Бологовская стоянка), Черниговщины, Изюмщины, Виленщины, Восточной Пруссии и Аландских островов (Палікарповіч, 1928. С. 131–132).

В 1950–1960-х гг. на исследованных неолитических стоянках Рогачёвского микрорегиона Гомельской области — Ивенское, Борок, Борок Семиновский, Сосонка, Завалье (Узвалье) в окрестностях деревни Лучин — И. И. Артёменко была также выявлена керамика с гребенчатой орнаментом. Для стоянки Сосонка приводятся данные о том, что в орнаментации сосудов преобладают отпечатки гребенки и они составляют 42% от всей керамики поселения (1200 фрагментов) (Артёменко, 1964. С. 112). В материалах раскопок 1963–1964 гг. синхронной по времени позднелитической стоянки Стрелица Ветковского района Гомельской области также преобладает керамика, декорированная оттисками гребенчатого штампа: из 7089 фрагментов неолитических сосудов 2370 (34%) украшены гребенчатым орнаментом (Артёменко, Тюрина, 1966. С. 39, 41).

Эти стоянки верховьев Днепра и бассейна Сожа во второй половине 1960-х гг. были включены в ареал верхнеднепровской неолитической культуры. Десять стоянок характеризуют ранний этап, для позднего фиксируется более 100 памятников, из которых 15 раскапывались (Тюрина, 1970. С. 45). «По типу орнамента керамика позднелитических поселений делится на несколько групп и к первой группе отнесены фрагменты сосудов, украшенные оттисками гребенки»

и они «составляют от 35 до 70% от общего числа фрагментов» (Тюрина, 1970. С. 47–48).

Неолитические стоянки нижней Припяти, которые также входят в бассейн верхнего Днепра (исследованы В. Ф. Исаенко в первой половине 1960-х гг.), представлены выразительными керамическими комплексами восточно-полесского варианта днепро-донецкой культуры. Наряду с накольчатой орнаментацией не менее многочисленной в коллекциях этих памятников является посуда с гребенчатыми отпечатками: Юровичи 3 (Литвин 1) — 18%, Юровичи 4 (Литвин 2) — 26%, Юровичи 5 (Литвин 3) — 32% (Исаенко, 1997. С. 138–140).

Новый этап в изучении неолитических стоянок верхнеднепровской культуры затрагивает 1972–1983 гг. За тот период было исследовано 14 стоянок эпохи неолита и бронзового века в бассейне Сожа. По мнению А. Г. Калечиц, «преобладающим элементом орнамента на позднелитических сосудах Посожья были оттиски гребенчатого штампа (от 30 до 60%)» (Калечиц, 1987. С. 106). Взаимосвязь между гребенчатой орнаментацией керамики (элементы, мотивы и композиции) и морфологией сосудов прослеживалась в верхнеднепровской культуре весьма фрагментарно.

В восточно-полесском варианте днепро-донецкой культуры в последнее десятилетие графически восстановлены формы и полные орнаментальные композиции от зоны венчика до придонной части (Езепенко, 2019. С. 139). Помимо типологических характеристик, удалось получить радиоуглеродные датировки для фрагментов сосудов с гребенчатой орнаментацией (Язепенко, 2014. С. 224–225, 236).

Широкие аналогии для сосудов бассейна верхнего Днепра, особенно орнаментированных крупными оттисками длинной гребенки, присутствуют на неолитических памятниках бассейна Западной Двины в Смоленской области «типа слоя В Сертеи VIII и X», Среднего Поднепровья (Бузьки) на Черкащине и на третьем этапе верхневолжской культуры (Сахтышские стоянки) Ивановской области.

ЛИТЕРАТУРА

Артёменко И. И. Неолитическое поселение в урочище Сосонка // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 111–115.

Артёменко И. И., Тюрина И. М. Неолитическое поселение в урочище Стрелица // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 38–43.

Езепенко И. Н. Родственные неолитические культуры днепро-донецкой общности Верхнего Поднепровья // Самарский научный вестник. 2019. № 3. С. 136–143.

Исаенка У. Ф. Днепра-данецкая культура // Археологія Беларусі: у 4 т. / Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / М. М. Чарняўскі, А. Г. Калечыц (ред.). Мінск: Беларуская навука, 1997. С. 127–145.

Калечиц Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1987.

Палікарповіч К. М. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа // Запіскі аддзелу гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры. Кн. 5. Працы катэдра археолёгіі. Т. 1. Менск, 1928. С. 123–252.

Тюрина И. М. Неолит Верхнего Поднепровья // СА. 1970. № 3. С. 40–53.

Язэпенка І. М. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. Магілёў: МДУ, 2014.

CERAMICS WITH COMB ORNAMENTATION IN THE NEOLITHIC CULTURES OF THE UPPER DNEIPER BASIN

I. N. Ezepenko, O. V. Voronenko

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

The thesis considers one of the most common categories of Neolithic ceramics from the sites of the Upper Dnieper basin. The stages of studying and interpreting of vessels with comb ornamentation were discussed. It is noted that the most expressive and numerous collections were obtained from the sites of the lower course of the

Pripyat' river and at the Rogachev part of the Dnieper basin (the Eastern Polesye variant of the Dnieper-Donetsk culture) and in the Sozh basin (Upper Dnieper culture). Analogies to this type of ceramics from the adjacent territories of the upper reaches of the Western Dvina and Volga, as well as the Middle Dnieper region, are presented.

ФЕНОМЕН КОМПЛЕКСОВ С ПЛОСКОДОННЫМИ СОСУДАМИ В НЕОЛИТЕ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Д. Н. Еньшин

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия

В конце 1950-х гг. в лесостепной зоне Зауралья К. В. Сальниковым был исследован комплекс из нескольких котлованов жилищ с оригинальными керамическими сосудами неизвестного ранее типа, получившего в последующем наименование «боборыкинский» (бассейн р. Исеть, пос. Боборыкино II). Своеобразие прослеживалось в определенной двойственности их характеристик: с одной стороны, это сосуды с архаичной техникой орнаментации (прочерчивание, отступление с прочерчиванием (резьба и «отступающая палочка» по К. В. Сальникову), накол, отсутствие применения гребенчатого штампа), с другой — поздние формы емкостей: выраженные профилированность и плоскодонность (Сальников, 1961. С. 6). Стратиграфические наблюдения и особенности керамики позволили исследователю датировать полученные материалы «раннебронзовым временем» (рубеж III и II тыс. до н.э.) и поместить в хронологической шкале региона между гребенчатыми комплексами энеолита и андроновскими эпохи бронзы (Сальников, 1961). Подход исследователя базировался в целом на принятой в то время схеме развития морфологии керамических емкостей — от округло- и остронодонных к плоскодонным.

Расширение исследований в последующие годы в Тоболо-Исетье и в Андреевской озерной системе (близ г. Тюмень) позволили В. Т. Ковалёвой констатировать позднеэнеолитический возраст боборыкинских древностей (IV тыс. до н.э.), а ареал их распространения очертить границами всего Зауралья (Ковалёва, 1989. С. 53, 57). Позднее время существования культуры было скорректировано и ограничено рамками конца V — конца IV тыс. до н.э., а в качестве дополнительных отличительных черт керамического комплекса был выделен ярко выраженный сложный геометризм декора и присутствие налепных или формованных рассеченных валиков на тулове емкостей. Оригинальность боборыкинской гончарной традиции (морфология, декор) объяснялась ее «пришлым» характером, вероятной

связью через южные культуры (Кавказ, Северо-Восточное Причерноморье, Приуралье) с раннеземледельческими общинами Юго-Западной Азии (Ковалёва, Зырянова, 2016).

В 1990-х гг. в Нижнем Приоболье и Нижнем Приишимье В. А. Зах исследовал поселения с плоскодонной посудой (Юртобор 3 и Мергенъ 3), интерпретируемые автором как боборыкинские. Однако даты и стратиграфические наблюдения позволили отнести их к раннему неолиту (конец IV тыс. до н.э.), а морфология и орнаментика емкостей — связывать эту традицию с культурами Приаралья и Северного Прикаспия (Зах, 2009). Тезис о вероятном раннеэнеолитическом возрасте части комплексов с плоскодонной посудой был высказан и Л. Л. Косинской (Косинская, 2004). С этого времени начинается многолетняя дискуссия о хронологической позиции боборыкинских комплексов.

Последнее десятилетие было ознаменовано открытием и интенсивным исследованием новых памятников с плоскодонной посудой на восточной периферии Зауралья (Нижнее Приишимье) и в лесостепной зоне Западной Сибири (Бараба). К настоящему времени выделена барабинская раннеэнеолитическая культура Прииртышья, существование которой В. И. Молодин относит к VII тыс. до н.э. (Молодин и др., 2020). По материалам с плоскодонной посудой первой четверти VII тыс. до н.э. из мергенского археологического микрорайона (Нижнее Приишимье) выдвинут для обсуждения тезис о существовании раннего этапа боборыкинской культуры в Тоболо-Ишимье (Еньшин и др., 2023).

Комплексы с плоскодонной посудой барабинской лесостепи и долины р. Ишим сейчас являются одними из самых ранних в Зауралье и Западной Сибири и маркируют процесс неолитизации. Остается дискуссионным вопрос о появлении носителей традиции изготовления плоскодонных сосудов с яркой орнаментацией, столь отличных от посуды остальных неолитических культур региона.

ЛИТЕРАТУРА

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Илюшина В. В. Комплексы с плоскодонной керамикой начала VII тыс. до н.э. поселений Мергенского АМР (Нижнее Приишимье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. Вып. 4 (63). С. 5–20.

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009.

Ковалёва В. Т. Неолит Среднего Зауралья: учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: УрГУ, 1989.

Ковалёва В. Т., Зырянова С. А. Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья в контексте новейших открытий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. Вып. 3 (34). С. 5–20.

Косинская Л. Л. Проблемы хронологии западносибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. (ред.). Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 301–307.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелёва Л. С., Ненахов Д. А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 69–93.

Сальников К. В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 3–10.

THE PHENOMENON OF COMPLEXES WITH FLAT-BOTTOMED VESSELS IN THE NEOLITHIC OF THE FOREST-STEPPE ZONE OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA

D. N. Enshin

Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch RAS, Tyumen, Russia

The problem of existence of complexes with flat-bottomed vessels in the neolithic forest-steppe zone of the Trans-Urals and Western Siberia is considered. The stages of discussion on the chronology of the first known materials of this tradition are reflected — from as-

signment to the Early Bronze Age to the Early Neolithic reattribution. Currently, two archaeological cultures have been identified in the region (Boborykino and Barabino), which are of particular importance in understanding the processes of Neolithization.

БЕРЕЗОВОСЛОБОДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ В КРУГУ КУЛЬТУР РАННЕГО НЕОЛИТА

М. В. Иванищева¹, Е. А. Иванищева²

¹ Восточно-Прионежская археологическая экспедиция, Вологда, Россия

² Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

Территория Вологодской области на севере Восточной Европы лежит на водораздельном пространстве трех основных бассейнов Русской равнины — Атлантики (бассейн Онежского озера — Свирь — Ладога — Балтика); Северного Ледовитого океана (Кубенское озеро — Сухона — Северная Двина — Белое море) и Каспия (озеро Белое — Шексна — Волга).

Богатая озерами западная часть Вологодской области, где из Белого озера берет исток р. Шексна, в большей степени связана с миром Верхневолжья, в то время как основная река в восточной части области — р. Сухона, приток Северной Двины, — крупными правыми притоками в среднем и нижнем течении близко подходит к левобережным притокам Средней Волги. Особенности гидрографии определяли различие историко-культурных процессов во все археологические эпохи.

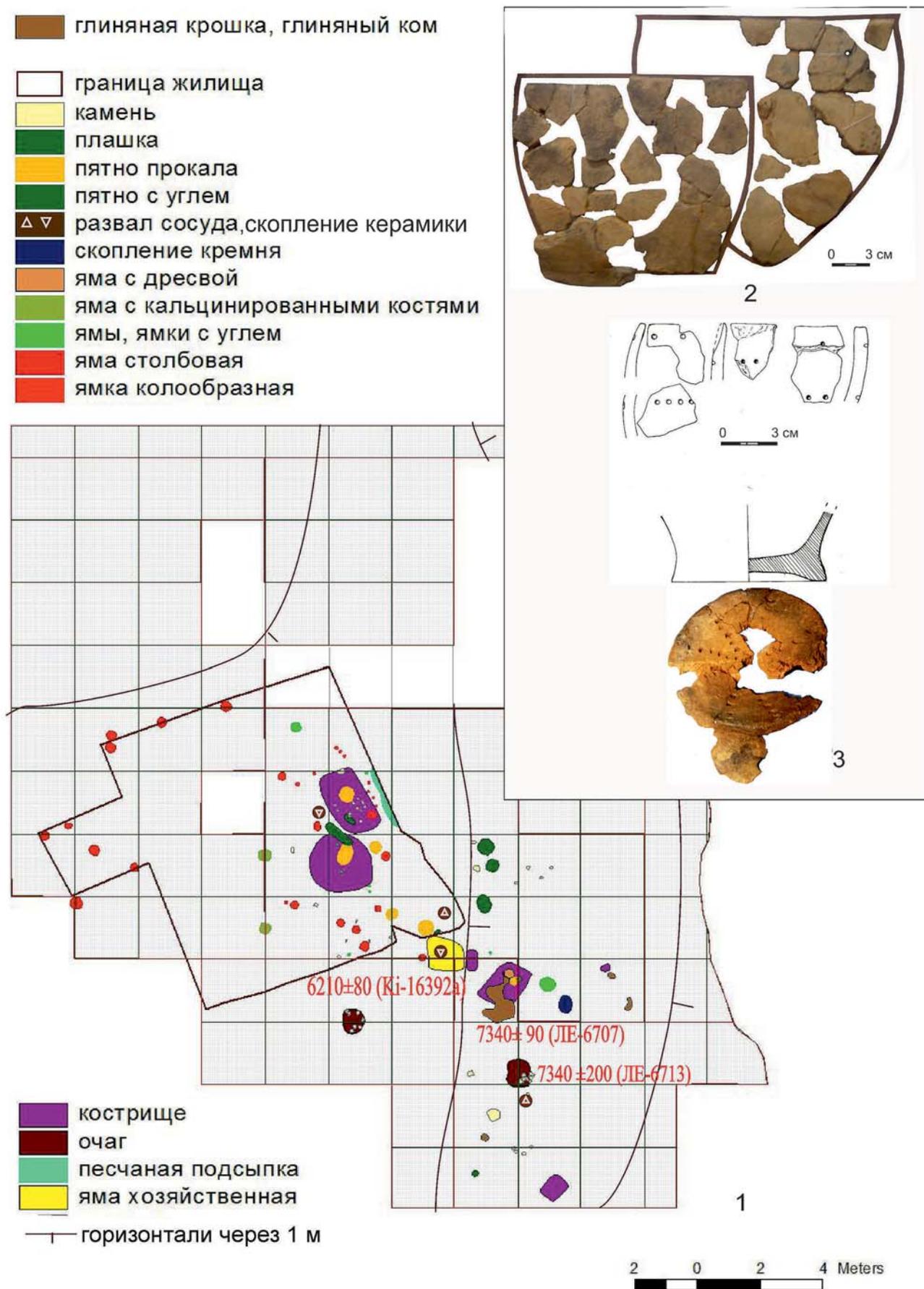
Открытие и исследование раннеолитических слоев на многослойных памятниках в различных частях Вологодской области поставило вопрос о различных направлениях и путях появления первой керамики у населения южной части таежной зоны.

Посуду березовослободского археологического комплекса отличает устойчивая традиция изготовления неорнаментированной и накольчатой керамики с примесью шамота в раннем неолите, что позволяет предполагать средневолжский вектор заимствования/продвижения этой инновации в бассейн нижней Сухоны.

На многослойном поселении Березовая Слободка II–III выявлены два культурных слоя с материалами раннего неолита (см. рис.: 1). Нижний слой приурочен к суглинистым отложениям и участками отделен от вышележащего супесчаного слоя. В раннем слое выявлены очаг и кострище, у которого располагался плоскодонный сосуд с радиальным накольчатым орнаментом на плоско-вогнутом дне (см. рис.: 3). Две даты по углю для этих объектов — 6599–5811 calBC (7340±200, ЛЕ-6713) и 6399–6034 calBC (7340±90, ЛЕ-6707) соответствуют рубежу VII–VI тыс. до н.э. (Иванищева и др., 2016. С. 406, табл. 1: 1, 2). В вышележащем слое выявлено жилище с двумя кострищами и прилегавшей к нему ямой — хранилищем сырья (Иванищева, 2006. С. 88–90). Керамика жилища — плоскодонная и с приостренным дном, неорнаментированная, средних раз-

меров, изготовлена, скорее всего, в технике лоскутного налепа из природного ила без искусственной примеси и илистой глины с примесью шамота, в котором в ряде случаев также присутствует шамот. По нагару на керамике даты и 5339–4948 calBC (6210±80, Ki-16392a) и 4931–4519 calBC (5850±80, Ki-16392) помещают этот комплекс в последнюю четверть VI — рубеж VI–V тыс. до н.э. Отметим, что последняя дата получена по керамике соседнего поселения эпохи неолита Березовая Слободка VI, где керамика также происходит из жилища, рядом с которым обнаружено погребение (Иванищева, Иванищев, 2006). Здесь для всей керамики характерен единый сформированный рецепт формовочной массы с примесью к илистой глине и глине средней пластичности шамота, в котором также обнаруживаются зерна шамота (Иванищева, 2018. С. 217, табл. 1). Происхождение данных комплексов мы связываем с культурами Среднего Поволжья, а именно — с левобережным Марийским Поволжьем. На поселении Дубовское III представлены близкие березовослободским технологические традиции отбора исходного сырья и составления формовочных масс (Никитин, 2011. С. 147). По мнению исследователей, традиция использования примеси шамота здесь унаследована от гончарства елшанской культуры лесостепного Волго-Уралья (Васильева, Выборнов, 2015. С. 78–81), где она является наиболее ранней и датируется в диапазоне 7780–7680 л.н. (Выборнов, 2008. С. 241, табл. 46, 47). Для неорнаментированной керамики поселения Дубовское III в левобережье средней Волги получена дата около 7000 л.н. и AMS-дата около 6800 л.н., помещающие начало этой традиции в первую четверть VI тыс. до н.э., но есть и более поздняя дата — ок. 6100 л.н. (Выборнов, Никитин, 2016. С. 123).

Привлекает внимание разброс дат для керамики березовослободского археологического комплекса. Это, с нашей точки зрения, может быть объяснено волнообразным характером неолитизации и вполне может соответствовать сценарию длительного и неоднократного освоения территории области носителями неорнаментированной и накольчатой керамики, маркируя наиболее раннее их проникновение около 7000 л.н. (Иванищева, 2018. С. 218–219).

Рис. Березовая Слободка II–III. Объекты раннеэоолитических слоев (1) и керамика из нижнего (3) и верхнего (2) слоев

Fig. Berezovaya Slobodka II–III. Structures in the Early Neolithic layers (1) and pottery from the lower (3) and the upper (2) layers

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И. Н., Выборнов А. А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Никитина Т. Б. (отв. ред.). Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье: сб. статей. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. (Сер. «Археология и этнография Марийского Поволжья»; вып. 31). С. 68–98.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008.

Выборнов А. А., Никитин В. В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Зайцева Г. И., Лозовская О. В., Выборнов А. А., Мазуркевич А. Н. (сост.). Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: колл. моногр. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.

Иванищева М. В. Ранний неолит нижнего Посухонья (по материалам раскопок поселений у д. Березовая Слободка) // Леонтьев А. Е. (отв. ред.). Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная кон-

ференция: сборник статей. Ярославль: Рыбинский дом печати, 2006. С. 85–105.

Иванищева М. В. К вопросу о времени и истоках гончарных традиций в раннем неолите Европейского Севера России // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 214–225.

Иванищева М. В., Иванищев А. М. Поселение раннего неолита на нижней Сухоне // Черных И. Н. (ред.). Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1. Тверь: Триада, 2006. С. 287–299.

Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Радиоуглеродная хронология Нижней Сухоны и юго-восточного Прионежья // Зайцева Г. И., Лозовская О. В., Выборнов А. А., Мазуркевич А. Н. (сост.). Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: колл. моногр. Смоленск: Свиток, 2016. С. 394–402.

Никитин В. В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. (Труды Марийской археологической экспедиции; т. 9).

BEREZOVOSLOBODSKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES ON THE NIZHNAYA SUKHONA RIVER WITHIN THE CIRCLE OF EARLY NEOLITHIC CULTURES

M. V. Ivanishcheva¹, E. A. Ivanishcheva²

¹ *East Prionezhskaya archaeological expedition, Vologda, Russia*

² *Vologda State University, Vologda, Russia*

The discovery and study of the Early Neolithic layers on multilayer archaeological sites in different parts of the Vologda region raised the question of different directions and ways of appearance of the first ceramics among the population of the southern part of the taiga belt. Pottery

of the Berezovoslobodsky archaeological complex was distinguished by a stable “fireclay” tradition in the manufacture of unornamented and spiked ceramics of the Early Neolithic, which suggests a Middle Volgian vector of borrowing/promotion of this innovation into the Lower Sukhona basin.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В БАССЕЙНЕ р. КОНДЫ (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ) ОТ РАННЕГО НЕОЛИТА ДО ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Т. Ю. Клементьева, Е. Н. Дубовцева

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Наиболее изученным регионом Западной Сибири в настоящее время является бассейн р. Конды. При изучении керамических комплексов этой территории (Дубовцева, 2021; Клементьева, 2024) обозначилась проблема интерпретации результатов, полученных методами формально-классификационного и историко-культурного подходов.

С раннего неолита (вторая половина VII тыс. до н.э.) и на протяжении всей неолитической эпохи прослеживаются признаки смешения навыков труда в составлении формовочных масс, конструировании, формообразовании и орнаментации на посуде, происходящей из одного контекста. Выделены два основных варианта такого смешения. В первом варианте керамический комплекс по форме и орнаментации однородный, но традиции составления формовочных масс вариативны. Во втором — в типологически разнородном керамическом комплексе единично присутствуют сосуды с признаками смешения орнаментальных и технологических навыков. Принято считать, что такие комплексы формируются в условиях совместного проживания носителей разных традиций. Возникает вопрос: существуют ли в реальности комплексы несмешанных культурных традиций? На практике таковые не выявлены.

С другой стороны, при рассмотрении керамики в широком хронологическом диапазоне (от неолита до бронзового века) становится очевидной длительность существования вне рамок археологических культур и даже эпох традиций составления формовочных масс с шамотом, конструирования сосудов на форме-основе, окрашивания поверхности охрой.

В неолитическую эпоху в бассейне р. Конда основной примесью являлся шамот. Исходным сырьем служила ожелезненная природная глина и реже илистая глина. Для раннего (мулымьинский тип) и среднего (шоушминский тип) периодов неолита было характерно использование органического раствора. На финальном этапе неолита и в бронзовом веке «шамотная» традиция сохраняется в большинстве типов сосудов. Отличаются полымьятские комплексы бронзового века, в которых

наряду с шамотом используется примесь гранитогнеисовой дресвы, и кульминского типа раннего железного века с доминантой дресвы.

Конструирование емкостей на форме-модели в сочетании с качеством местных глин обеспечивали тонкостенность (от 2 до 5 мм) сосудов. Этот прием появляется уже в раннем неолите (мулымьинский тип), распространяется в последующие этапы (умытынский, ушынский типы) и в финале этой эпохи (енынский, атымьинский типы), в бронзовом (варпаульский, сотниковский, лозьвинский типы) и в раннем железном веке (кульминский, синдейский типы). Вместе с тем в разные эпохи есть комплексы, в которых этот способ пока не отмечен (в неолите — шоушминский, чилимкинский типы) или встречается редко (в бронзовом веке — полымьятский тип).

Лощение и окрашивание поверхности сосудов охрой прослежено от раннего неолита до начала бронзового века; заглаживание внутренней поверхности гребенчатым штампом — в энеолите и бронзовом веке; покрытие внутренней поверхности дегтем — в раннем железном веке.

На фоне консервативности описанных навыков более изменчивыми выглядят орнаментальные традиции. На территории Кондинского бассейна смена орнаментального стиля происходила относительно синхронно со многими культурами Урало-Западносибирского региона. Во второй половине VII тыс. до н.э. преобладала накольчатая орнаментация; в VI–V тыс. до н.э. — прочерченная, шагающе-гребенчатая, отступающе-накольчатая; с конца V до II тыс. до н.э. — печатно-гребенчатая. Диагностирующими для культурных образований являются предпочтения в использовании определенных видов орнаментов (костей определенных животных — рыб или млекопитающих; шнуровых и гребенчатых штампов различной модификации; фигурных штампов) и манера их постановки.

Преемственность традиций производства глиняной посуды в бассейне Конды объясняется, вероятно, их эффективностью. Анализ других категорий вещей свидетельствует о развитии местной культуры без существенных притоков нового населения или быстрой ассимиляции мигрантов в таежном мире.

ЛИТЕРАТУРА

Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021.

Клементьева Т. Ю. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири: бассейн р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2024.

ON THE CONTINUITY OF CERAMIC PRODUCTION TRADITIONS IN THE KONDA RIVER BASIN (WESTERN SIBERIA) FROM THE EARLY NEOLITHIC TO THE LATE BRONZE AGE

T. Yu. Klement'eva, E. N. Dubovtseva

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia

---

In the study of the Neolithic of the north of the Western Siberia, the problem of interpreting complexes with typologically heterogeneous ceramics has emerged. It is generally believed that these complexes were formed by the mixed population with different cultural traditions. However, all the studied complexes, even the earliest ones, have mixed features. The original traditions in pure form are not known. At the same time, some elements of ceramic produc-

tion were very conservative and have been preserved for several epochs (Neolithic — Bronze Age). These include: techniques of making clay masses with chamotte, construction of vessels on a mold-base, and coloring dishes with ochre. Ways of surface treatment change from one archaeological epoch to another. Ornamentation changes more rapidly and reflects cultural diversity, but some techniques and motifs of decoration also persist over time.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА НА СТОЯНКЕ КАРАВАЙХА 4 В БАССЕЙНЕ оз. ВОЖЕ

Н. В. Косорукова, В. А. Лукинцева, Т. С. Гринина

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Торфяниковый памятник Каравайха 4 эпохи финального мезолита — раннего неолита находится на севере Вологодской области в бассейне оз. Воже. За 2002–2018 гг. исследована площадь 542 м². Особенностью памятника является малочисленность керамики, всего 40 фрагментов. Нередко она имеет очень плохую сохранность вследствие слабого обжига. Вероятно, население данного памятника только начало самостоятельно ее изготавливать. В слое встречены также крупные куски глины (возможно, заготовки).

За период 2002–2015 гг. было найдено 24 фрагмента. Петрографическое исследование этих фрагментов показало наличие в глиняном тесте примеси дресвы, песка и шамота, зафиксировано также отсутствие отошителя. Форма сосудов была, по-видимому, разной: представлены невысокие (5–6 см) мисочки со скругленным дном, были сосуды и другой (сложно сказать, какой) формы с прямым верхним краем. В орнаментации использовались мелкозубчатый и гребенчатый штампы, отпечатки типа торца палочки и естественных орнаментов (костей), неглубокие ямчатые вдавления, прочерченные полосы, наколы. По характеру орнаментации выделено десять групп (№ 1–10) (Косорукова, Кулькова, 2016. С. 100–103).

В 2018 г. было найдено еще 16 фрагментов, которые не изменили представления о форме сосудов и примесях. Среди орнаментальных композиций представлены как новые варианты, так и выявленные ранее. Так, новую группу (№ 11, нумерация продолжает начатую в указанной статье 2016 г.) представляют четыре фрагмента от одного сосуда с толщиной стенок 0,8–1 см, на которых имеется горизонтальный ряд из отпечатков (наколов) овально-изогнутой или полулунной формы, поставленных вертикально и немного под углом, дно отпечатков приостренное. Разреженно расположенные горизонтальные ряды из таких отпечатков перемежаются неорнаментированными зонами (см. рис.: 1–4). К еще одной новой группе (№ 12) отнесен фрагмент венчика тонкостенного сосуда (4–8 мм), в орнаментации которого на ямки накладывается узор из отпечатков гребенчатого штампа: по верхнему краю сосуда нанесен горизонтальный ряд из сквозных мелких раз-

реженно расположенных ямок (что напоминает каргопольскую керамику), через них проходит горизонтальная линия, выполненная гребенчатым штампом, вторая линия расположена ниже, также едва видны отпечатки, поставленные наискось; по торцу венчика нанесены короткие косые насечки (см. рис.: 5).

Остальные фрагменты отнесены к выявленным ранее орнаментальным группам, правда, в некоторых случаях орнамент виден нечетко или не очень совпадает с атрибутируемой ему группой. Два фрагмента отнесены к группе 1 — они украшены елочным узором из отпечатков мелкозубчатого штампа, в том числе один фрагмент венчика без отпечатков какого-либо штампа на торце (см. рис.: 8, 13). Два фрагмента отнесены к группе 3: отпечатки более глубокого гребенчатого штампа образуют длинные параллельные вертикальные или наклонные полосы (см. рис.: 6, 14). Один фрагмент отнесен к группе 5 — это фрагмент от того же сосуда (по которому была выделена группа 5) в виде невысокой мисочки, толщина стенки 5–6 мм, орнамент состоит из длинных вертикальных или слегка наклонных линий прочерченных или поверхностных отпечатков гребенчатого штампа (см. рис.: 9). Один фрагмент отнесен к группе 6: отпечатки торца палочки образуют елочный узор или зигзаг (см. рис.: 7). Три фрагмента отнесены к группе 9: это фрагменты без орнамента (не исключено, что орнамент не сохранился) (см. рис.: 10–12).

Полных аналогий для керамики стоянки Каравайха 4 пока не удается найти. Отдельные фрагменты находят самое общее сходство в ряде памятников и культур лесной зоны, в том числе в среднем этапе верхневолжской культуры — памятниках Тудозеро V и Вёкса 3, а также на территории европейского Северо-Востока. Следует отметить, что бассейн оз. Воже — это довольно крупный регион, в котором пока известен только один памятник раннего неолита. Представляется, что здесь должна быть выявлена оригинальная археологическая культура или культуры, в которых, так же как и в других, особенно в северных регионах лесной зоны, будет отражено разнообразие керамических традиций и орнаментальных композиций.

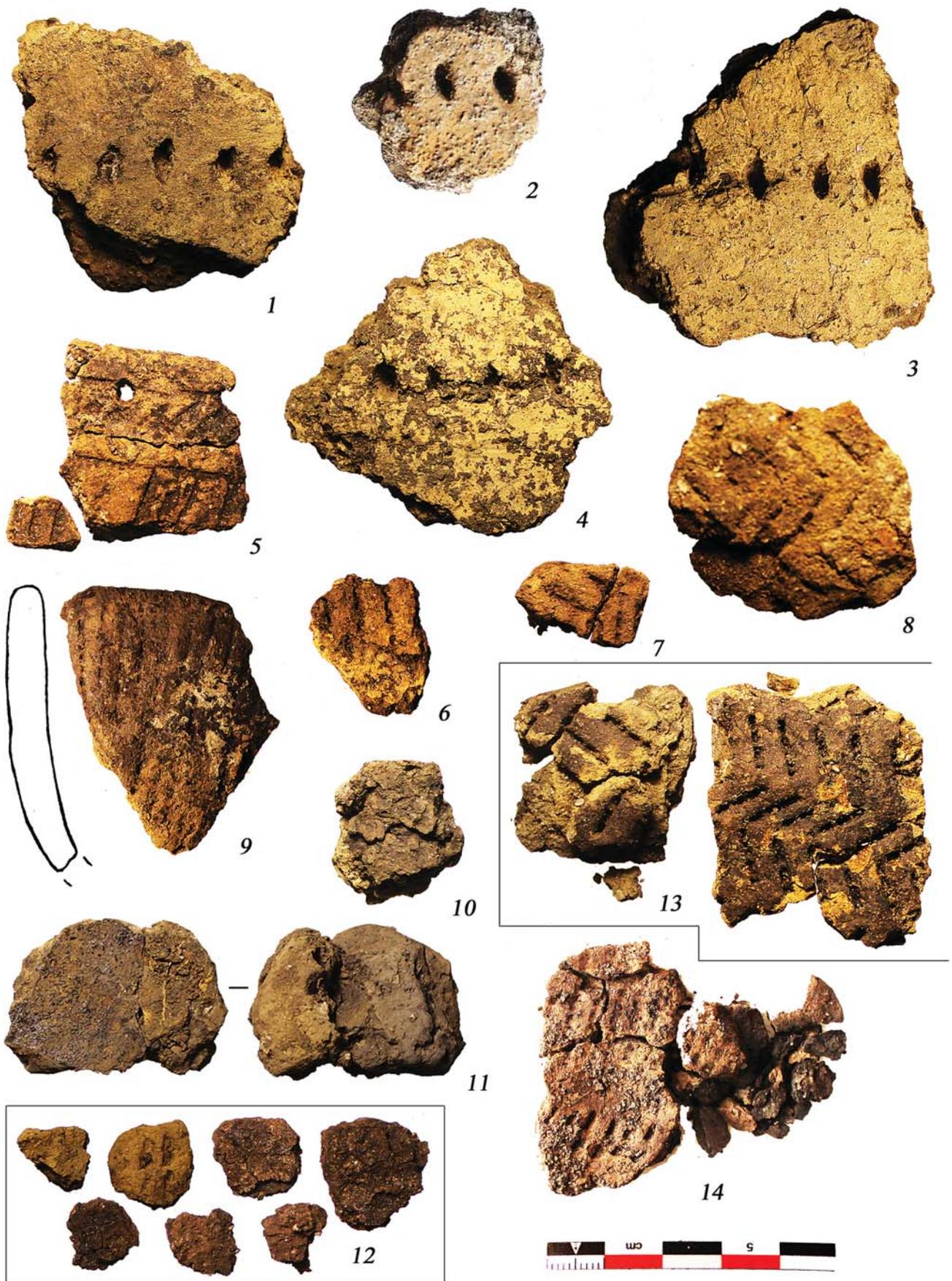

Рис. Карваиха 4. Керамика из раскопа № 18 (2018 г.)

Fig. Karvaikha 4. Pottery from the excavation area no. 18 (2018)

ЛИТЕРАТУРА

Косорукова Н. В., Кулькова М. А. Керамика ранне-неолитической стоянки Каравайха 4 в бассейне озера Воже: типология и петрография // Лозовская О. В., Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В. (ред.). Традиции и ин-

новации в изучении древнейшей керамики: Материалы международной научной конференции. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 100–103.

EARLY NEOLITHIC POTTERY OF THE SITE KARAVAIKHA 4 IN THE LAKE VOZHE BASIN

N. V. Kosorukova, V. A. Lykintseva, T. S. Grinina

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Small quantity of pottery sherds is a feature of the Early Neolithic site Karavaikha 4. Only 40 fragments were found. Often the ceramics has very bad preservation because of weak firing. Low bowls were presented, but also there were vessels of different undetermined shape. Crushed

stones, sand and fireclay were used as a temper. Various ornamental compositions consist of comb stamp prints that form the herringbone pattern or long lines, imprints of bones, stick-end, pin-prints, and imprints of crescent shape. There are some fragments without ornament as well.

ГРУППЫ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ НА СТОЯНКАХ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

А. С. Кудашов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Начало раннего неолита в Марийском регионе связано с распространением керамики. На всех изученных раскопках стоянках присутствуют различные группы посуды. При многослойности и отсутствии возможности стратиграфического разделения материалов удаются некоторые планиграфические наблюдения, а в ряде случаев можно проследить в ямах и жилищах залегание той или иной посуды (Никитин, 2011).

К первой группе относятся устойчиво встречающиеся сосуды без орнамента, в верхних частях которых отмечаются сквозные отверстия. Венчики прямые с плоским/округлым срезом, донца плоские или плосковогнутые. Внутренняя поверхность тонких (0,4–0,6 см) фрагментов заглажена, внешняя подлощена. По своей типологии данная группа ближе всего к луговской керамике лесостепного Поволжья (Выборнов, 2008). Радиоуглеродные даты говорят о хронологическом приоритете этой группы над другими (Выборнов, Никитин, 2016). Однако обнаруженный в недавнее время елшанский сосуд на стоянке Сокольный XII (с прочерками в мотиве косой решетки, плоским дном и расширенным туловом) дает основания предполагать появление посуды немногим ранее времени бытования луговского типа (Андреев и др., 2019).

В целом посуда следующей — накольчатой группы схожа по обработке поверхностей, формам и срезам венчиков, а также форме дна. Небольшое различие по толщине фрагментов (0,5–0,8 см). Форма наколов преимущественно подтреугольная и подовальная. Среди данной группы керамики можно проследить наличие как простых, так и более сложных мотивов (в виде

зигзагов, волн и т.д.). Так, процент сложноорнаментированных сосудов на Сокольном XVII поселении в процентном соотношении очевидно больше (около 18%), нежели на соседнем Сокольном XII (около 3,5%). Вероятно, это свидетельствует о неоднородности накольчатой группы в процессе развития традиции, что напрашивается и с учетом длительного времени ее бытования (Кудашов и др., 2022).

Технико-технологический анализ позволил определить связь приемов изготовления посуды с лесостепным Поволжьем, а также некоторые отличия неорнаментированной посуды от накольчатой. Большинство посуды обеих групп изготавливалось из илистой глины с добавлением шамота (в несколько разных пропорциях) и органического раствора, но в последней использовались также илы и глины (Васильева, Выборнов, 2015). Кроме того, на той же стоянке Сокольный XVII в группе с наколами представлены несколько видов ИПС, в том числе характерная камским (появляющимся в регионе позднее) традициям глина, но не в единичных случаях, а в более значительном количестве (27% изученных образцов) при использовании одного рецепта ФМ (ИПС + Ш + ОР).

В свете изложенных данных представляется необходимым разделение не только неорнаментированных и накольчатых групп керамики, но и выделение подгрупп внутри последней. Также не исключается и существование непосредственно елшанского компонента.

Исследование выполнено за счет гранта РФ № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К. М., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Храмов Д. Ю. К вопросу об абсолютной хронологии керамики луговского типа // СНВ. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 132–135.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Никитина Т. Б. (отв. ред.). Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 68–98.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008.

Выборнов А. А., Никитин В. В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Зайцева Г. И., Лозовская О. В., Выборнов А. А., Мазуркевич А. Н. (сост.). Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: колл. моногр. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.

Кудашов А. С. Выборнов А. А., Андреев К. М. Актуальные проблемы радиоуглеродного датирования неолитических комплексов лесного Среднего Поволжья // Геохронология четвертичного периода: инструменталь-

ные методы датирования новейших отложений. М.: Институт географии РАН, 2022. С. 40.

Никитин В. В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.

GROUPS OF EARLY NEOLITHIC CERAMICS FROM THE SITES IN THE MARI VOLGA REGION

A. S. Kudashov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

---

Various groups of ceramics are presented in the Mari Volga region. The first group includes vessels without ornament, with through holes in the upper part. The discovered Elshansky vessel may indicate appearance of pottery before the Lugovsky type. The second group with

pricked ornamentation it is heterogeneous. There are different simple and complex motifs of pottery ornamentation, as well as various composition of clay mass. The latter may indicate influence of traditions from the river Kama that appear in the region later.

КЕРАМИКА КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Е. Л. Лычагина^{1,2}, Н. С. Батуева³, Д. А. Демаков³

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

³ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

Камская неолитическая культура была выделена О. Н. Бадером на основе анализа материалов археологических памятников Верхнего и Среднего Прикамья, изученных раскопками в 1930–1960-е гг. (Бадер, 1970. С. 57–71). Автор считал, что именно керамика является «наиболее яркой и устойчивой культурной особенностью» камского неолита (Бадер, 1973. С. 100). По мнению исследователя, для камской культуры характерна посуда, изготовленная из глины с примесью песка с заглаженной внутренней и внешней поверхностью, полуяйцевидной формы с относительно острым или скругленным дном, с наклонными внутрь краями, имеющими наплывы-утолщения с внутренней стороны. Вся наружная поверхность сосудов покрывалась штампованным, преимущественно зубчатым орнаментом, наряду с которым встречался неглубокий ямочный орнамент. Узоры состояли из треугольников, ромбов, заполненных отпечатками штампа разного наклона, остроугольного зигзага («шагающей гребенки») (Бадер, 1973. С. 100).

Уже в XXI в. справедливость выделения данной керамики в отдельную гончарную традицию, связанную с камской неолитической культурой, была подтверждена работами И. Н. Васильевой, которая на основе технико-технологического анализа выявила следующие особенности в выборе ИПС и ФМ при создании сосудов камской культуры: использование пластичных ожелезненных глин в сухом дробленном состоянии, добавление в формовочную массу значительной примеси крупнодробленого шамота (Васильева, 2013. С. 82).

Работы по технико-технологическому анализу керамики камской культуры были продолжены Н. С. Батуевой. В частности, она разделила все керамические комплексы на смешанные и несмешанные, определив, что данная И. В. Васильевой характеристика верна только для несмешанных комплексов, относящихся

к ранним этапам развития культуры. Также исследователем впервые были изучены результаты петрографического анализа керамики камской культуры (Батуева, 2023).

Таким образом, назрела необходимость проведения комплексного (типологического, технико-технологического и петрографического) анализа ранних несмешанных керамических коллекций камской культуры. Этой задаче полностью отвечает керамическая коллекция стоянки Хомутовское болото II, изученной раскопками в 2023 г.

Сосуды стоянки Хомутовское болото II толсто-стенные (в основном около 1 см и более). Венчики прямые, прямые со скошенным внутрь торцом, со скошенным внутрь торцом и наплывом на внутренней стороне стенки. Орнаментация представлена гребенчато-ямочными узорами. В технике нанесения орнамента можно выделить прокатывание, шагание и оттискивание.

Посуда в основном изготовлена из незапесоченных илистых глин, использовалось как дробленое, так и естественно увлажненное сырье. В формовочную массу древними гончарами добавлялись шамот, шамот + органический раствор, в единичных случаях были зафиксированы составы шамот + песок и дробленая глина + органический раствор.

Полученные данные подтверждаются и петрографическим анализом, который показал, что выборка посуды, с которой были получены шлифы, была изготовлена по рецепту «ИПС + шамот + органический раствор».

Мы полагаем, что керамический комплекс стоянки Хомутовское болото II может рассматриваться в качестве эталонного для камской неолитической культуры.

Работа проведена при поддержке гранта РФФ № 23-68-10023; <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Уральский неолит // Формозов А.А. (отв. ред.). Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 157–171.

Бадер О.Н. Волго-Камская этнокультурная общность эпохи неолита // МИА. 1973. № 172. С. 99–106.

Батуева Н.С. Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у насе-

ления Среднего Предуралья в эпоху неолита: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023.

Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.

CERAMICS OF THE KAMA NEOLITHIC CULTURE: MAIN CHARACTERISTICS IN THE PAST AND PRESENT

E. L. Lychagina^{1,2}, N. S. Batueva³, D. A. Demakov³

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University

² Perm State University, Perm, Russia

³ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

---

Authors consider the ceramics of the Kama Neolithic culture as one of the main elements for identifying the culture. Based on typological, technical-technical

and petrographic analyzes of ceramics from the Khomutovskoe boloto II site, the characteristic features of the Kama pottery tradition are highlighted.

ОСИПОВСКАЯ КУЛЬТУРА — ИЗ МЕЗОЛИТА В НЕОЛИТ, или КЕРАМИКА, СМЕНИВШАЯ СТАТУС

В. Е. Медведев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

О первых изделиях из камня осиповской культуры на правом берегу р. Амура у г. Хабаровска стало известно во второй половине 1920-х гг. (Герасимов, 1928. С. 135–140). Находки были датированы финалом плейстоцена и отнесены к периоду не позднее мезолита. Такими их считали и в последующие полвека. В начале 1960-х гг. раскопки памятника Осиповка проводились под руководством А. П. Окладникова. В культурном слое не было шлифованных каменных орудий, но в нем оказались отдельные черепки, участники работ связали их со временем раннего металла (Ларичев, 2012. С. 14). То, что это была ошибка, выяснилось гораздо позже — после раскопок автора данных строк на том же правом берегу Амура.

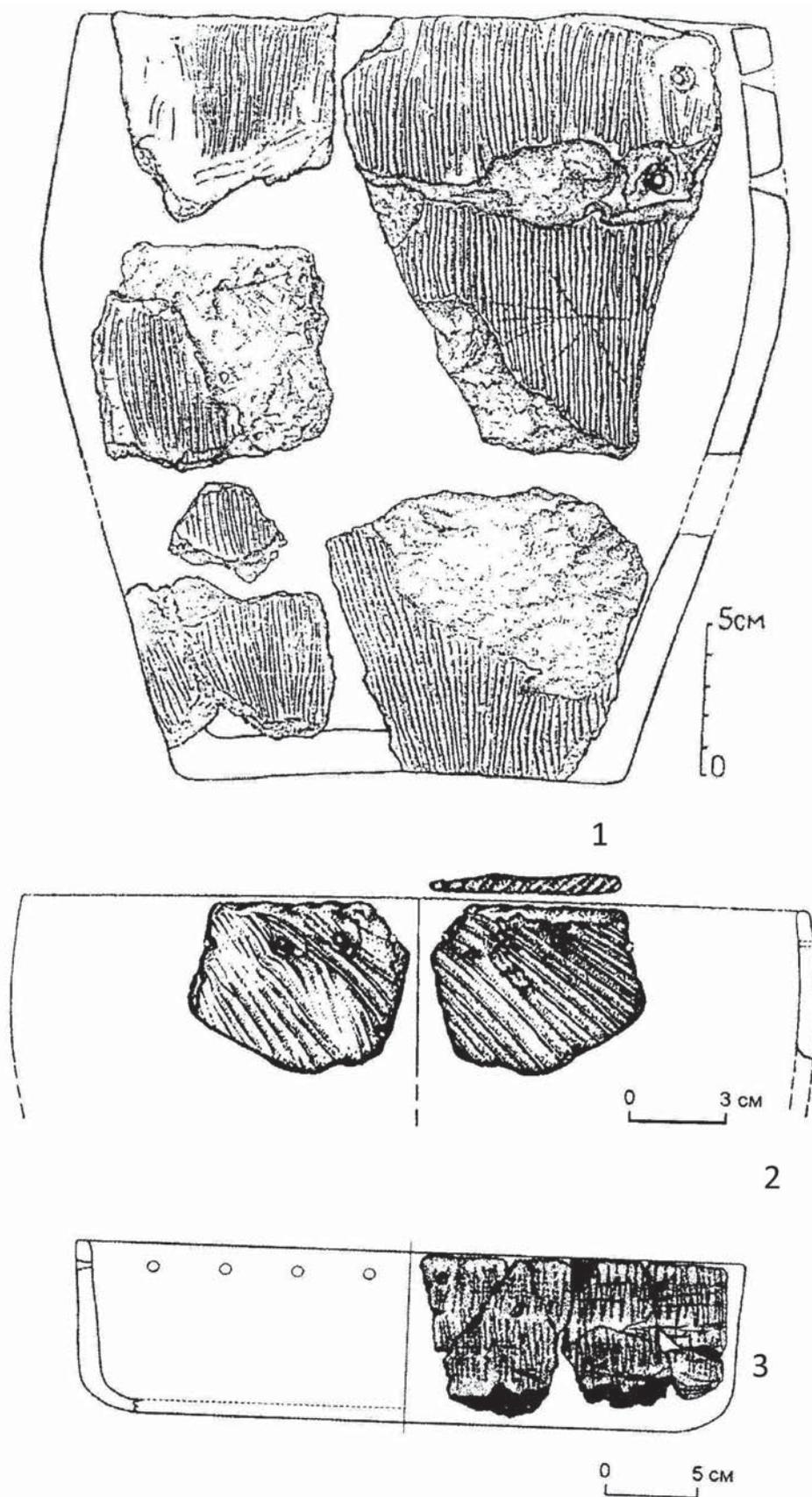
С 1970 по 1990 г. (с перерывами) Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) проводил исследования многослойных разновременных памятников в нескольких пунктах у с. Сакачи-Алян ниже Хабаровска по Амуру. На всех объектах в нижнем культурном горизонте залегал материал осиповской культуры. Основные работы (1975, 1976, 1980, 1986–1990 гг.) осуществлены на поселении Гася в восьми раскопах и траншее общей площадью около 1000 м². Среди многочисленных серий каменного инвентаря выделяются своего рода индикаторы культуры — метательные орудия — остроконечники-бифасы нескольких типов. Более крупные из них служили наконечниками копий и дротиков, изделия меньших размеров применялись в качестве наконечников стрел. Почти столь же характерной чертой осиповского слоя является наличие в нем тесловидно-скребловидных орудий с желобчатым лезвием, часто изготовленных из плоских расщепленных галек (есть обломанное шлифованное тесло). Обнаружено много скребков, скребел, ножей-бифасов, а также пластинчатых ножей (в том числе образец с зашлифованным лезвием), резцов, проколов, скобелей, рубящих топоровидных и землеройных орудий, зубчатых изделий, отбойников, пестов и др. Среди продуктов первичного расщепления много расколотых галек. Нуклеусы — клиновидные, торцевые, а также изделия призматических типов. Большая коллекция каменных рыболовных грузил, включая массивные грузила-якоря, которые использовались при сплавно-способе рыбной ловли на лодках (Медведев, 1995. С. 231–237). Многие каменные изделия из перечисленного ассорти-

мента были ранее найдены при раскопках поселения Осиповка (Окладников, Деревянко, 1973. С. 84–85).

Практически на всех участках поселения Гася зарегистрированы разрозненные фрагменты осиповской керамики. Первые из них были обнаружены в 1975 г. в раскопе А в небольшой выемке коренной породы из рыхлых базальтов вместе с отщепами и обломком остроконечника осиповского типа. В раскопе I (1980 г.) в осиповском углистом скоплении на глубине 224 см залегал раздавленный слабообожженный сосуд усеченно-конической формы с плоским дном. Его внешняя и внутренняя поверхности покрыты мелкими параллельными желобками или прочесами-трассами. По углю была получена радиоуглеродная дата — 12960±120 л.н. (Ле-1781) (Окладников, Медведев, 1983. С. 97; Медведев, 2003. С. 35–42). В настоящее время известны десятки осиповских памятников, расположенных в долинах рек Амур и Усури Среднеамурской равнины. К наиболее известным, содержащим большое количество керамики, относятся поселения Гася, Осиповка, Хумми, стоянки Гончарка-1, Новотроицкое-10, Осиновая Речка — 10 и др. (см. рис.). Важно отметить, что, согласно новым данным, состав носителей осиповской культуры включал представителей двух культурных групп населения, которые изготавливали сосуды из разных видов илов на формах-основах или в формах-емкостях. Эти группы сосуществовали и смешивались друг с другом (Медведев, Цетлин, 2017. С. 170).

Время существования памятников осиповской культуры определяется, скорее всего, периодом 13 300–10 300 л.н., что с учетом калибровки C¹⁴ дат составляет около 14 200–9900 гг. до н.э. (Шевкомуд, Кузьмин, 2009. С. 19).

Керамика начального неолита, прежде всего поселения Гася, а затем других памятников осиповской культуры явилась своего рода катализатором в исследовании проблем, связанных с зарождением в восточных регионах Евразии эпохи неолита, его начального периода. Осиповскую культуру с возникшими и удивительно рано укоренившимися в ней отличительными неолитическими признаками и образом жизни ее носителей можно воспринимать в качестве образца передовой формы бытия своей эпохи (Медведев, 2001. С. 91–93). Не случайно она порой характеризуется как начало рыболовецкой протоцивилизации (Ларичев, 2012. С. 14).

Рис. Керамика осиповской культуры начального неолита: 1, 2—сосуды (реконструкции) из поселения Гася (2—верхняя часть резервуара); 3—сосуд (реконструкция) со стоянки Гончарка-1. По: 1—Медведев, 1995. С. 237, рис. 7; 2—Медведев, 2008. С. 159, рис. 3; 3—Шевкомуд, Кузьмин, 2009. С. 34, рис. 3, 16

Fig. Ceramics of the Osipovka culture of the early Neolithic: 1, 2—vessels reconstructions from the Gasya settlement (2—upper part); 3—vessel reconstruction from the Goncharka-1 site (after 1—Medvedev, 1995. P. 237, fig. 7; 2—Medvedev, 2008. P. 159, fig. 3; 3—Shevkomud, Kuzmin, 2009. P. 34, fig. 3, 16)

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов М. М. Новые стоянки доисторического человека каменного периода в окрестностях г. Хабаровска // Известия ВСОРГО. 1928. Т. 53. С. 135–140.

Ларичев В. Е. Несколько страничек воспоминаний по случаю юбилея // Деревянко А. П. (отв. ред.). Дальневосточно-сибирские древности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 13–15.

Медведев В. Е. К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Деревянко А. П., Ларичев В. Е. (ред.). Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 228–237.

Медведев В. Е. Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 77–94.

Медведев В. Е. Когда и как была открыта на Дальнем Востоке древнейшая керамика // Деревянко А. П. (отв. ред.). Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения ак. А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологич. экспедиции РАН. Владивос-

сток, 17–25 сентября 2003 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 38–43.

Медведев В. Е. Из коллекций керамики осиповской культуры поселения Гася // Деревянко А. П., Медведев В. Е. (отв. ред.). Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 156–162.

Медведев В. Е., Цетлин Ю. Б. Происхождение гончарства и этнокультурные процессы в неолите Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 167–171.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1973.

Окладников А. П., Медведев В. Е. Исследования многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1983. Вып. 1, № 1. С. 93–97.

Шевкомуд И. Я., Кузьмин Я. В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Шевкомуд И. Я. (ред.). Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: Краевой краеведч. музей, 2009. С. 7–46.

OSIPOVKA CULTURE — FROM MESOLITHIC TO NEOLITHIC, or CERAMICS THAT CHANGED ITS STATUS

V. E. Medvedev

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

The topic under consideration is related to the investigations of the most ancient Neolithic culture — Osipovska culture located in the east of Eurasia. Various stone tools typical for the Late Paleolithic attributed to the early stage of Osipovka culture are dated to ca. 10th–13th mill BP. They were discovered almost 100 years ago on

the banks of the Amur River near Khabarovsk. For a long time, the lack of ceramics suggested its date to the Paleolithic — Mesolithic. Only at the end of the 20th century, during extensive excavations on a number of settlements, ceramics and other elements typical for the Neolithic were uncovered at Osipovka culture sites.

УСТЬ-БЕЛЬСКАЯ КЕРАМИКА СРЕДНЕГО НЕОЛИТА В БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

Г. В. Сеницына

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Современный этап изучения неолита Байкало-Енисейской Сибири характеризуется открытием серии многослойных стоянок, комплексным исследованием материальной культуры как погребально-го, так и поселенческого инвентаря. Самой древней на территории Байкало-Енисейской Сибири признана сетчатая керамика, основная проблема изучения которой состоит в нахождении центра ее зарождения. Вопрос о характере появления керамики с оттисками шнура в ранненеолитических памятниках Восточной Сибири не имеет однозначного решения, допуская как миграционную, так и диффузную модель ее распространения с востока.

Дискуссионные вопросы касаются производства и путей распространения новых керамических традиций, а именно керамики среднего неолита усть-бельского типа, территория распространения которой охватывает весь юг Байкало-Енисейской Сибири. Тип керамики выделен по материалам многослойного поселения Усть-Белая в устье р. Белой, левого притока р. Ангары. На основании полного комплекса материалов среднего неолита многослойной стоянки Казачка, открытой и исследованной Н. А. Савельевым, была выделена казачинская культура на среднем Енисее (Савельев, 1989), где керамика имеет полное сходство с усть-бельской, что дало основание Н. Е. Бердниковой рассматривать казачинскую и усть-бельскую керамику в рамках единого «усть-бельского пласта» (Бердникова, 1986).

Точка зрения Н. А. Савельева о выделении самостоятельной культурной единицы представляется обоснованной, так как она подтверждается отличным от других индустрий кремневым инвентарем, при этом учитывается географический принцип и хронология.

Керамика поселения в устье р. Белой разделена на подгруппы по аналогии с материалами среднего неолита казачинской археологической культуры, материалы которой относятся к двум периодам среднего неолита. Иркутскими исследователями на основании AMS-датирования установлен возраст казачинской культуры ~6600–5200 л.н., а также керамики усть-бельского типа в Северном Приангарье — 7421–7014 кал.л.н. и Юж-

ном Приангарье — 6700–6300 кал.л.н. (Бердников и др., 2020).

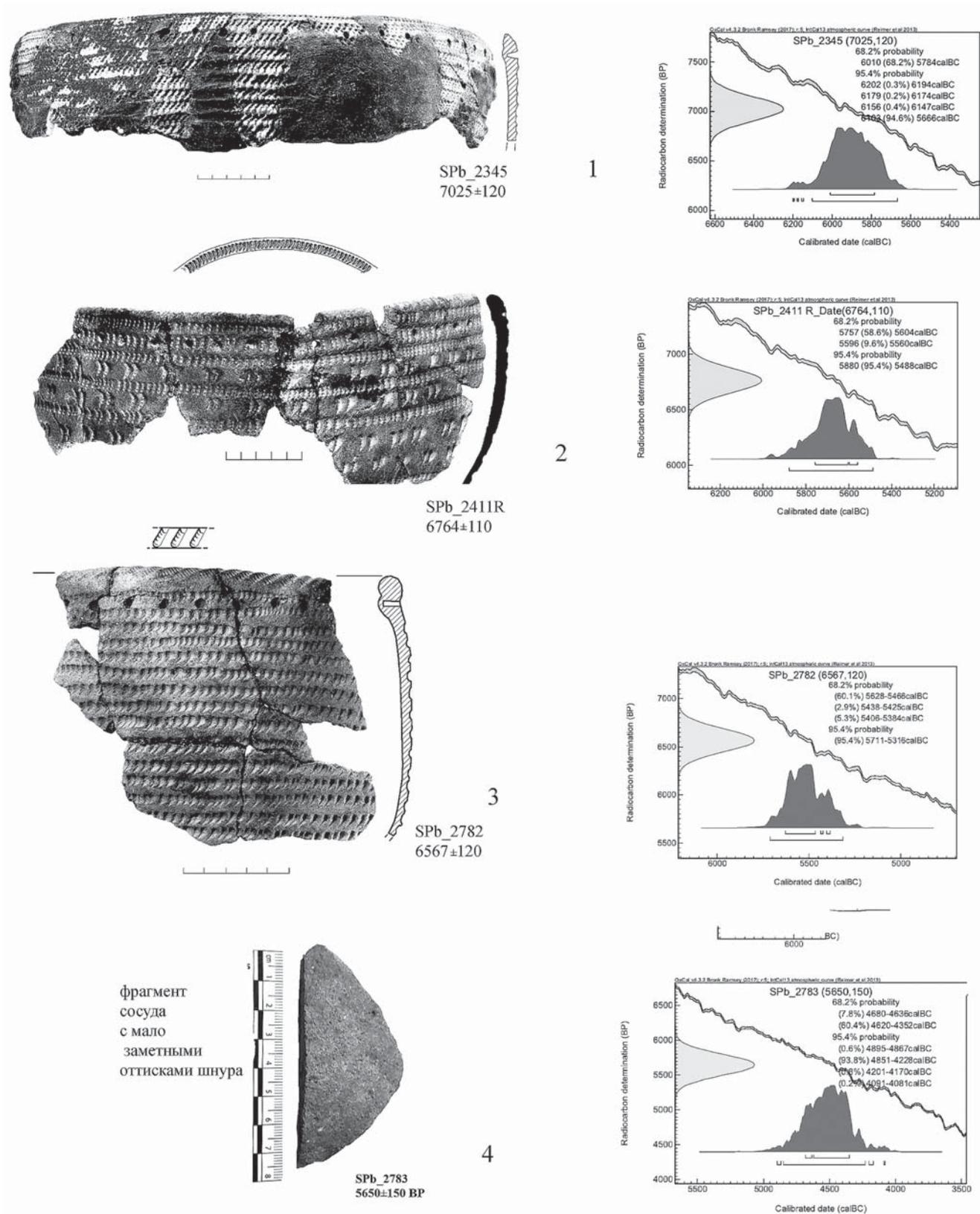
Прямое датирование керамики с Усть-Бельского поселения несколько удревает возраст данного типа (см. рис.: 1), что подтверждает повторная датировка фрагмента керамики от этого же сосуда, «значение которой находится в пределах 6977–6800 кал.л.н., получена по углефицированной органике в виде нагара, взятой с внутренней стенки сосуда усть-бельского типа из раскопок 1957 г.» (Бердников и др., 2020. С. 35).

Две даты керамики усть-бельского типа с Ангарского участка поселения подтвердили хронологическую закономерность в развитии орнаментации (использование гребенчатого и гладкого штампов) (см. рис.: 2, 3).

В среднем неолите продолжают сосуществовать две традиции (сетчатая и шнуровая) в изготовлении сосудов, что отражено в техническом декоре (см. рис.: 4).

Автохтонной усть-бельскую керамику можно считать на основании сопоставления с керамикой из слев раннего и среднего неолита многослойной стоянки Казачка по следующим показателям: 1) открытая форма сосудов; 2) технология изготовления (Уланов, 2022); 3) использование местных сырьевых ресурсов; 4) орнаментация: выделение зоны венчика округлыми ямками. Тип усть-бельской керамики отражает общую закономерность в развитии материальной культуры на огромной территории лесной и лесостепной зоны Евразии. Закономерность проявляется в изготовлении крупных форм сосудов объемом в пределах 10–16 л, что может отражать необходимость хранения избыточного продукта благодаря распространению сетевого рыболовства. Важно отметить, что средний неолит охватывает почти 500-летний отрезок (6750–6300 кал.л.н.) самого благоприятного периода в жизни человечества последнего межледникового, близость условий адаптации к которому привела к сходству материальной культуры.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (№ FMZF-2022-0019).

Рис. Обломки сосудов поселения Усть-Белая из раскопов 1957 г. и их радиоуглеродные даты. Усть-бельский тип (1–3) и фрагмент шнуровой керамики (4)

Fig. Vessel fragments from the Ust-Belaya settlement from the 1957 excavations and their radiocarbon dates. Ust-Belaya type (1–3) and a fragment of corded ware ceramics (4)

ЛИТЕРАТУРА

Бердникова Н. Е. Усть-Бельский керамический пласт (к постановке проблемы) // Резанов И. Н. (отв. ред.). Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Ч. 2. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986. С. 36–39.

Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Бердникова Н. Е., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Абрашина М. Е., Крутикова К. А., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Когай С. А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые дан-

ные // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989.

Уланов И. В. Древнее гончарство юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022.

UST-BELSKY CERAMICS OF THE MIDDLE NEOLITHIC IN BAIKAL SIBERIA

G. V. Sinitsyna

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

The paper deals with radiocarbon dates of Ust-Belsky type of ceramics in the context of general Neolithic chronology of the Baikal region. Local origin of this ceramics is testified by chronological sequences, as well as tech-

no-typological sequential line based on vessel forms (from Early and Middle Neolithic of Kazachka site), raw materials procurement based on local sources, and decorative tradition of rounded pits put around the upper part of the vessel.

КЕРАМИКА РАННЕГО (АРХАИЧНОГО) ЭТАПА ЛЯЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ДОБРОЕ 9 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Р. В. Смольянинов¹, А. А. Куличков², Е. С. Юркина¹

¹ ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк, Россия

² Межрегиональный центр археологических исследований, Липецк, Россия

Объект археологического наследия «Доброе 9, поселение» расположен в Добровском районе Липецкой области. В 2014 г. А. А. Клюкойть в размываемом правом берегу р. Воронеж у с. Доброе Липецкой области (см. рис.: 1) на останце правой надпойменной террасы высотой 2 м над рекой выявил данное поселение. В 2017–2021 гг. на нем были заложены раскопы общей площадью 190 м² (Юркина, 2022).

Поселение Доброе 9 прежде всего является уникальным памятником для эпохи раннего неолита, так как впервые за время изучения среднедонской неолитической культуры на территории Верхнего Дона выявлен ее несмешанный культурный слой (Смольянинов, Юркина, 2018). Также памятник очень интересен с точки зрения стратиграфии залегания материалов льяловской культуры эпохи неолита и среднестоговской — раннего металла.

Подавляющее большинство керамики среднего неолита — энеолита выявлено в слое темно-серого гумусированного грунта — погребенной почвы и верхней толще серого пойменного алевролита, перекрывавшего слой, содержащий материалы среднедонской неолитической культуры.

Керамическая коллекция раннего этапа льяловской культуры эпохи неолита из раскопов 2017–2021 гг. насчитывает 328 фрагментов. Из них 48 венчиков и три округлых донца (см. рис.: 5, 7), всего было выделено по венчикам 32 сосуда.

Десять венчиков от сосудов открытой формы (см. рис.: 4, 6), у одного края слегка стянуты внутрь, а у четырех из них слегка отогнуты наружу. Также десять горшков выделено с разной степенью профилировки (см. рис.: 3, 8), два прямостенных и еще восемь закрытой формы (см. рис.: 2).

А. А. Куличковым был произведен технико-технологический анализ данной керамики. В качестве исходного пластичного сырья (ИПС) для ранней льяловской лепной керамики использовалась ожелезненная илистая глина. В единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений. Сырье среднезаспесоченное, с кварцевым окатанным песком

размером 0,2–0,5 мм в концентрации 1:6–1:7. ИПС двух сосудов содержит твердые окатанные железистые частицы размером 1–3 мм. Еще в двух найдены не промышленные частицы высокопластичной глины белого цвета. ИПС использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано.

В формовочную массу всех сосудов в качестве искусственной примеси добавлена некалиброванная кварцевая дресва размером 0,2–4 мм, в концентрации от 15 до 40 включений на см².

Выявлены признаки конструирования посуды лоскутным налепом, строительными элементами служили лепешкообразные лоскутки размером от 1,5×1,5 до 3×3 см, которые накладывались по горизонтальной траектории. У всех сосудов обе поверхности заглажены грубо выделанной кожей.

Механическая прочность керамики высокая. Окраска изломов фрагментов сосудов одно- или двухслойная. Слои неравномерные по толщине, границы между ними размытые, что свидетельствует о том, что керамика долгое время после обжига оставались остывать в обжиговом устройстве. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления — 650–700 °С. В то же время наличие насквозь прокаленных изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Следует отметить, что технология изготовления, орнаментация и формы льяловской керамики с поселения Доброе 9 достаточно однородны.

В данной керамике присутствует примесь дресвы, орнаментация и аналогичные формы сосудов, характерные для керамики раннего этапа льяловской культуры (Энговатова, 1998. С. 243), наиболее ранние материалы которой датируются 5693±20 ВР (4603–4458 calBC) (КИА-39307) по стоянке Озерки 17, 5930±200 ВР (5303–4374 calBC) (ГИН-6663) по стоянке Озерки 5 или 5920±60 ВР (4963–4619 calBC) (ГИН-7476) по стоянке Ивановское 7 (Радиоуглеродная хронология..., 2016). Таким образом, материалы поселения Доброе 9

по аналогии с Волго-Окскими древностями можно датировать первой половиной V тыс. до н.э., скорее всего, первой его четвертью.

Время прихода в Верхнее Подонье неолитических племен архаичного этапа льяловской культуры иллюстрируют радиоуглеродные даты, полученные по гребенчато-ямочной керамике Верхнедонских стоянок

Ксизово 65820 ± 130 BP (4995–4371 calBC) (Ki-13307), Ивница 5840 ± 90 BP (4932–4494 calBC) (Ki-16638), которые здесь сталкиваются с населением среднедонской культуры. Доказательством этого взаимодействия как раз и является появление примеси дресвы также в напольчатой посуде, в том числе и на поселении Доброе 9 (Смолянинов, 2020).

ЛИТЕРАТУРА

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: колл. моногр. / Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич (сост.). Смоленск: Свиток, 2016.

Смолянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк; Саратов: Десятая Муза, 2020.

Смолянинов Р.В., Юркина Е.С. Каменная индустрия раннего неолита Верхнего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 189–199.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Черных И.Н. (ред.). Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь: Тверская областная типография, 1998. С. 238–246.

Юркина Е.С. Формы сосудов среднедонской неолитической культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 183–191.

CERAMICS OF THE EARLY (ARCHAIC) STAGE OF THE LYALOVO CULTURE FROM THE DOBROYE 9 SETTLEMENT IN THE UPPER COURSE OF THE DON RIVER

R. V. Smol'yaninov¹, A. A. Kulichkov², E. S. Yurkina¹

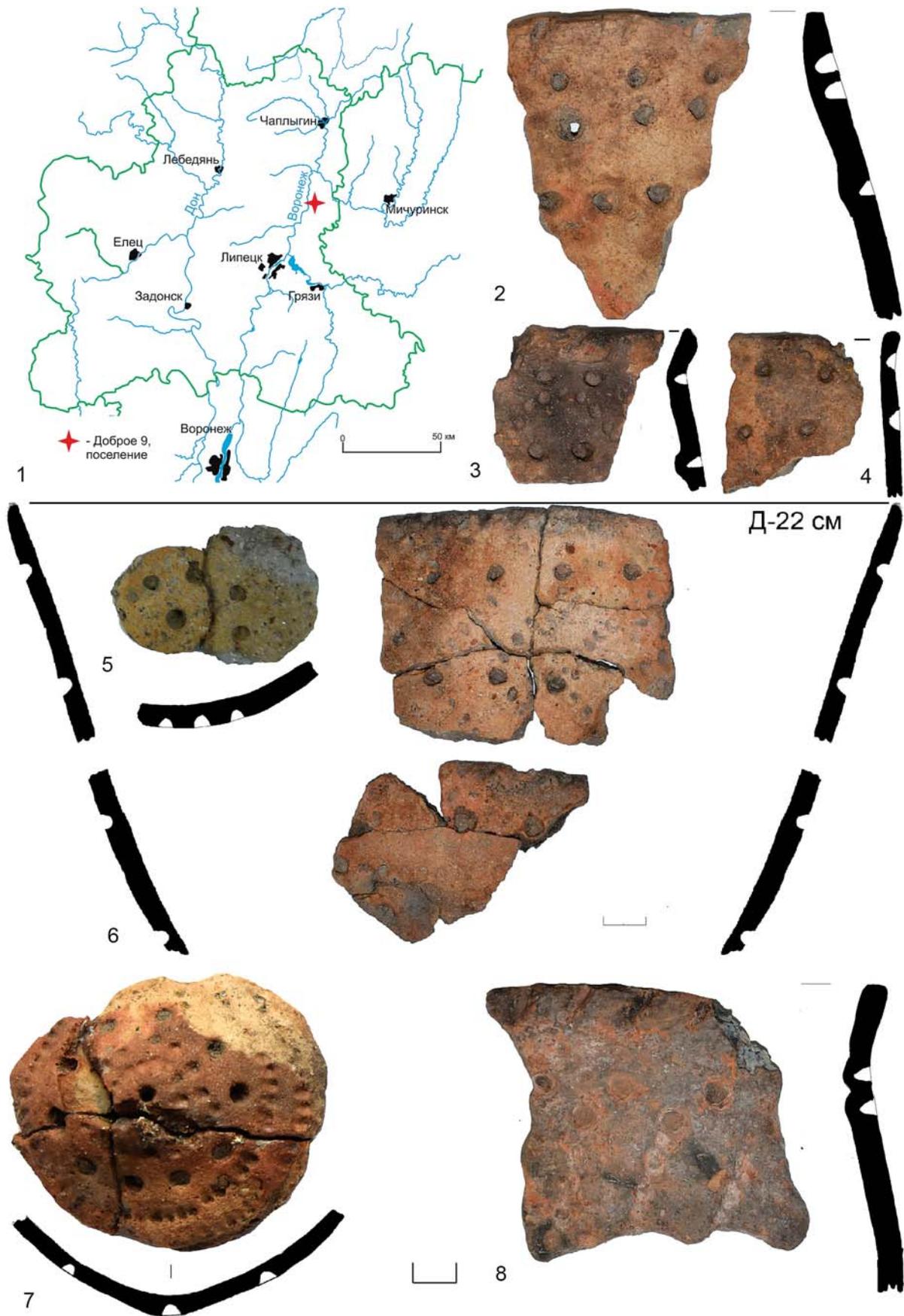
¹ *Archeological Research Public Organization, Lipetsk, Russia*

² *Interregional Center for Archaeological Research, Lipetsk, Russia*

The report presents ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture from the Dobroye 9 settlement in the upper course of the Don River. 190 square meters of cultural layer have been excavated at the site. First of all, this is the unique settlement for the regional Early Neolithic studies. This is the first time when a homogeneous cul-

tural layer of the Middle Don Neolithic culture was revealed in the upper Don River catchment.

Stratified position of archaeological materials of the Neolithic Lyalovo culture and the Early Metal epoch *Srednestogovskaya* culture provide good opportunity for studying of these archaeological contexts.

Рис. Доброе 9, поселение: 1—расположение памятника на карте Центрального Черноземья; 2–8—керамика льяловской культуры

Fig. Dobroe 9 settlement: 1—position of the site on the map of the Central Chernozemye region; 2–8—pottery of the Lyalovo culture

МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО НЕОЛИТА С ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА КСИЗОВО 6 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Р. В. Смольянинов¹, А. А. Куличков², Е. С. Юркина¹

¹ ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк, Россия

² Межрегиональный центр археологических исследований, Липецк, Россия

Археологический памятник Ксизово 6 находится на окраине с. Ксизово Задонского района Липецкой области у впадения р. Снова (правый приток) в р. Дон. Всего было заложено два раскопа общей площадью 253 м² (Лаврушин и др., 2009).

Памятник Ксизово 6 сочетает в себе поселение и грунтовый могильник эпохи неолита — бронзы. В результате проведенных раскопок была получена одна из крупнейших коллекций керамики для территории Верхнего Дона от раннего неолита до эпохи великого переселения народов. В ней выделяется керамическая серия ранненеолитической накольчатой, гребенчатой и неорнаментированной посуды, относящаяся ко второй четверти VI — первой половине V тыс. до н.э.

Ранненеолитическая коллекция представлена 98 сосудами, которые выделены по венчикам. По орнаментации ее можно разделить на пять групп: неорнаментированная или орнаментированная одним горизонтальным рядом ямок по краю венчика (карамышевская культура), гребенчатая посуда (среднедонская культура), накольчатая — украшенная треугольным наколом (среднедонская культура), накольчатая — украшенная овальным наколом и украшенная мелкими ямками — наколами (карамышевская культура).

Технико-технологический анализ, проведенный для 89 ранненеолитических сосудов в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978; Бобринский, 1999. С. 9–11), не позволил подтвердить наше разделение по характеру украшения керамики и визуальному внешнему отличию аналогичными выводами о разделении гончарной посуды по составам исходного пластичного сырья (ИПС).

Выявлено, что в качестве ИПС для изготовления всех сосудов использовалось илистое сырье. В образцах в единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений, нитевидных водорослей, ожеженые частицы различной плотности, размера и концентрации, непромешанные частицы высокопластичной глины. Сырье обладает различной степенью пластичности. Песок кварцевый окатанный размером 0,2–0,4 мм, в единичной концентрации встре-

чаются песчинки размером до 1,5 мм. В 17 образцах найдены отпечатки костей рыб. В подавляющем большинстве сосудов выявлена естественная примесь раковины речных моллюсков. ИПС использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. В единичных случаях встречена искусственная примесь некалиброванной кварцевой дресвы размером 0,5–2 мм в концентрации 8–22 включений на 1 см² и шамота.

Вся посуда была изготовлена способом скульптурной лепки из небольших лоскутков размером от 0,5×0,5 до 2×2 см. Выявлено три способа обработки поверхностей: 1 — обе поверхности расчесаны жестким гребенчатым штампом; 2 — обе поверхности тщательно заглажены; 3 — внешняя тщательно заглажена, а внутренняя расчесана жестким гребенчатым штампом.

Сходство рецептов ИПС можно объяснить только тем, что место его сбора было одно и то же — на ближайшем берегу р. Дон. Наличие искусственной примеси дресвы в ИПС среднедонской культуры объясняется смешением рецептов изготовления этой керамики с традицией раннего (архаичного) этапа льяловской культуры. А наличие шамота является частой примесью в тесте посуды карамышевской культуры на основной территории обитания этого населения — на р. Воронеж.

По гребенчатой керамике позднего этапа среднедонской культуры получена одна радиоуглеродная дата 5760±120 BP (2σ 4894–4354 calBC, SPb-3806).

Также, вероятнее всего, к карамышевской культуре относится погребение 9. Мужчина возрастом 40–45 лет. Прижизненная длина тела — 169,3 см. Сохранилось всего несколько длинных костей ног, лежащих по линии запад–северо-запад — восток–юго-восток. В 53 см к северо-западу от слома кости погребения 9 выявлен костяной гарпун. Около ног погребенного находились челюсть и клык животного (Васильев и др., 2018).

Погребение занимало нижнее положение в культурном слое памятника и совершено в обкладке из крупных известняковых камней. Подобный обряд характерен также для разрушенного погребения 8. Дан-

ные погребения были оставлены раннеолитическим населением карамышевской культуры и датируются второй четвертью VI тыс. до н.э. Это подтверждает и радиоуглеродная датировка костей человека из погребения 9–6870±31 BP (5837–5670 calBC, Hela-4624) (Scott et al., 2022).

Таким образом, керамическую коллекцию раннего неолита можно отнести к двум археологическим культурам: первому этапу карамышевской и среднедонской. При этом первую можно датировать второй четвертью VI тыс. до н.э., а последнюю — первой половиной V тыс. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: колл. монография. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Васильев С. В., Смольянинов Р. В., Боруцкая С. Б., Бессуднов А. Н. Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 167–195.

Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Бессуднов А. Н., Смольянинов Р. В. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М.: Геос, 2009.

Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A. A., Belinskiy A., Buzhilova A., Berezina N., Kantorovich A. R., Maslov V. E., Guliyev F., Lyonnet B., Gasimov P., Jalilov B., Eminli J., Iskandarov E., Hammer E., Nugent S. E., Hagan R., Majander K., Onkamo P., Nordquist K., Shishlina N., Kaverzneva E., Korolev A. I., Khokhlov A. A., Smolyaninov R. V., Sharapova S. V., Krause R., Karapetian M., Stolarczyk E., Krause J., Hansen S., Haak W., Warinner Ch. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes // *Nature Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 6. P. 813–822. <https://doi.org/10.1038/s41559-022-01701-6>

EARLY NEOLITHIC MATERIALS FROM THE KSIZOVO 6 SETTLEMENT AND BURIAL GROUND IN THE UPPER COURSE OF THE DON RIVER

R. V. Smol'yaninov¹, A. A. Kulichkov², E. S. Yurkina¹

¹ *Archeological Research Public Organization, Lipetsk, Russia*

² *Interregional Center for Archaeological Research, Lipetsk, Russia*

The Ksizovo 6 settlement on the left bank of the Don River was found and studied in 2004–2005. As a result of the excavations, a ceramic collection that contains several hundred Neolithic and Bronze Age vessels (6–2nd mil. ka BC) has been obtained. Thickness of the cultural layer at the site varied from 1 to 2 meters in different areas. The Early

Neolithic pottery of the Karamyshev and *Srednedonskaya* cultures (the second quarter of the 6th — first half of the 5th mil. ka BC) is of special interest. The main task was a comprehensive study and description of the obtained ceramic materials. According to radiocarbon dating, some of the burials that revealed at the site can also relate to the Early Neolithic period.

СЫАЛАХСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

М. В. Степанов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Ранний неолит Якутии соотносится с сыалахской культурой, существовавшей 6,8–5,4 тыс. кал.л.н. (Алексеев, Дьяконов, 2009. С. 28; Мочанов, Федосеева, 2013). Основным культурным индикатором сыалахской культуры является керамика, покрытая оттисками плетеной сетки. Именно со становлением сыалахской культуры связывается начало распространения древнего гончарства на территории Якутии. Впоследствии новое ранненеолитическое население с типологически сходными керамическими традициями широко расселилось на огромных территориях бассейна Лены и ее притоков. Очевидно, что без понимания культурных и технологических традиций гончарства сыалахской культуры невозможно воссоздать более-менее полную картину историко-культурных процессов неолита Средней и Северо-Восточной Сибири.

Слабо разработанной проблемой остается вопрос генезиса сыалахской культуры и ее связей с неолитическими традициями Байкало-Енисейского региона. В историографии данного блока проблем ранний неолит Якутии часто сопоставлялся с материалами исаковско-серовской общности, но при этом происхождение сыалахской культуры связывалось с Забайкальем. Однако в последние годы культурно-хронологическая схема неолита Байкало-Енисейской Сибири была уточнена, поэтому возникает необходимость корректировки наших представлений. Наиболее информативным средством для реконструкции историко-культурных связей, по нашему мнению, является керамика. Степень изученности гончарства сыалахской культуры все еще довольно слабая, что связано с сильной фрагментарностью и относительно небольшим количеством самого керамического материала. Но, несмотря на этот факт, есть определенные основания для сопоставления сетчатой керамики Якутии и Байкало-Енисейской Сибири.

Совместно с сотрудниками НИЦ «Байкальский регион» ИГУ проведен анализ формовочных масс и диагностика следов формовочных операций на сыалахских сосудах со стояночных комплексов Алдана (Белькачи I, Сумнагин I), Вилюя (Хатынгнаах II, Сюлюдюкар, Тумул), Амги (Кюнкю II), Нижней Лены (Сиктях I) из фондов Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой АНИЦ РС(Я). В целом изучено 49 сосудов, анализ формовочных масс был проведен по изломам 31 сосуда.

В результате установлено сходство в традициях отбора сырья и составления формовочной массы, среди которых преобладают несмешанные одно- и двухкомпонентные рецепты с добавлением в последнем случае дробленой породы и/или шамота. Причем использование шамота в сыалахской керамике, очевидно, является устойчивой традицией. В ходе анализа следов формовочных операций выявлено использование лоскутного налепа. Кроме того, обнаружены следы расслоения по саям конструктивных элементов, на которых были отмечены оттиски сетки-плетенки (три сосуда), что указывает на выбивание сосуда в процессе его конструирования. Важным моментом анализа сыалахской керамики стала фиксация негативов сетчатого декора на внутренней поверхности двух сосудов, что свидетельствует об использовании других сосудов в качестве форм-основ или их фрагментов как наковаленок при выбивании.

Таким образом, сыалахская гончарная традиция находит довольно четкие аналогии в неолите Байкало-Енисейской Сибири, что может указывать даже на предметные связи. При этом керамика раннего неолита Якутии является довольно самобытным историко-культурным феноменом, о чем свидетельствует своеобразие орнаментальных традиций сыалахской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.

Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории. Эпоха камня. Т. 2. Якутск: Дани Алмас, 2013.

SYALAKH CULTURE IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS OF THE MIDDLE SIBERIA

M. V. Stepanov

Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

The article formulates the problem of the place of Syalakh culture in the context of historical and cultural relations of the Neolithic in the Middle Siberia. As a result of preliminary analysis of ceramic materials from Early Neolithic

sites in Yakutia, clear analogies with Early Neolithic ceramics of Baykal-Yenisei Siberia were recorded. The Syalakh culture was original, but probably had successive connections with the Early Neolithic population of the Baikal-Yenisei region.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА СТОЯНКИ ЛУЖКИ II ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

А. В. Сомов, К. М. Андреев, О. В. Андреева

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

С тоянка Лужки II расположена на левом берегу реки Сок вблизи п. Лужки Красноярского района Самарской области (Сомов и др., 2022). Памятник находится на вытянутом участке аллювиальной первой надпойменной террасы р. Сок между двумя старичными водоемами. В 2020–2023 гг. на памятнике заложен раскоп общей площадью 416 м².

В результате проведенных работ было обнаружено более 3 тыс. фрагментов неолитической посуды. Фрагменты толщиной 0,5–1,5 см светло- или темно-коричневого цвета, сердцевина излома черная. Практически все венчики имеют ямочно-жемчужный поясок под срезом, нанесенный с внешней стороны. Керамическая коллекция может быть разделена на четыре основные морфологические группы.

Первая (постелшанская) группа включает в себя венчики (71 экз.), неорнаментированные стенки (1080 экз.), днища или придонные части (112 экз.). Группа характеризуется баночными сосудами с плоским дном, орнаментированными лишь ямочно-жемчужным пояском. Венчики в основном прямые с округлым или плоским срезом, реже они имеют открытую или закрытую формы. В единичных случаях срез орнаментирован насечками. Кроме этого, встречено семь фрагментов придонной части от округлодонных сосудов.

Вторая (прочерченная) группа наименее представительна и включает в себя семь фрагментов стенок от разных сосудов и один прямой венчик с плоским срезом, орнаментированные прочерченными линиями, образующие мотив косой решетки.

Третья (накольчатая) группа объединяет около 700 фрагментов примерно от 90 сосудов. Венчики в основном прямые с округлым срезом, которые в единичных случаях орнаментированы наколами, оттисками гребенчатого штампа или насечками. Орнамент наносился преимущественно в отступающей, реже в разреженной манере. На одном сосуде фиксируется сочетание разреженной и отступающей техники нанесения. Доминирует накол треугольной формы, реже представлены наколы округлые и прямоугольные. К единичным элементам можно отнести строчечные, спаренные и полудунные. Орнамент образует как простые (горизонтальные, диагональные и вертикальные ряды, а также их сочетания), так и более сложные (меандры, ви-

сание треугольники, сложные геометрические фигуры, зигзаги) мотивы, которые в подавляющем большинстве случаев покрывают всю поверхность выделенных сосудов. Днища плоские, из них два фрагмента дна орнаментированы радиальными рядами наколов.

Четвертая группа (керамика с орнаментом, нанесенным разными штампами) представлена 872 фрагментами примерно от 90 сосудов. Реконструированные сосуды имеют в основном баночную форму с плоским дном, но также встречаются яйцевидные сосуды. Венчики прямые, реже открытой или закрытой формы. Срез округлый, плоский, приостренный или скошенный внутрь. Нередко фиксируется орнаментация среза сосудов, которая выполнена насечками или гребенчатым штампом. Данная группа включает в себя сосуды, украшенные прямым гладким штампом (10 сосудов); слабоизогнутыми насечками (10 сосудов); прямым гребенчатым штампом (более 70 сосудов). Наибольшее распространение получили простые горизонтальные ряды из диагонально или вертикально ориентированных оттисков. В то же время фиксируются и более сложные мотивы: двойной горизонтальный зигзаг; вертикальная елочка; «косая сетка» и различные их сочетания. Также в данную группу включен один сосуд, украшенный горизонтальными рядами разнонаправленных оттисков рамчатого штампа.

Помимо этого, пятнадцать сосудов сочетают разные способы нанесения орнаментации. Так, четыре сосуда орнаментированы накольчатым орнаментом и гребенчатым штампом. Мотив в основном представлен горизонтальными рядами гребенчатого штампа, разделенными горизонтальными оттисками разреженных наколов. Один сосуд украшен более сложной композицией. Три сосуда орнаментированы оттисками гладкого штампа, разделенными наколами в разреженной манере. Два сосуда декорированы наколами в отступающей манере и короткими слабоизогнутыми насечками. Пять сосудов орнаментированы насечками или оттисками гладкого или гребенчатого штампа.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

ЛИТЕРАТУРА

Сомов А. В., Андреев К. М., Рослякова Н. В. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследований) // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 166–182.

NEOLITHIC CERAMICS OF THE LUZHKI II SITE OF THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

A. V. Somov, K. M. Andreev, O. V. Andreeva

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

---

The article presents the Neolithic ceramic complex of the Luzhki II site. The monument is located in the Sok River basin (the left tributary of the river Volga) in the Krasnoyarsk district of the Samara region. As a result of work carried out in 2020–2023, more than 3,000 fragments of Neo-

lithic pottery were discovered. The ceramic complex can be divided into four main typological groups: *post-Yelshansky*; lined; pricked and ceramics with ornaments applied with different stamps. In addition, there is a “mixed” group of ceramics, decorated with different systems of ornamentation.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ НЕОЛИТА СТОЯНКИ ЙОРКУТИНСКОЙ (ПОЛУОСТРОВ ЯМАЛ)

О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин

Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

Стоянка Йоркутинская обнаружена в южной части полуострова Ямал, в истоках р. Ёркатаяха (Йоркута-яха), еще в 1965 г. сотрудником геодезической партии Ю. Г. Королёвым. Собранные материалы, среди которых фрагменты керамических сосудов оригинальных форм с характерной орнаментикой, шлифованная игла из сланца и наконечники стрел, были переданы Л. П. Хлобыстину, опубликовавшему их в 1969 г. (Королёв, Хлобыстин, 1969. С. 79–83). В 2020 г. авторами настоящей работы памятник был повторно обнаружен и зафиксирован. В этом же году впервые проведены археологические раскопки, а в 2022 г. вышла публикация, где по результатам первого года работ описана каменная индустрия поселения (Тупахин, Тупахина, 2022. С. 44–45). В данной работе представляется уникальный керамический комплекс памятника и ставится вопрос о выделении йоркутинской археологической культуры.

Керамический комплекс (11 180 ед.) стоянки Йоркутинской выглядит однородным, орнаментация не отличается большим разнообразием. По форме сосуды делятся на полуяйцевидные, с прямыми стенками и чаши. Венчики прямые, изгиб горловины отсутствует (за редким исключением). Изредка на тулове сосудов отмечены «ступеньки», когда при конструировании формы лента не заглаживалась встык или внахлест, а оставалась с наружной стороны ребром. Чаши встречаются в различных вариантах — округлые, овальные, прямоугольные, ладьевидные. Отмечены фрагменты чаш с плоским дном, одна из них с прямыми стенками, вторая предположительно имеет плоскую дисковидную форму с узким горлом.

Основной элемент орнаментальной композиции представлен оттисками штампа в виде маленьких треугольников. Нижнюю часть сосудов и дно чаще всего

украшали оттисками гладкой или гребенчатой качалки (см. рис.: 4, 7, 9, 10). Оттиски могли наноситься сплошным полем, либо фризами из горизонтально или вертикально поставленной качалки. В некоторых случаях оттиски гладкой качалки украшали весь сосуд от венчика до доньшка (см. рис.: 5, 8). Орнаментальная композиция сосудов, особенно миниатюрных, могла состоять из одних оттисков треугольного штампа (см. рис.: 1–3). Встречаются сосуды без орнамента (см. рис.: 6).

Кромка венчика могла быть прямой, с небольшим скосом на внутреннюю или внешнюю поверхности, округлой, орнаментированной оттисками треугольного штампа или гладкой. В некоторых случаях украшалась наlepной волной или другими наlepными выступами, интерпретируемыми нами как зооморфные фигуры.

Доньшки крупных сосудов округлые, миниатюрных — приостренные, низких чаш и ладьевидных сосудов — округло-уплощенные или плоские. Встречаются прямоугольные чаши с углами в виде конусов (см. рис.: 7). По общему виду такие чаши напоминают сшитые берестяные коробки.

На крупных емкостях часто встречаются следы ремонта в виде просверленных парных отверстий. Обжиг костровой, в составе формовочных масс отощитель в виде некалиброванной дресвы, органика. Толщина стенок от 0,4 до 1 см.

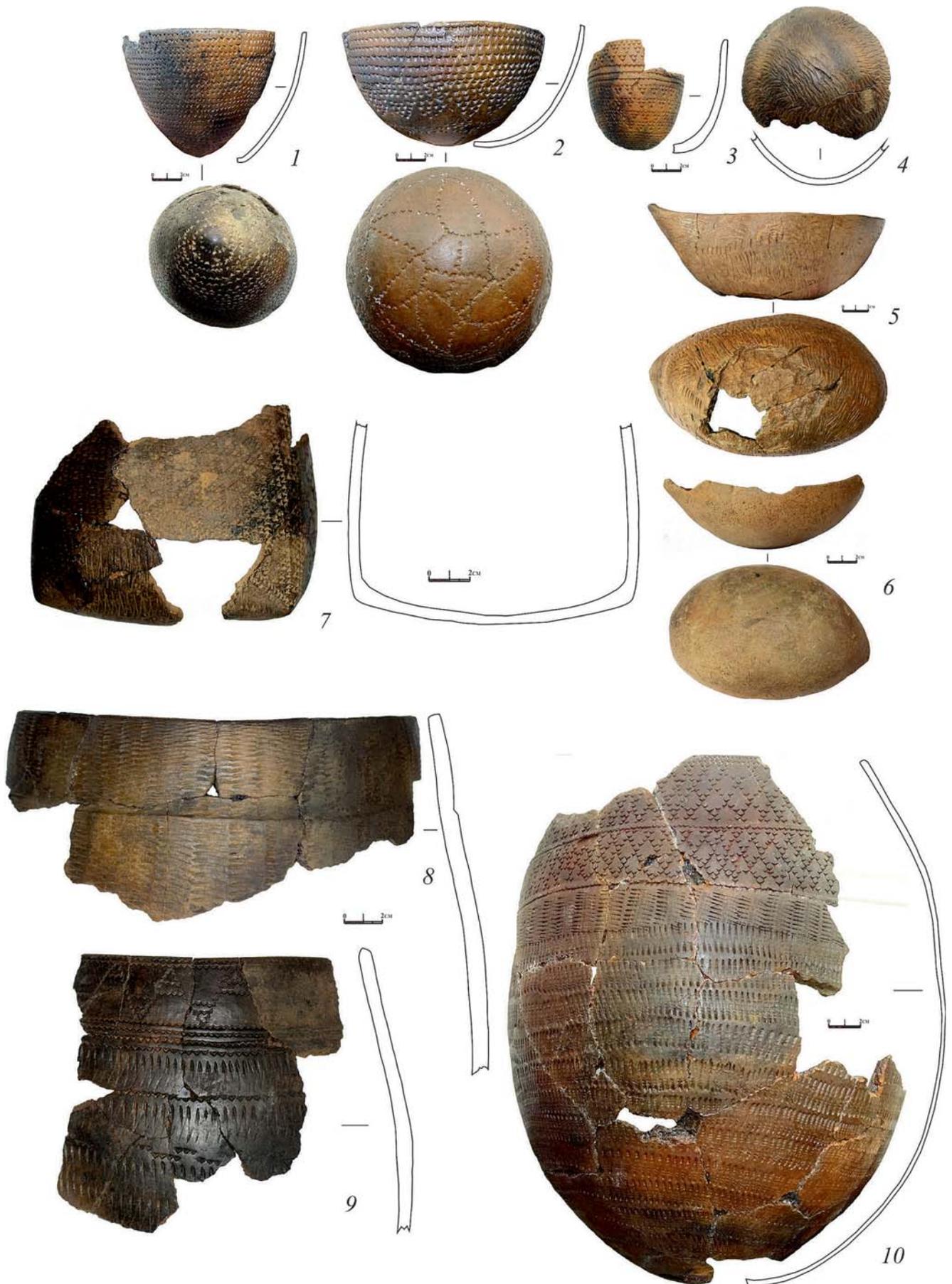
Материалы стоянки Йоркутинской уникальны, многочисленны и разнообразны, кроме того, других памятников с керамикой подобного типа к настоящему времени неизвестно. Поскольку именно керамика считается одним из основных индикаторов для выделения археологических культур, есть основание выделить данный комплекс находок и сопутствующих материалов в йоркутинскую археологическую культуру оседлых охотников на северного оленя.

ЛИТЕРАТУРА

Королёв Ю. Г., Хлобыстин Л. П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. 1969. № 115. С. 79–83.

Тупахин Д. С., Тупахина О. С. Каменная индустрия Нижнего Приобья в эпоху неолита (по материалам Сто-

янки Йоркутинской) // Выборнов А. А., Колпаков Е. М., Ткач Е. С. (ред.). Изделия из камня и кости в культурах неолита: материалы симпозиума (Санкт-Петербург, 16–18 мая 2022 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 44–45.

Рис. Стоянка Йоркутинская: 1-7—чаши; 8-10—сосуды полуяйцевидной формы

Fig. Yorkutinskaya site: 1-7—bowls, 8-10—half-egg shaped vessels

NEOLITHIC CERAMIC COMPLEX OF THE YORKUTINSKAYA SITE (YAMAL PENINSULA)

O. S. Tupakhina, D. S. Tupakhin

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

The article describes a unique ceramic complex from the Yorkutinskaya site located in the southern part of the Yamal Peninsula. The settlement was left by Arctic sedentary reindeer hunters. The obtained archaeo-

logical material indicates the unique culture and subsistence system of the ancient population of the Yamal Arctic. This raises an issue on distinguishing the Yorkuta archaeological culture.

СЕТЧАТАЯ И ХАЙТИНСКАЯ КЕРАМИКА РАННЕГО НЕОЛИТА ЮЖНОГО ПРИАНГАРЬЯ: РОДСТВЕННИКИ ИЛИ ПРОСТО СОСЕДИ?

И. В. Уланов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

В раннем неолите на территории Южного Приангарья фиксируются две группы керамики: с отпечатками плетеной сетки и с отпечатками шнура (хайтинский тип), возраст бытования которых по результатам AMS-датирования определяется в рамках 8539–6914 кал.л.н. (Бердников и др., 2020).

Ряд общих морфологических и технологических признаков сетчатых и хайтинских сосудов и залегание их в одних горизонтах многослойных местонахождений позволили ранее высказать предположение об их культурном единстве, в рамках которого наличие двух разных типов посуды объяснялось различным функциональным или символично-культурным назначением (Игумнова и др., 2005. С. 26). Однако специально этот вопрос не рассматривался.

Недавно была опубликована крупнейшая коллекция керамики раннего неолита из расположенных рядом мультислойчатых стоянок Усть-Хайта и Горелый Лес (Южное Приангарье) (Савельев, Уланов, 2019). Результаты ее исследования позволили вновь обратиться к вопросу о культурном родстве сетчатых и хайтинских сосудов. В пользу данной гипотезы выступают следующие факты:

- 1) нахождение в одних культуросодержащих горизонтах Усть-Хайты и Горелого Леса сетчатой и хайтинской керамики примерно в равной пропорции;
- 2) морфологическое сходство: все хайтинские и часть сетчатых сосудов имеют закрытую форму со слабой профилировкой верхней части и прямым венчиком;
- 3) наличие технического декора, покрывающего всю внешнюю поверхность;

4) использование в ряде случаев одинаковых элементов орнамента;

5) сходство в технологии изготовления: состав формовочных масс, зональный лоскутный налеп, использование формы-основы (другой сосуд), прием выбивания.

Кроме того, на стоянке Усть-Хайта, где в раннеолитических слоях зафиксирована интенсивная жизнедеятельность, связанная с охотой и рыболовством, найдено много и сетчатой, и хайтинской керамики, а также обнаружена группа сосудов со смешанными признаками обеих традиций (Савельев, Уланов, 2021).

Наличие смешанной по своим признакам керамики скорее опровергает гипотезу о культурном единстве двух типов посуды. Также против этого свидетельствуют преобладание одной из групп керамики на разных объектах Байкало-Енисейской Сибири, наличие сетчатых сосудов в китайских захоронениях, различия в морфологии и декоре.

Вероятно, обе разновидности керамики соответствуют разным, но культурно близким группам населения, которые на протяжении длительного времени сосуществовали и могли иметь хозяйственные места коллективного пользования как, например, Усть-Хайта, где они могли обитать совместно. В результате такого проживания, вероятно, и появилась смешанная керамика.

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России, проект № FZZE-2023-0007.

ЛИТЕРАТУРА

Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Бердникова Н. Е., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Абрашина М. Е., Крутикова К. А., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Когай С. А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия Иркутского государственного ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53.

Игумнова Е. С., Савельев Н. А., Спиридонова Ю. В. Керамика «хайтинского» типа Мишелевского геоархеологического комплекса // Медведев Г. И. (отв. ред.). Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Радян, 2005. С. 25–26.

Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72.

Савельев Н. А., Уланов И. В. К вопросу о взаимодействии двух традиций изготовления керамики в раннем неолите Южного Приангарья (по данным стоянок Горелый Лес и Усть-Хайта) // Бобров В. В. (ред.). В познании дописьменного периода истории. Кемерово: Изд-во КРИПКИПРО, 2021. С. 65–72.

THE EARLY NEOLITHIC NET-IMPRESSED AND KHAITA CERAMICS OF THE SOUTHERN ANGARA REGION: RELATIVES OR JUST NEIGHBORS?

I. V. Ulanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

The report presents the problem of the relationship between two groups of Early Neolithic ceramics from the Southern Angara region. Previously, it was hypothesized that vessels with woven net impressions and with cord impressions (the Khaita type) may belong to the

same culture, but differ in function or symbolism. We assume that both types of ceramics correspond to different, but culturally close population groups that coexisted for a long time and had economic places for collective use, such as the Ust-Khaita site.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ А. А. ИНОСТРАНЦЕВА

М. А. Холкина, Р. И. Муравьев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В 1878–1882 гг. профессором Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцевым при работах по строительству каналов в Южном Приладожье была собрана богатая коллекция предметов каменного века (Иностранцев, 1882). Несмотря на отсутствие сведений о точных условиях нахождения предметов, они являются ценным источником для изучения мезолита и раннего неолита Балтики.

Значительную часть коллекции составляют фрагменты сосудов ранненеолитической нарвской культуры. Их отличает хорошая сохранность, черный цвет со следами сажи и нагара, примесь дробленой раковины в виде белесого заполнения пор. Поверхность фрагментов тщательно заглажена, иногда подлощена, расчески практически не встречаются, орнаментация отсутствует. Венчики прямые, непрофилированные, с плоским или слегка скругленным краем. Фиксируются следы П-образного стыка лент, а также характерные для нарвской керамики просверленные отверстия для починки сосуда.

Н. Н. Гурина (Гурина, 1961) впервые отнесла эту часть коллекции А. А. Иностранцева к нарвской культуре, проведя параллель с материалами стоянок Нарва Рийгикюла 1–3. Аналогичной атрибуции придерживался и В. И. Тимофеев (Тимофеев, 1994), включив в ранне-неолитические материалы также ряд костяных орудий. Нарвская керамика отмечена В. И. Тимофеевым и на стоянке Березье (Тимофеев, 1995).

Стоянки нарвской культуры на территории Ленинградской области обнаружены также на южном побережье Финского залива (Галик 3–4, 6–7, 10; Кузёмкино 1–6; Извоз 2; Ломми; Косколово 5) и в Лужском районе (Сябе-

ро 3–4; Мерёво 2). Нарвскую керамику выделяла И. В. Верещагина в материалах стоянки Хепо-Ярви, похожие фрагменты со следами примеси раковины найдены на стоянке Силино, что дает основания для обнаружения нарвской или «гибридной» посуды и на Карельском перешейке. Фрагменты сосудов с примесью раковины, с прямым венчиком, но орнаментированные оттисками гребенчатого штампа и прочерченным зигзагом обнаружены нами в коллекциях стоянок Тарховка и Глиняный ручей, а также в ранне-неолитическом контексте стоянки Синтола.

Типологическая близость керамики дополняется редкими для региона находками отдельных фрагментов кальцинированных костяных орудий (Сяберо 3, Кузёмкино 6, Синтола), что в целом может свидетельствовать в пользу довольно широкого применения кости обитателями этих стоянок в дополнение к утверждению В. И. Тимофеева о принадлежности части костяных орудий коллекции А. А. Иностранцева к нарвской культуре.

Рассматриваемые нами материалы имеют особое значение как расположенные наиболее близко к границе культур нарвской и сперрингс. Сочетание раковинной примеси, прямого венчика и богатой орнаментации керамики Сестрорецких стоянок, Синтолы и, возможно, Березья и Сяберо 3, может указывать на гибридный характер посуды этих «пограничных» стоянок. Неорнаментированная керамика стоянок Иностранцева отличается как от этих материалов, так и от классического «восточного» варианта нарвской посуды. Объяснение такой особенности может заключаться в датировке или их специфике ввиду изолированности на краю ареала нарвской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР. М. — Л., 1961. (МИА; № 87).

Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1882.

Тимофеев В. И. О культурно-хронологической атрибуции находок каменного века из приладожской коллекции А. А. Иностранцева // Прозоровский В. А. (ред.). Вопросы геологии и археологии: Тезисы докладов меж-

дународного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения профессора СПбГУ, член-корреспондента РАН А. А. Иностранцева (1843–1919). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 57–58.

Тимофеев В. И. Южное Приладожье. «Стоянки А. А. Иностранцева» и стоянка Березье // Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 178.

EARLY NEOLITHIC POTTERY FROM THE A. A. INOSTRANTSEV'S COLLECTION

M. A. Kholkina, R. I. Muravev

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The collection of the Stone Age artefacts from the South Ladoga region, formed by the professor of Saint Petersburg Imperial University A. A. Inostrantsev in 1870s, includes a representative number of undecorated shell-tempered pottery sherds. They were attributed as Early Neolithic Narva Ware first by N. N. Gurina in 1960s and later described by V. I. Timo-

feev. The South Ladoga region and the Karelian Isthmus are the northernmost periphery of the Narva culture, and the pottery here seems to share some characters with the Sperrings Ware: usually a combination of shell temper and comb decoration. Undecorated and well-preserved sherds from Inostrantsev's collection are of particular interest in this case.

О НЕОЛИТИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬСКО-ПРИБСКОГО РЕГИОНА

А. Ф. Шорин, А. А. Шорина

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Появление керамики часто рассматривается в качестве культуруопределяющего фактора в процессе неолитизации. Анализу подвергнуты две линии развития раннеолитической керамики региона на лесной и лесостепной зон от Уральского хребта на западе до Обь-Иртышского бассейна на востоке. Основной массив ранних дат с памятников региона тяготеет к середине — третьей четверти VII тыс. до н.э., хотя на некоторых памятниках есть калиброванные значения, уводящие в конец VIII тыс. до н.э.

В чем особенности ранних керамических комплексов этого обширного региона?

Раннеолитические комплексы Зауралья представлены памятниками кошкинского типа с круглодонной посудой, украшенной орнаментами, нанесенными в линейно-(отступающе)-накольчатой технике (см. рис.: 5–11). Плоские днища единичны, а целых сосудов с плоским дном не отмечено. Почти одновременно с кошкинскими формируются козловские (кокшаровско-юринские) комплексы. Это также только круглодонная посуда, на которой основные орнаментальные зоны заполнены узорами, нанесенными в той же отступающе-накольчатой технике. Но эти зоны нередко разделены узорами, нанесенными гребенчатым печатным штампом.

Кошкинская керамическая традиция выглядит совершенно сформированной, она оригинальна и полных аналогов в других регионах Евразии ей нет. Это ставит под сомнение гипотезу массовой миграции инородных коллективов в Зауралье, в том числе из южных регионов. Но и для обоснования автохтонной линии происхождения керамического производства в Зауралье археологических аргументов практически нет. Обсуждаемый в литературе тезис о том, что технология изготовления глиняной посуды попадала в Зауралье в результате цепочек экзогамных браков с соседствующими коллективами, внутри которых определенные индивиды, видимо женщины, знали полный цикл технологии лепки сосудов, могли адаптировать ее к новым природным условиям и обеспечить обучение ей своих новых свойственников, очень заманчив, но практически недоказуем.

Вторая линия развития ранней керамики рассматриваемого региона связана с археологическими па-

мятниками Приобского бассейна и сейчас представлена барабинской культурой, керамикой мулымьинского, сатыгинского, каюковского и амнинского типов (см. рис.: 1–4, 13). Все эти типы объединяет наличие плоскодонных сосудов горшечной и баночной форм, украшенных преимущественно в прочерченно-(отступающе)-накольчатой технике как простыми, так и сложными геометрическими орнаментами. Хотя распространение на значительной территории от барабинской лесостепи до глубинной таежной зоны Северного Зауралья и Нижнего Приобья, конечно же, наделяет каждый из них определенным колоритом. Так, в комплексах амнинского, каюковского, сатыгинского типов Нижнего Приобья и Северного Зауралья встречаются сосуды с округлым дном и декорированные гребенчатыми штампами в технике штамповки, реже шагания.

Даты памятников амнинского типа укладываются в интервал конца VII — первой четверти VI тыс. до н.э. Возраст мулымьинского типа посуды бассейна р. Конда определяется второй половиной или последней третью VII тыс. до н.э. Большинство дат с памятников каюковского типа относятся к началу — первой половине VI тыс. до н.э. К этому же хронологическому периоду относится большинство из более чем двух десятков дат барабинских памятников и только единичные заходят в VIII и VI тыс. до н.э.

Таким образом, в целом эти две линии развития раннеолитической керамики синхронны, но имели разные истоки формирования. Но на вопрос, заимствована ли была технология изготовления глиняной посуды извне или ее изготовление освоили на месте, однозначного ответа нет.

Яркой зоной соприкосновения этих двух керамических традиций оказалось Нижнее Приишимье, так называемый Мергенский археологический микрорайон (см. рис.: 12). Поселение Мергень 6, датируемое концом VII тыс. до н.э., демонстрирует хронологическое единство керамики как классического кошкинского, так и раннебоборькинского в понимании тюменских археологов типов. Хотя для обозначения последнего назрела, на наш взгляд, необходимость введения новой дефиниции, например мергенский тип керамики.

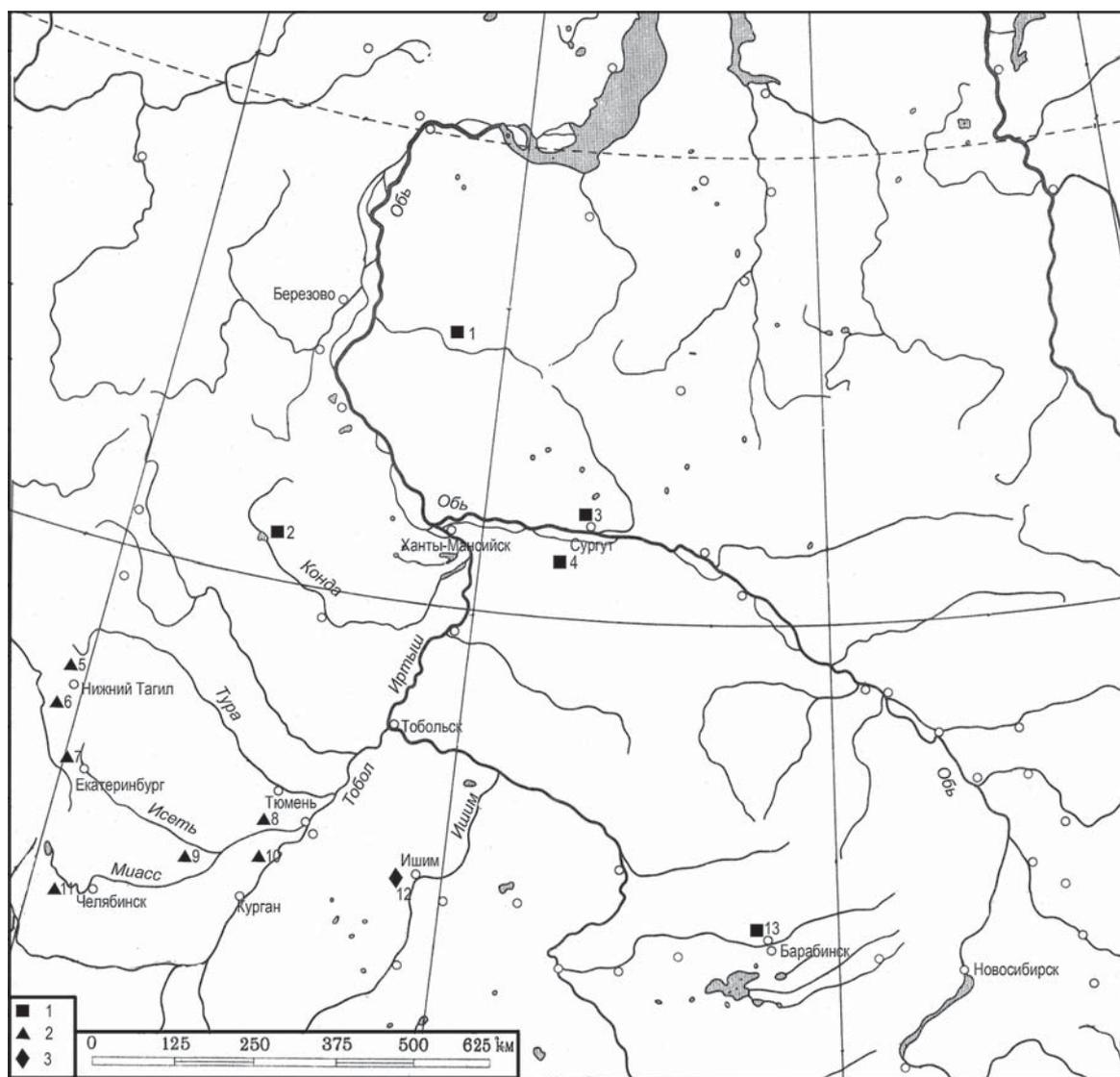
THE NEOLITHIZATION OF THE TRANS-URAL AND PRIOB REGIONS

A. F. Shorin, A. A. Shorina

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Siberian Branch RAS, Yekaterinburg, Russia

The report analyzes the early ceramic complexes of the forest and forest-steppe zones from the Ural ridge in the west to the Ob-Irtysh basin in the east in the middle—third quarter of the 7th millennium BC. Two vectors of development of early Neolithic ceramics have been identified:

Trans-Ural and Priob one. The first vector is represented by complexes of the Koshkinsky and Kozlovsky (Koksharovsky-Yuryinsky) types with round-bottomed vessels, the second vector is represented by the Barabinsky, Mulymyinsky, Satyginsky, Kayukovsky and Amninsky types, mainly with flat-bottomed vessels.

Рис. Карта распространения основных ранненеолитических памятников кошкинского типа и с плоскодонной керамикой в Зауральско-Западносибирском регионе: 1—памятники с плоскодонной керамикой; 2—памятники с кошкинской керамикой; 3—памятники Мергенского АМР. Памятники: 1—Амня 1; 2—Мулымья 3; 3—Барсова Гора II/9; 4—Каюково 2; 5—Кокшаровский холм; 6—Береговая II; 7—Калмацкий Брод; 8—памятники Андреевского АМР; 9—Ташково III; 10—Кошкино V; 11—Чебаркуль XVI; 12—памятники Мергенского АМР; 13—Тартас 1

Fig. Map of distribution of the main Early Neolithic sites of the Koshkinsky type and with flat-bottomed ceramics in the Trans-Ural-West Siberian region: 1—flat-bottomed ceramics; 2—Koshkinskaya ceramics; 3—the Mergen microregion. Sites: 1—Amnya 1; 2—Mulymya 3; 3—Barsova Gora II/9; 4—Kayukovo 2; 5—Koksharovsky Hill; 6—Beregovaya II; 7—Kalmatsky Brod; 8—sites of Andreevsky microregion; 9—Tashkovo III; 10—Koshkino V; 11—Chebarkul XVI; 12—sites of Mergensky microregion; 13—Tartas 1

СОКРАЩЕНИЯ LIST OF ABBREVIATIONS

- АМР — археологический микрорайон
АНИЦ — Арктический научно-исследовательский центр
АНО — автономная некоммерческая организация
БНЦ — Бурятский научный центр
БФ — Бурятский филиал
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГБУК — государственное бюджетное учреждение культуры
ДВО — Дальневосточное отделение
ДТА-ТГ — дифференциально-термический анализ с термогравиметрией
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии
КРИПКИПРО — Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИПС — исходное пластичное сырье
ИСНЦ — Известия Самарского научного центра
ИЯЛИ — Институт языка и литературы
КарНЦ — Карельский научный центр
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КИО — культурно-историческая общность
ККТ — керамика каргопольского типа
КМ — курганный могильник
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КФУ — Казанский федеральный университет
ЛРНОО — Липецкая региональная научная общественная организация
МАРНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МИА — Материалы по истории и археологии
НГУ — Новосибирский государственный университет
НИИ — научно-исследовательский институт
НИУ — научно-исследовательский университет
ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет
ПРФА — портативный рентгенофлуоресцентный прибор
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РМЭ — республика Марий Эл
РНФ — Российский научный фонд
РПЦ — Русская Православная Церковь
РС(Я) — Республика Саха (Якутия)
РФА — рентгеновский фазовый анализ
СГПУ — Самарский государственный педагогический университет
СКК — среднедонская катакомбная культура
СНВ — Самарский научный вестник
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СО — Сибирское отделение
УрО — Уральское отделение
ФДНЧ — Фонд «Дом наук о человеке»
ФИЦ УУХ — Федеральный исследовательский центр угля и углехимии
ЮУрГГПУ — Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
HPIA — Helsinki Papers in Archaeology
HSE — Higher School of Economics
ICP-MS — метод индуктивно связанной плазмы
ILLH — Institute of Linguistics, Literature and History
ISKOS — Suomen muinaismuistoyhdistys
MASF — Monographs of the archaeological society of Finland
mCT — метод компьютерной микротомографии
RAS — Russian Academy of Sciences
RME — Republic of Mari El
SACI — State Autonomous Cultural Institution
SBCI — state budgetary cultural institution
SEM-EDX — микронзондовый анализ
VolSU — Volgograd State University
XRF — рентгеноспектральный флуоресцентный анализ

**ДРЕВНЯЯ КЕРАМИКА ЕВРАЗИИ:
от сосуда к культуре**

Материалы конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2024 г.)

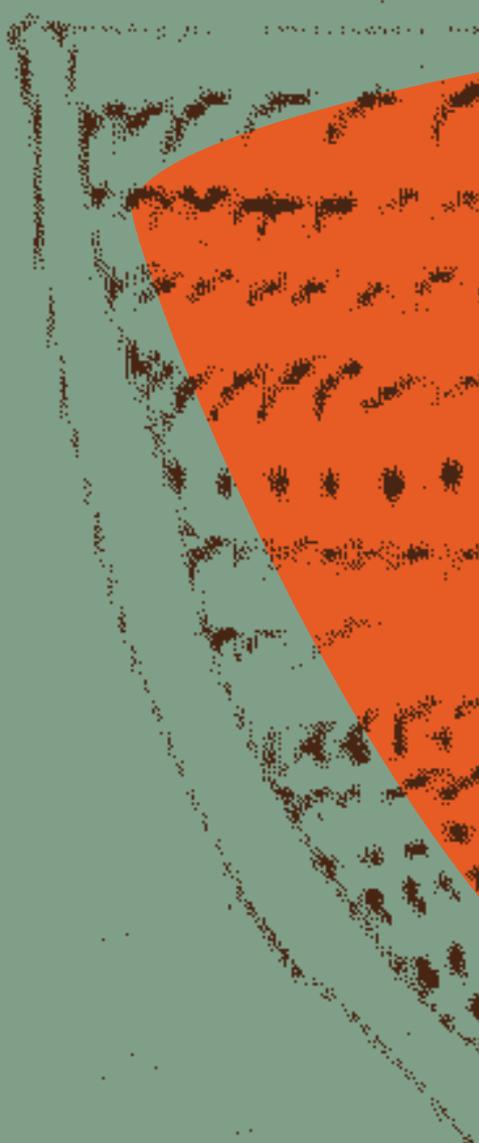
Корректор:
А. М. Никитина

Оригинал-макет:
Д. Л. Вишняцкая

Дизайн обложки:
К. В. Неклюдов

Формат 60×90 1/8. Усл. печ. листов 20,5
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Подписано в печать 24.04.2024
Тираж 300 экз. Заказ № 488

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
9450922@gmail.com

ISBN 978-5-6050962-5-2

9 785605 096252 >